

COUNTWAY LIBRARY

HC 2TSX Z

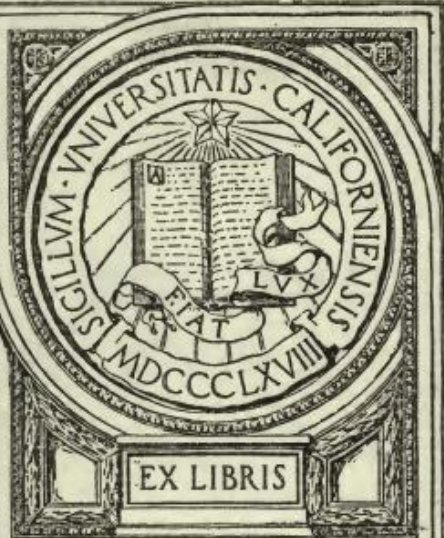

MAGIC,

WHITE AND BLACK

THE CLEVELAND
PRINTING
VINCE

EXCHANGE

EX LIBRIS

Yours truly
F. Hartmann

Франц Хартманн
Доктор медицины

Magic, White and Black

OR

The Science of Finite and Infinite Life

CONTAINING

PRACTICAL HINTS FOR STUDENTS OF OCCULTISM

BY

FRANZ HARTMANN, M. D.

"For in our searchings are fulfilled all our desires, and we obtain the victory over all worlds."—*Khand. Upanishad.*

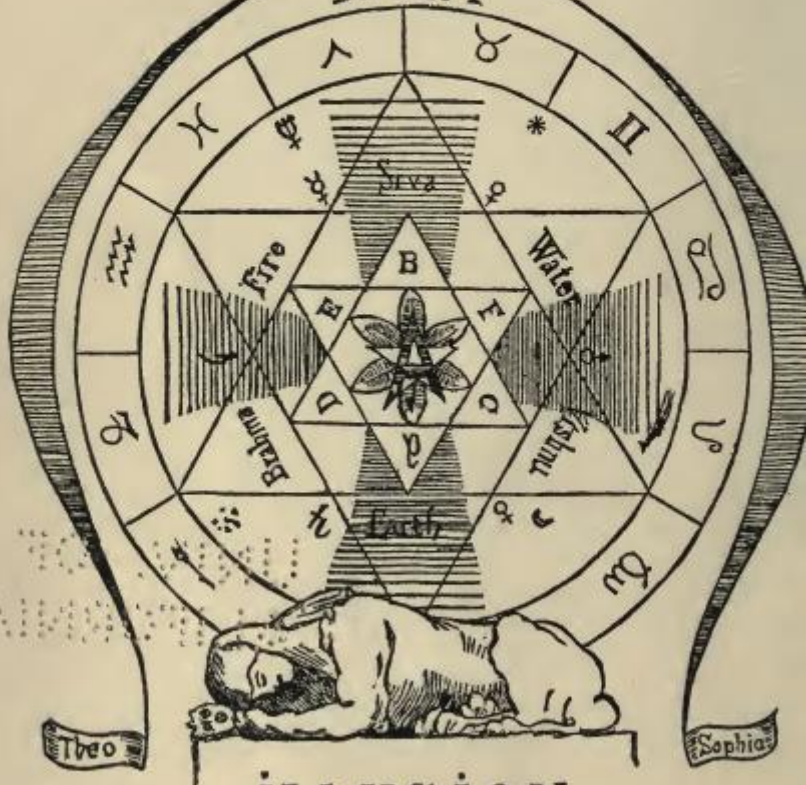
FOURTH (AMERICAN) EDITION REVISED

NEW YORK
JOHN W. LOVELL COMPANY
150 WORTH STREET, COR. OF MISSION PLACE

PARABRAHM

LOGOS
LIGHT

ILLUSION

PREFACE

TO THE NEW AMERICAN EDITION.

MAGIC, white and black, was originally written at a time when I imagined that it was possible by means of intellectual efforts to bore a hole through the veil that covers the mystery of the spirit, and the favor with which the first three editions have been received I attribute to the generally prevailing curiosity of obtaining a knowledge of spiritual things without having to pass through the slow process of becoming spiritual oneself. As it has been decided to bring out a new edition, I have attempted to remedy its most conspicuous faults, and to make such improvements as were suggested by a more extended experience. In this new shape I can conscientiously recommend it to my American compatriots, and to all who are interested in the study of occultism.

THE AUTHOR.

Франц Хартманн

МАГИЯ, БЕЛАЯ И ЧЁРНАЯ

*Наука о конечной и бесконечной жизни,
содержащая в себе практическое руководство для всех,
кто изучает оккультизм*

*Гению Елены Петровны Блаватской,
мученику Великого Дела и защитнику прав человечества,
с уважением посвящает этот труд автор.*

"У всего сущего на земле есть эфирный двойник над землей; всё, сколь бы незначительным оно ни казалось миру, имеет связь с высшим; поэтому если низшее действует, главенствующая высшая часть откликается на это".

Sohar Wajecae, Fol. 156,6.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наш век — век рассудочных построений. Большинство образованных современников, так сказать, живут головой, не прислушиваясь к речи сердца. На троне — скептицизм, и мудрости лишь тогда позволено высказаться, когда ее слова не противоречат соображениям личной выгоды. Блустители науки пытаются заключить бесконечную истину в пределы своего ограниченного разума, а всё, чего не могут объяснить, объявляют несуществующим. Наши философы отказываются признавать, что властвует над мирозданием любовь, чей свет отражается в человеческой душе. Наши мудрые современники хотят рассматривать вечные истины при колеблющемся пламени свечи своего рассудка, опираясь на чувственные наблюдения; они забыли, что человечество едино и что один человек не может вместить Всё. Они пытаются научно обосновать, почему человек должен быть справедливым и честным и почему он не должен ставить свои собственные интересы выше стремлений других представителей своего рода.

Все согласятся, что конечный удел человека не зависит от его умозаключений касательно космологии, пневматологии, идеи спасения и т. п.; и, может быть, пока он не владеет истинным знанием, один набор верований и убеждений ничуть не хуже другого. Но чем скорее человек освободится от ошибочных построений и познает подлинную правду, тем меньше он встретит препятствий на пути восхождения и тем быстрее достигнет конечного совершенства. Поэтому наиболее важным представляется такой вопрос: может ли человек достоверно узнать то, что недоступно его чувственному опыту, иначе чем доверясь словам некоего предполагаемого авторитета?

Можно ли развить интуицию настолько, чтобы она дала подлинное знание, или мы вовеки обречены зависеть от слухов и домыслов? Может ли отдельный человек овладеть силами, недоступными пониманию современной науки, и если да, то как? Для того, чтобы попытаться ответить на эти вопросы, и были написаны последующие страницы. Мы хотели помочь жаждущим правды в размышлениях об истинной природе человека и его месте во Вселенной. Те, кто полагает, что уже знает ответ, конечно, не нуждаются в наших наставлениях; но тем, кто пока ищет, они могут пригодиться. Им-то мы и хотим предложить совет, данный Гаутамой Буддой своим ученикам: *"Не верьте ничему бездоказательному и ничего не отвергайте как бездоказательное, не изучив тщательно предмета"*.

Эта книга писалась не для того, чтобы убедить скептиков в том, что оккультные феномены происходили в прошлом и происходят сегодня; скорее, мы попытались доказать саму возможность таинственных явлений. Здесь предлагаются некоторые объяснения со ссылкой на законы Природы, с которыми подобные явления вполне согласуются. За недостатком места в тексте отсутствуют обширные поясняющие примеры. Те, кто заинтересуется, смогут найти их в книгах, заглавия которых даны в примечаниях.

ВВЕДЕНИЕ

"НЕТ РЕЛИГИИ ВЫШЕ, ЧЕМ ПОЗНАНИЕ ИСТИНЫ"

Как бы ни истолковывали древние и современные невежды слово "магия", по-настоящему оно значит *"Высшая из наук, или Мудрость, опирающаяся на знания и опыт"*. Искусство Магии — это искусство управлять невидимыми, духовными силами так, чтобы добиться видимых результатов. Причем эти силы — вовсе не незримые существа, порхающие в окружающей пустоте и готовые явиться по первому зову любого вызубрившего несколько заклинаний и обрядов. В основном это, скорее, невидимые, но могучие волевые устремления, движения эмоций, желаний и страстей, потоки мыслей и фантазий, порывы любви и ненависти, страха и надежды, веры и сомнения и т.д., и т.д. Всё это — проявления того, что зовется душой; они управляют нами всегда и везде, сознаём мы это или нет, хотим мы этого или не хотим. Тот, кто лишь подчиняется воздействию таких устремлений, а не властвует над ними, оказывается их орудием, "медиумом", проводником и зачастую — рабом. Тот же, кто научился управлять самим собой, а значит, и этими потоками, становится подлинным магом, он могуч и деятелен и может распоряжаться силами своей души во благо или же во вред. Таким образом, каждый, кто не лишен рассудка, — маг настолько, насколько развита его воля: белый маг использует свои способности для служения добру, черный — для служения злу. Красивая одежда и изящные манеры обладают большей волшебной силой, чем все заклятия в колдовской книге невежественного "чародея".

Ни у кого не вызывает сомнений, что человек наделен не только определенными физическими возможностями, но и так называемыми ментальной и духовной энергиями.

Любовь, уважение и преданность вызывает не тот, чьи мускулы сильнее, а тот, за кем мы признаем интеллектуальные и нравственные достоинства, или же тот, кто имеет в наших глазах авторитет, неважно, действительный или воображаемый. Король или епископ не всегда сильнее своего слуги, но, если он назовет себя, слуга подчинится; капитан может быть слабейшим в своем отряде, и все-таки его солдаты повинуются ему.

Красота, гармония и величие не приносят пользы, но мы почитаем их, а значит, они нам необходимы.

Цивилизацию движет не столько сила оружия, сколько достижения в интеллектуальной и нравственной областях; верно говорят, что в наш век перо могущественнее шпаги.

Чем был бы наш мир без волшебной силы любви, красоты и гармонии? Что, если бы он был создан по образцу, предлагаемому современными *"философами-рационалистами"*? Мир, в котором не признаётся всемогущество любви, — это царство безумцев, заплутавших в собственных бредовых видениях. Здесь нет ни искусства, ни поэзии, здесь царит произвол, а честность — то же, что безумие; здесь есть лишь один бог — бог собственного "я".

Можно сказать, что магия — это наука, которая исследует умственные и нравственные возможности человека, а также то, какую власть он может обрести с их помощью над собой и другими. Однако прежде требуется выяснить, что есть Человек и какое место он занимает в мироздании. Подобные исследования, проведенные должным образом, покажут, что элементы, из которых состоит сущность человека, те же, что и начала Вселенной. Можно сказать, что Вселенная — это Макрокосм, а человек — его точная копия — Микрокосм.

С рождения нас окружают физические объекты. Но столь же очевидно, что эти физические объекты оставляют свой отпечаток, представление о себе во внутреннем, более тонком мире отдельной личности. Каждый такой мир неповторим, и взаимоотношения с пространством у него особые, отличные от других.

В каждом ясный день сменяется темной ночью, вне зависимости от чужого времени суток, в каждом — свои тучи и грозы, свои образы и формы.

Взрослея, мы постигаем науки и надеемся установить истинную природу этих миров и законы, которые ими управляют, но обычная наука имеет дело лишь с формами, формы же постоянно изменяются. Она дает ответы на некоторые вопросы об объективном мире, но нисколько не убавляет наше невежество в том, что касается области субъективного. Современная наука занимается классификацией фактов и описанием явлений, но описать, как нечто происходит, не значит объяснить, почему оно происходит.

Установить причину, которая сама по себе есть результат взаимодействия неведомых первопричин, — то же, что обойти одну стенку и наткнуться на другую. Наука описывает кое-какие свойства предметов, но почему эти свойства именно таковы, ей неведомо, и так будет всегда, пока область незримого остается для нее недоступной.

Однако очевидно, что, помимо научного исследования, есть и другая возможность познать скрытую сторону Природы. Религиозные учителя всего мира стремились рассказать нам о тайнах, недоступных деятелям науки. Многие полагают, что их учения — плод божественного или ангельского откровения, то есть исходят от высшей, бесконечной, вездесущей — но всё же личности, и потому ограниченной.

Хотя само существование подобной личности никем не доказано и, вообще говоря, весьма сомнительно, однако все страшно боятся её якобы предписаний; люди готовы перегрызть друг другу глотки по мнимому приказу этого существа, готовы отдать свои деньги, жизни и даже честь тем, кто назовет себя посланцем, а может быть, и приближенным бога. Они согласны терпеть нужду и лишения до конца своих дней, чтобы получить награду после смерти. Кое-кто так и тратит всю жизнь в ожидании наслаждений в посмертном существовании — даже не будучи в нем уверенным.

Кое-кто умирает от страха потерять то, чего никогда не имел. Тысячи людей обучают других тому, чего сами не знают, и, хотя на земле великое множество религиозных учений, истинных религий сейчас очень мало.

Слово "*религия*" восходит к латинскому religare — "*соединять*", "*связывать*". Религия в подлинном смысле— это наука, которая исследует связь, существующую между человеком и его истоком, или, другими словами, изучает отношения между человеком и миром причин, как бы мы ни называли этот последний: Природа или Бог. Ведь слово "*Бог*" мы могли бы перевести как "*Верховная Первопричина*", а Природа— это проявление Бога вовне. Поэтому настоящая религия— наука гораздо более высокая и благородная, чем привычная нам, рассматривающая только чувственно воспринимаемые предметы, однако оба мировоззрения вполне сочетаются друг с другом. Лишь лживые научные положения неизбежно противоречат религиозным истинам, и наоборот.

Подлинная религия и подлинная наука, в конечном счете, одно и то же, и потому они равно правдивы, в то время как религия, цепляющаяся за призраки, и наука, построенная на измышлениях, равно ложны, и чем сильнее они упорствуют в своих заблуждениях, тем они губительнее для умов и сердец.

Но что такое истинная религия и истинная наука? Несомненно, что существует некая связь между человеком и его истоком, причиной, которая вызвала человечество к существованию. Подлинная религия или подлинная наука как раз и изучает эту связь. Если мы сопоставим внешнюю сторону нескольких религиозных систем, то обнаружим, что все они друг другу противоречат. Мы увидим, что зерно истины скрывается под толстой кожей суеверий и несообразностей.

Признавая этическую и моральную сторону избранного нами учения, мы попутно воспринимаем её богословскую шелуху, забывая, что этические нормы во всех религиях, в сущности, одинаковы, а прочее не столь уж важно, и тот мусор, который окружает ядро, не есть настоящая религия.

Основа всех религий — сокровенная истина, хотя везде её так или иначе приукрашивают, и когда мы обратимся к сути учений, то обнаружим, что истина эта всюду одна и та же. Мы увидим, что основа везде скрыта за иносказаниями, что внеличностные и невидимые силы всегда запечатлены в камне или дереве, что бесконечное и единственно реальное изображено с помощью вымышленных образов. Все притчи, картины, скульптуры — всего лишь средства донести истину до незрелого разума. Эти образы для взрослых детей всех народов — то же, что книжки с картинками для малышей, и бессмысленно заставлять людей расстаться с иносказаниями прежде, чем они научатся видеть истину в своем собственном сердце — так же, как бессмысленно отнимать у детей книжки с картинками прежде, чем они научатся читать.

Но если дети, и маленькие, и большие, не станут учиться читать, а будут только рассматривать рисунки, то, став взрослыми, они не сумеют понять разницы между предметом и его изображением; они окончательно забудут, что все картинки — ненастоящие, и что реальность, которая превыше форм, незрима; ведь верить намного легче, чем думать. Но однажды приходит время отложить детские книжки и получить высшее образование. Человечество вышло из пеленок, ему требуется все больше умственной пищи; эпоха суеверий завершается, и сейчас нужны не суждения, а знание, которого нельзя достичь без усилий.

Исследуя различные религиозные учения, можно обнаружить в них немалую долю истины, но мы не сможем распознать правду, не обладая знанием, а подлинное знание приобретается только путем опыта. Чужое мнение лишь тогда убеждает, когда основывается на собственных твоих переживаниях. Человек по-настоящему верит только тому, что знает, а знает он только то, что сам испытал.

Поэтому всякая религиозная система призвана учить тому, как можно развить свою способность воспринимать истину.

Требовать от кого-то, чтобы он слепо верил чужим словам и этим довольствовался — все равно, что заставлять его доверять другому больше, чем себе, не имея собственного мнения. Тот, кто не обладает знанием, лишен убежденности и понимания и выберет религию, ориентируясь только на внешние обстоятельства. Он, скорее всего, примет ту веру, которой придерживаются его родители или его окружение, а если и сменит вероисповедание, то сделает это из чистой сентиментальности или же по расчету, предполагая извлечь какую-то выгоду. Но дух такого человека не приобретет от этого ничего, потому что любить истину должно ради её самой, не думая о себе и о выгоде; точно так же и в интеллектуальном плане мало будет пользы от замены одного предубеждения другим. Лишь тогда человек сможет приблизиться к истине, когда полюбит её именно потому, что она — истина, и откажется от любых предубеждений; и только тогда её свет сможет проникнуть в его душу.

Может быть, и стоит изучать мнения других и хранить их в книге нашей памяти, однако не следует ни принимать чужие мысли на веру, ни отвергать их безосновательно, но всегда предварительно взвешивать их на весах благоразумия и справедливости. Даже учения величайших посвященных мира, безусловно истинные, могут лишь направить нас, а не дать нам непреложное знание. Они могут указать путь, но взойти по ступенькам мы должны сами. Принимать их dictum на веру ничуть не лучше, чем беспрекословно доверять любому другому авторитету. Знание дает силу, сомнение лишает воли. Тот, кто не верит, что может ходить, не может ходить и не сможет, пока не поверит; тот, кто по опыту знает, что может управлять собой, может управлять собой. Он может управлять тем, что ниже его, так как низшее подчинено высшему, и нет ничего выше познавшего себя человека.

Владеет ли *"рациональная"* наука подлинным знанием о Человеке?

Область, доступная ей, ограничена возможностями чувственного восприятия или возможностями приборов; наука не может преодолеть границу мира вещей, войти в храм незримого, ей ведома лишь внешняя форма, в которой обитает реальность. Ей знакома лишь призрачная оболочка человека, а не подлинная его суть, в наличии которой наука сомневается. Бесполезно надеяться, что она разрешит вопрос, заданный тысячу лет назад Сфинксом.

Владеют ли подлинным знанием о Человеке основные религиозные учения? Рядовой богослов понимает таинственное существо, именуемое человеком, столь же неверно, как и современный ученый. Первый рассматривает человека как личность, отдельную от других, вокруг которой в её бесконечной малости вращаются интересы бесконечно великого. Он забывает то, чему учили основатели мировых религий: что изначальный человек (Адам) был внеличной Силой, что подлинный Человек (Христос) целостен и неразделим, что личность — храм, где живет Дух Божий (1).

Незнание истинной природы человека привело к тому, что в изложении большинства богословов всех стран любые учения основаны на эгоистических мотивах и за основу берут "я", что противоречит духу истинной религии. Христиане и язычники, не замечая собственной незначительности, постоянно требуют от воображаемого существа какой-то награды, в этой жизни или в сомнительном *"после"*.

Недальновидный человек желает спастись прежде всего сам, а спасение других — дело второе. Он мечтает получить незаслуженную награду, добиться благоволения некоего божества, избежать справедливого наказания и вместе со всеми своими недостатками попасть в царствие небесное.

Но, ставя превыше всего собственные желания, нельзя попасть на небо, где личные стремления просто не существуют. Тот, кто не ищет рая, а довольствуется тем, что имеет, уже пребывает в раю, в то время как недовольному просителю не помогут никакие мольбы.

Отречься от себялюбивых устремлений— значит обрести свободу и радость, а "*рай*" — ни что иное, как ощущение радости и свободы. Тот, кто действует ради вознаграждения, несчастен, пока не получена награда, когда же она получена, радость быстро проходит. Не может быть прочного покоя и счастья, пока остается несделанной работа, а выполнение долга уже само по себе является наградой.

Тот, кто совершает доброе дело, ожидая награды, несвободен. Он раб своего "*я*" и трудится для пользы "*я*", а не ради умножения в мире Блага. Значит, силе абсолютного Блага не за что благодарить его, и лишь собственное "*я*" может его вознаградить. Тот, кто вершит зло, увлекаемый страстями, несвободен. Тот, кто желает недоброго, но удерживается, боясь наказания, не властен над собой. Лишь тот, кто откроет в своем сердце высшую Силу всего мира— лишь он обретает свободу. Человек, чья воля подчинена низшему "*я*», — раб самого себя, тот же, кто овладел своим низшим "*я*", познает высшую жизнь и обретет истинную силу.

Наука Жизни— это умение подчинять низкое и развивать высокое. Первое, чему мы учимся, — как отбросить себялюбие. Это главный демон, о котором писал Эдвин Арнольд:

**Греху личности, которая в мире,
Как в зеркале, видит свое прекрасное лицо
И кричит "*я*", мир ответит: "*я*",
И все исчезнет, пока она будет жить. (2)**

Низшее "*я*" состоит из множества маленьких "*я*", из которых каждое предъявляет собственные требования, и тем громче, чем больше им потакаешь. Эти полу разумные стремления души разорвут её, если дать им взрасти, и их должно подчинить власти истинного Владыки, высшего "*Я*" — власти Духа.

Чтобы выполнить эту задачу, необязательно становиться человеконенавистником и бежать в джунгли, питаясь там плодами собственного большого воображения. Повседневные мелкие неприятности прекрасно развивают силу воли у тех, кто еще не овладел собственным "я". "*Уйти от мирской суеты*" не означает презреть цивилизацию, забыть математику и логику, пренебрегать интересами человечества, бездельничать и забросить семью. В подобном случае, напротив, разрастается себялюбие, душа сжимается, вместо того чтобы вместить в себя весь мир. "*Отказаться от себя*" значит всего лишь отказаться от тщеславных устремлений. Это значит "*жить в мире, но не цепляться за мир*", предпочесть любовь к нему любви к себе и поставить общие интересы выше собственных. Духовный рост сопряжен с отказом от себя. Забыв свое "я", мы начинаем меньше заботиться о собственной личности, о собственных чувствах и желаниях, и тогда понимаем, что люди — вовсе не вечные, неизменные и неизменяемые существа, одинокие среди других одиноких, запертые в своих непробиваемых раковинах, но что все мы — воплощения единой бесконечной Силы, объемлющей мироздание, и тела, временное наше жилище, — средоточия ее потоков. Сила течет в нас и излучает свет, образуя бесконечную сияющую сферу, чья окружность бесконечна, а центр — везде.

Стоит взглянуть с такой высоты, и все личные интересы покажутся мелкими и незначущими. Человек тогда предстает как средоточие чего-то высшего, а все люди — как песчинки на берегу бесконечного океана. Удача, слава, любовная страсть, успех и прочее — мыльные пузыри, и человек, не колеблясь, оставит их, как детскую игру. И это никто не назовет жертвой, ведь подросшие мальчики и девочки не "*жертвуют*" своими игрушечными пистолетиками и куклами, они просто больше не занимаются ими.

По мере того как детский ум развивается, ребенок забывает прежние интересы.

Точно так же окружение и вся планета начинают казаться человеку мелкими по мере того, как развивается его дух, крохотными, как пейзаж, который видишь с вершины горы, в то время как бесконечное предстает еще более неохватным. Понимание этого "*отнимает нас у родины и дома*"(3) и делает подданными Мироздания; оно отделяет нас от смертных родителей и друзей, чтобы связать с ними навеки как с бессмертными братьями и сестрами; оно уводит нас из пределов призрачной действительности к безграничному царству Идеального и, освобождая человека из тюрьмы ничтожного тела, ведет его к высшему блаженству Вечной Вселенской Жизни.

Каждое живое существо, в том числе и человек, — всего лишь точка пересечения энергетических потоков, текущих из мирового источника Жизни, и чем крепче эти энергии связаны с телом, тем сложнее им проявить себя, возрасти и излиться вовне. Тот, кто сосредоточен на своем "я", кто использует свои способности лишь для удовлетворения собственных желаний, уменьшает свою мощь и постепенно теряет значимость, он перестает видеть целое, а целое перестает видеть его. Если же кто-то попытается, не обладая нужным запасом энергии, обратить свои силы к царству неведомого, не подкрепив их развитым интеллектом, усилия его породят только тени, что обречены затеряться в бесконечности. Такой человек не сумеет понять то, что увидит в мире духовного, он, скорее всего, превратится в упрямого и суеверного фанатика, сновидца. Гармоничное развитие требует не только расширения восприятия, но и одновременного накопления энергии.

Некоторые люди обладают очень развитым интеллектом, но слабы духовно; некоторые сильны духовно, но не очень умны; но избран тот, кто крепок и умом, и духом. Ведь прежде, чем начать пользоваться какой-то вещью, мы рассматриваем её и пытаемся представить, что и как с ней нужно делать.

Понимание — результат усвоения и развития, а не простой зубрежки. Это — осознание природы вещей, оно приходит после долгих раздумий.

Путешественник, ночью явившийся в незнакомую местность, проснувшись утром, с трудом поймет, где находится. Возможно, во сне ему грезился дом и близкие; и только когда он откроет глаза, когда присмотрится к новой и непривычной обстановке, — лишь тогда отступят образы сновидения, и странник сможет понять, где он. Прежде чем постигать новые истины, следует отвергнуть старые заблуждения. Человек лишь тогда обретает жизнь в Духе, когда начинает осознавать свою духовность.

Чтобы достичь совершенства, требуется в равной мере физическое здоровье, интеллектуальное развитие и духовное познание, и деятельность. Незгоистичный интеллект должен служить опорой интуиции, а чистая душа — обитать в здоровом теле. Как добиться этого, не объяснят ни наука, исследующая иллюзии, ни религия, основанная на этих иллюзиях; этому учит Религия Мудрости веков, суть которой — истина; овладеть ею — высшая цель жизни человеческой.

Эта Религия Мудрости — наследие пророков, святых и просветленных, всего мира, и неважно, какую веру они исповедовали. Древние брахманы, египтяне и евреи возглашали о ней в храмах и пещерах, её проповедовал Гаутама, она — основа Элевсинских и вакхических мистерий греков, она — изначальная суть учения Христа. Это религия человечества, что стоит превыше конфессий и формальностей. Ныне, как было и в древности, истины эти не поняты и искажены теми, кто претендует на духовное учительство. Фарисеи и саддукеи Нового Завета — прообразы современных церковников и ученых. И теперь, как в те времена, предрассудки и себялюбие распинают истину, погребая её в склепе невежества, откуда она восстает вновь и вновь. Сейчас, как и тогда, дух покидает форму, гонимый теми, кто, служа форме, ненавидит его.

Мудрость вовеки останется тайным знанием для идолопоклонников, почитателей внешнего, даже если кричать о ней с крыш и проповедовать на базарах.

Торговец, занятый своими фунтами и пенсами, не заметит чудеснейших пейзажей, интеллектuala станет просить о знамении и не увидит, что знаки божественного присутствия окружают его. Воскресение Спасителя— это пробуждение добра в человеческой душе; свет его озарит жизнь последующих поколений.

Никто, вероятно, не станет отрицать волшебную силу добра; но если мы допускаем существование благой белой магии, то должны принять как данность и злую, черную магию. Развивший (или осознавший) в себе сверхличностную силу может воспользоваться ею как для добрых, так и для злых дел, однако если применять её для достижения собственных целей, маг утрачивает могущество, так как тогда на первый план выходит "я", которое силой не обладает.

Каждый день мы читаем о наделенных немалым интеллектом людях, устремивших все свои помыслы ко злу. Мы видим, как одни люди заставляют других служить своим целям, играя на их тщеславии, жадности, эгоизме и амбициях, как ради удовлетворения собственных желаний люди совершают убийства и разжигают войны. Но всё это, по сути, только борьба за существование.

Причина подобных действий — не любовь ко злу, а поиски личной выгоды, поэтому нельзя считать их черной магией. Настоящие черные маги— те, кто творит зло ради самого зла, кто вредит другим, не надеясь извлечь из этого пользу для самого себя. Это соблазнитель и разносчики сплетен, хулители и клеветники, все, кто сеет раздор в семьях, кто мешает развитию человечества и поощряет невежество, — всех их по праву можно назвать силами Тьмы; а тех, кто совершает добро только ради него самого, мы назовем Детьми Света.

Борьба между Светом и Тьмой стара как мир; свет может проявить себя лишь на фоне тьмы, а зло— лишь на фоне добра. Добро и зло— это свет и тень, составляющие один извечный принцип Жизни, и одно проявляется рядом с другим. Хотя абсолютное Благо и возможно, мы не узнаем его, не сравнив со злом.

Также невозможно и абсолютное зло без проблеска добра. Если в душе не останется доброго начала, силы, её составляющие, борясь между собой, разорвут эту душу на части. Спаситель человека — его воля к добру. Эта воля влечет его к тому, что есть Благо, и в конце, когда прекратится деятельность в верховном источнике всех энергий, некогда породившем жизнь, — тогда Силы Тьмы будут обречены на страдание, а Дети Света воссоединятся с извечным началом Блага.

Глава I

ИДЕАЛ

Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему
должны поклоняться в духе и истине.

Иоан. 4:24

Высочайшее желание, которое может лелеять разумный человек, и исконнейшее его право— это быть совершенным. Знать всё, любить всё и быть известным всем и возлюбленным всеми; быть господином всего сущего— вот состояние, которое в какой-то степени ощущается интуитивно; однако интеллект смертного не в силах даже вообразить себе, что такое возможно. Некоторое представление о подобном блаженстве имеет тот, кто был — пусть на краткий миг— счастлив. Тот, кого не тяготят печали и не волнуют собственные желания, тот, кто осознает свою силу и знает, что он свободен, может почувствовать себя властелином миров и царем творения; и в такие моменты он и правда является им — для себя, — хотя кажется, что подданные его даже не подозревают о его существовании.

Но когда человек пробуждается от грез и смотрит на внешний мир через окошки своих пяти чувств, когда он начинает рассуждать об окружающем разумно, видение исчезает; он видит себя сыном Земли, смертным, прикованным множеством цепей к одной из пылинок Вселенной, к шарiku материи, зовущемуся планетой и дрейфующему в безграничном пространстве. Он считает теперь, что идеальный мир, который мгновением раньше являлся ему во всём своем великолепии и славе, был лишь беспочвенным порождением мечты, не имеющим никакого отношения к действительности; что несомненно, реально лишь физическое существование и его несовершенства, и иллюзии этого существования кажутся ему тем единственным, что достойно внимания.

Человек видит вокруг себя материальные формы и начинает искать среди них то, что отвечает его высочайшему идеалу.

Величайшее желание каждого смертного — достичь того, что существует в нем как его высший идеал.

Нельзя представить себе человека без идеала. Сознать — значит сознавать наличие некоего идеала; разрыв с идеальным миром был бы смертью. Человек, не стремящийся к нему, бесполезен в хозяйстве Природы: тому, кто осуществил все свои желания, незачем больше жить, ибо жизнь для него теперь не имеет смысла. Каждый связан со своим идеалом: тот, чей идеал бременен, умирает вместе с ним, но тот, кто избрал нетленное, разделит его бессмертие.

Человек живет в двух мирах: внутреннем и внешнем. Эти миры существуют каждый в своих особых условиях; тот, где человек пребывает сейчас, и представляется ему реальным. Когда он полностью уходит во внутренний мир — во время сна или в глубокой задумчивости, — образы внешнего мира меркнут, однако после того, как человек очнется, увиденное им в таких состояниях забывается или остается лишь тенью воспоминания. Жить одновременно и здесь, и там может лишь тот, кому удалось гармонично слить свой внутренний и внешний миры в один.

Так называемое реальное редко соответствует идеальному, и часто случается, что человек после многих безуспешных попыток воплотить идеал во внешнем мире, разочарованный, обращается опять к миру внутреннему и решает отказаться от исканий; но, если он сумеет реализовать свои стремления, для него наступает миг счастья — тогда, как мы знаем, время перестает для него существовать, внешний мир сливается с внутренним его миром, его сознание поглощено обладанием обоими, и при том он остается человеком.

Художникам и поэтам ведомы такие мгновения.

Изобретатель, видящий, что его открытие признали и приняли, солдат, с победой возвращающийся с войны, влюбленный, соединившийся в предмете своих желаний, — все они забывают и теряют себя полностью, отдаваясь созерцанию своего идеала. Святой, в экстазе созерцающий представшего перед ним Спасителя, купается в океане восторга, и сознание его целиком сосредоточено на идеале, который он сам создал силами своего разума и души, но который столь же реален для него, как любое существо из плоти и крови. Шекспировская Джульетта находит свой смертный идеал в образе юного Ромео. С ним она забывает бег времени; ночь уходит, но она не замечает этого, и когда жаворонок поет, возвещая рассвет, она принимает его песнь за трели соловья.

Счастье не ведает времени и не понимает опасности. Но идеал Джульетты смертен, и он умирает, а она, потеряв свой идеал, тоже должна умереть; бессмертные же идеалы этих влюбленных соединяются вновь в царстве вечности, куда они входят через врата физической смерти.

Но как для Джульетты солнце встает слишком рано, так для всех, кто обретает свой хрупкий идеал во внешнем мире, счастье уходит быстро. Воплощенный идеал перестает быть идеалом; бесплотные образы внутреннего мира, оказавшись в грубых руках смертных и одетые в материю, неизбежно умирают. Прежде чем человек сможет обрести бессмертный идеал, он должен утратить свою тленную природу.

Низшие идеалы можно убить, но их гибель вызывает к жизни новые их подобию. Из крови убитого вампира рождается целая стая. Исполненное эгоистическое желание открывает дорогу таким же желаниям, удовлетворенная страсть сменяется другой подобной же страстью, а за утолением чувственных порывов следует новая буря. Земное счастье кратко и часто оборачивается в итоге отвращением; лишь любовь к непреходящему бессмертна. Материальные достижения гибнут, ибо формы недолговечны и быстро разрушаются.

Достижения интеллекта пропадают втуне, ибо интеллектуальные убеждения подвластны переменам.

Желания и суждения изменяются, и память тускнеет. Живущий воспоминаниями о прошлом цепляется за нечто уже мертвое. Ребенок становится взрослым, а взрослый — стариком, который опять превращается в ребенка; место детских игрушек занимают игрушки ума, но исполнив свое предназначение, они оказываются столь же бесполезными, как те, первые; лишь духовные реалии вечны и истинны. В постоянно вращающемся калейдоскопе Природы иллюзорная часть принимает всё новые и новые формы. То, что высмеивалось как суеверие в одном столетии, в другом подчас принимают за основу наук, и то, что кажется мудростью сегодня, завтра, возможно, станут считать абсурдом. Неизменна лишь истина.

Но где человеку найти её? Если он углубится в себя в достаточной мере, истина ему откроется; каждый способен понять собственное сердце. Человек может озарить светом разума глубины своей души — и тогда он откроет, что она бездонна, как небо над его головой. Он может найти кораллы и жемчуг или увидеть чудовищ в её безднах. Если намерения его тверды и непоколебимы, ему дано будет войти в святая святых его собственного храма и узреть богиню, сбросившую покровы и пелены. Не каждому под силу добраться до этих глубин, ибо мысль легко сбивается с пути; но сильный и настойчивый искатель будет снимать один покров за другим, пока в самом центре не найдет зерно истины, которое, пробужденное к сознательной жизни, вырастет и станет солнцем, изливающим свой свет на весь внутренний мир, где содержится всё.

Как нам постичь истину? Истина, пробужденная к сознательной жизни, знает, что она такое; она — Божественный принцип в человеке, неподверженный ошибкам и неподвластный иллюзиям.

Когда поверхность души не волнуема бурями страстей, когда никакие эгоистические желания не нарушают её покоя и воды её не замутнены отражениями прошлого— тогда в глубинах её как в зеркале мы видим образ вечной истины. Постичь истину во всей её полноте значит обрести жизнь и бессмертие; потеряв способность распознать её, мы оказываемся в объятиях смерти.

Глас истины в человеке, ещё не пробудившемся к духовной жизни, звучит как *"тихий, слабый голос"*, который можно различить в сердце; несовершенный улавливает его, как мы в полусне иногда слышим далекий звон колоколов; но в том, кто осознал жизнь, кто видел воскресение Духа в своем сердце и принял крещение первого посвящения, через которое прошел сам, голос вновь рожденного эго перестает быть неясным звуком и превращается в могущественное Слово Властителя.

Пробужденный принцип истины обладает самосознанием и самодостаточностью, он — великое Духовное Солнце, которое знает, что оно существует. Он выше интеллекта и выше науки, он не нуждается в подтверждении "признанными авторитетами", его не заботят чужие мнения, и решения его нельзя оспорить. Он не знает ни сомнений, ни страха, но всегда спокоен в своем высшем могуществе. Его нельзя ни изменить, ни заменить, он всегда был и остается самим собой, независимо от того, воспринимает его смертный человек или нет.

Он сравним со светом земного солнца, который нельзя погасить в мире, но от которого человек порой добровольно закрывается. Мы можем ослепить себя и не воспринимать истину, но сама истина от этого не меняется. Она озаряет душу и разум тех, кто пробудился к бессмертной жизни. Чтобы осветить маленькую комнатку, достаточно слабого огонька, а для большой залы нужен яркий светильник, но и там и там свет одинаково ярок; так и в сердцах всех людей свет не замутнен ничем, но сияет ярче или слабее в зависимости от их личных качеств.

Нет ничего выше истины, и потому постижение истины есть высший человеческий идеал. Высочайший идеал Мироздания должен быть всеобщим идеалом. Все люди устроены одинаково, в соответствии с одним вселенским законом, и потому высший идеал одинаков для всех и доступен всем, и в его достижении все индивидуальности соединяются в одно.

Пока человек не сознает высочайший идеал Мироздания, таковым для него будет тот высший идеал, который он способен осознать; но поскольку существует идеал выше воспринимаемого им в данный момент, неосознанно он будет стремиться к нему, если только не станет специально упорно отвергать его зов. Только достижение высочайшего вселенского идеала может дать бесконечное счастье, ибо достигшему самого высшего нечего больше желать.

Покуда существует идеал более высокий, человек будет стремиться к нему, но высочайший идеал, если он обретен, перестает притягивать, и человеку уже некуда стремиться, до той поры, пока сам уровень высочайшего идеала не станет выше. Таким образом, существует некое состояние совершенства, которого любой из людей может достигнуть и которое никто не может превзойти, пока вся Вселенная не поднимется на следующую ступень.

Каждый вправе подняться до этого высочайшего уровня, но не все в равной мере способны к развитию: кто-то добивается успеха быстро, кто-то отстает по дороге, и, наверное, большинство падают и им приходится начинать всё с начала, с первой ступеньки лестницы. Из любого желудя, оказавшегося на земле, может вырасти дуб, но не все попадают в одинаковые условия. Некоторые прорастут, а кое из каких даже вырастут деревья, но большинство ожидает разложение и превращение в материал, из которого могут быть изваяны новые формы.

Высочайшая истина не доступна полностью человеку в смертной его форме.

Тем, кто достиг совершенного сознания абсолютной истины, не нужна никакая форма, вмещающая сознание; они принадлежат к племени вне форменных.

Те, кто скован цепями личности, не могут объединиться с универсальным принципом; разум, ставший столь необъятным, что телесный дом-темница уже не может вместить его, и не нуждается более в этой темнице. Духу нужно быть облеченным в некую форму только на первых шагах его развития. *"Одежды кожаные"*(4) служат ему защитой от разрушительных стихийных влияний, принадлежащих к царству зла, пока он не способен этому злу противостоять. Когда дух познаёт зло и обретает силы, чтобы подчинять его себе, когда он постигает истину, *"вкусив от древа Жизни и обретя жизнь вечную"*(5), он уже может защитить себя сам и телесная оболочка ему далее не требуется.

Человек, не достигший совершенства, если только он не начал деградировать, интуитивно ощущает, что истина есть, но не воспринимает её непосредственно. Ученый, который строит свои умозаключения исходя только из чувственного восприятия, далее всех отстоит от осознания истины, ибо он ошибочно принимает за реальность иллюзии, порождаемые его органами чувств, и отвергает откровения, сообщаемые ему его же собственной интуицией. Философ, не способный узреть истину, пытается постичь её своим интеллектом и может даже в чем-то приблизиться к ней; но тот, в ком истина осознала себя, знает её непосредственно и, единственный, не может ошибиться.

Такое состояние непонятно большинству людей, непонятно ученым и философам в той же мере, как и людям необразованным, и однако же существовали и существуют в наши дни те, кому удалось его достичь. Это — истинные теософы; хотя далеко не любой теософ, носящий это имя, принадлежит к ним, как не любой, кто называет себя христианином, — Христос.

Но истинный теософ и истинный Христос — одно и то же, поскольку оба — человеческие формы, в которых вселенская духовная Душа (шестой принцип оккультистов) осознала себя, и каждый, в ком она достигла такого состояния, есть теософ и есть Христос.

Поскольку истина одна, во всех концах земли люди, осознавшие её, воспринимают её одинаково. Этим объясняется то, что откровения тех, кого невежды называют "*провидцами*" и "*религиозными фанатиками*", столь схожи друг с другом, если, конечно, люди, их получившие, обладали равной силой.

Истины, открытые Якобом Бёме или Парацельсом в Германии, по сути не отличаются от тех, что сообщались махатмами в Тибете, — разница только в объеме и в способе выражения. Переживший экстаз христианский святой в Англии или Франции поведал бы то же, что и впавший в транс индийский брахман или испытывавший нечто подобное американский индеец, все трое, будучи в одинаковом состоянии, узрели бы совершенно одно и то же. Истина здесь, перед нами, она открыта взорам всех, кто способен воспринять её, но каждый будет описывать её на свой манер, соответственно своему образу мысли.

Если бы, как считают невежды, видения святых и лам, саньсяи и дервишей были только галлюцинациями, порождениями фантазии, разве могли бы они совпасть у людей, никогда не слышавших друг о друге? Дерево будет деревом для всех, кто его видит, и, если зрение человека достаточно ясно, никакие вынесенные заранее суждения не обратят это дерево во что-нибудь иное; истина предстанет истиной перед всеми, кто способен её узреть, и никакие вынесенные заранее суждения не изменят её и не обратят в ложь.

Узнать до конца истину значит узнать все сущее; любить истину превыше всего — значит соединиться со всеобщим сознанием; быть способным выразить истину во всей полноте — значит обладать властью над Вселенной; соединиться с непреходящей истиной — значит навек обрести бессмертие.

Восприятие истины требует уравновешенности ума и чувств. Покуда разум не пробудился к духовному сознанию и непосредственному восприятию истины, он видит только отсвет её и слышит лишь едва различимый её шепот. Тихий голос истины может потонуть в грохоте интеллектуальной фабрики, а свет — затмиться в буре чувств.

Чтобы понять этот голос и увидеть этот свет ясно, без примесей посторонних восприятий, сердце и голова должны трудиться слаженно и действовать заодно. Для восприятия истины чистота сердца должна сочетаться с силой разума, и именно это имеют в виду, когда говорят, что люди должны стать подобны детям, прежде чем смогут войти в царство правды. Голова и сердце, опирающиеся на здравый смысл, выступают как нечто Единое, но, если они в разладе, возникает абсурдная Двойственность, порождающая иллюзии.

Неистовый безумец влеком только сердцем, а умствующий глупец прислушивается лишь к указаниям головы, живет, как говорят, одной головой, а о сердце забывает. Но ни кипение чувств, ни интеллектуальный фанатизм не раскрывают истину — лишь в *"спокойствии после бури"*(6), когда эмоции и разум приходят в гармонию, можно найти её.

Человек, отдающийся полностью на волю своих эмоций, похож на того, кто, поднимаясь на горный пик, начинает засыпать на ходу и, утратив контроль над собой, падает в пропасть; человек же, который опирается на чувственный опыт, только пропустив его через призму интеллекта, легко может потеряться в водовороте разнообразнейших иллюзий.

Он подобен островитянину, живущему посреди океана, который изучает взятую оттуда каплю воды, а о существовании океана знать не знает. Но если голова и сердце настроены на божественную гармонию невидимого царства Природы, тогда человеку откроется истина, и высочайший идеал увидит в нем свой отраженный образ.

Материальный человек, погребенный в раковине своей плоти, может только чувствовать, но не видеть свет, исходящий из безграничного царства истины; но если он прикажет своим эмоциям:

"Успокойтесь!" — а своему интеллекту: "*Не обманывайся!*" — он сумеет высунуть свои "усики" в область духа и воспринять свет истины.

Сердце человека должно служить пробным камнем для проверки выводов, происходящих из умозаключений, а решения сердца должны взвешиваться умом; но, когда пробудится духовное сознание, не будет больше разницы между их суждениями: представления, рождающиеся в голове, придут в гармонию со стремлениями сердца, и одна прозреет, а другое почувствует истину. Тогда низшие идеалы отступят перед её светом, ибо она — ревнивая богиня и не терпит никого рядом с собой.

Мужчина обычно руководствуется исключительно интеллектом, женщина — часто только чувствами.

Необходимость делать заключения исходя из явлений внешнего мира является следствием материальности человеческого организма, в котором как в скорлупе заперты души людей, души, от которых единственно и исходит способность чувствовать и понимать; но, если внутренний человек, истинный Дух, спящий в каждом смертном, пробуждается к жизни, он излучает свет, который и через покров материи озаряет душу.

Тем, кто узнаёт истину непосредственно, не надо выискивать сведения о ней на печатных страницах: все сферы видимого и невидимого лежат перед ними, как открытая книга, в которой они могут прочесть всю историю мира. Им известны все формы жизни, ибо они едины с источником, из которого эти формы рождены; им нет необходимости изучать послания, ибо само Слово обитает в них.

Они могут служить орудием, посредством которого вечная Мудрость открывается тем, кто погребен в материи.

Какой жалкой должна казаться посвященным яростная война мнений, которую ведут между собой те, кого человечество считает светочами знания и мудрости; какими неизмеримо малыми предстают эти светочи в сравнении с Солнцем истины! То, что несведущие принимают за светоч, просветленному пророку видится источником тьмы и чада, и мудрость мира сего есть безумие (7) перед очами истины.

Устрица в раковине может считать себя верхом совершенства, а свою полную радостей жизнь на дне океана — высшей формой бытия; ученый, гордящийся своими открытиями, нередко оказывается преисполнен суетного тщеславия, мало зная о том, сколь мало он знает. Многие деятели современной науки забывают, что величайшие открытия были сделаны отнюдь не титулованными адептами знания, а теми, на кого они смотрели с презрением, и что часто полезные изобретения входили в мир не при пособничестве, а, напротив, вопреки воле ученого сообщества.

Возможно, не стоит будить неприятные воспоминания, но мы не можем закрывать глаза на тот факт, что господа профессора жестоко высмеивали изобретателей железной дороги, парохода и телеграфа, что ученые мужи называли нелепыми утверждения о шарообразности Земли, что некоторые официальные хранители истины не раз изменяли ей и себе и что, скажем, медики особенно прославились своим непониманием законов Природы и противодействием истинному знанию везде, где оно входило в противоречие с их устоявшимися суждениями.

Многие полезные открытия были сделаны силой интуиции при поддержке могучего интеллекта; другие совершены мыслителями-интеллектуалами без участия интуиции и до сих пор остаются проклятием человечества.

Веками люди ученых профессий процветали за счет людских страданий, и их многочисленные последователи, спутав верх и низ, свергли Бога человечности и поклоняются фетишу собственного "я".

Брахманы и священники наполняют свои кошельки благодаря страху перед вымышленным дьяволом, якобы существующим где-то во внешнем мире, в то время как настоящему, внутреннему дьяволу, обитающему в животной природе человека, даются все возможности расти без помех.

На протяжении столетий многие из тех, кто предназначен был служить Высшему, служили только золотому тельцу своей животной природы, внушая своим сторонникам ложные надежды на бессмертие и играя на эгоистической склонности людей добиваться материальных выгод лично для себя.

Те, у кого человечество искало защиты от телесных болезней, кто поэтому — больше, чем кто бы то ни было — должен был понимать истинное строение человека, обычно экспериментировали с физической оболочкой, пытаясь найти причины болезни и не сознавая того, что эта форма есть выражение жизни, порождение души и что внешние признаки не могут быть по-настоящему изменены без изменения того внутреннего, что в них проявляется.

Многие медики отказывались верить в существование души, ища причины болезней в их внешних проявлениях. Болезни неизбежно возникают, когда нарушаются законы Природы, они — следствие "*грехов*", которые не могут быть отпущены, но которые надо искупить, вернувшись к действиям, согласным с этими законами. Напрасно будут невежды просить блюстителей здоровья о помощи — обмануть Природу они не в силах.

Доктора могут вернуть человеку здоровье, восстановив главенство природных законов, но пока они знают только исчезающе малую часть их, они в силах исцелить лишь исчезающе малую часть недугов, поражающих человечество; во многих случаях им удается избавиться от проявлений одной болезни, вызвав другую, более серьезную (8).

Едва ли есть смысл таким ученым искать причины эпидемий там, где болезни могут распространяться, но не возникают.

Душу Земли, где гнездятся такие болезни, не увидишь под микроскопом, её может узреть только человек, чье духовное восприятие пробудилось с пробуждением к сознательной жизни его внутреннего "Я".

Что знает современная медицина о строении человека, жизнь и безопасность которого поставлены в зависимость от этого знания?

Ей известно строение человеческого тела, представляющего как система мышц, костей и органов, и каждую из этих составных частей она называет своим именем, придуманным для того, чтобы их различать. Не владея сверхчувственным восприятием, медики не знают души человека, а верят, что тело— это и есть его суть.

Если бы глаза их были открыты, они бы разглядели, что видимое тело— это только материальное ядро "*нематериального*", но тем не менее реально существующего человека, чья душа-сущность распространяется далеко в пространство, а дух безграничен. Они знали бы, что в жизненном принципе, в существование которого они не верят, как раз и лежат основы чувствительности, способности восприятия, сознания и все те факторы, которые определяют развитие физической формы. Находясь в плену своей роковой ошибки, медики пытаются излечить вовсе не то, что болеет, а настоящий больной остается им неизвестен.

Поэтому не удивительно, что в наши дни самые образованные медики пришли к выводу, что современная медицина — скорее бедствие, чем благо человечества, а наши лекарства приносят больше вреда, чем пользы, поскольку ими постоянно злоупотребляют.

В будущем хороший врач будет знать истинное строение человека и не станет отталкиваться от иллюзорных внешних проявлений, но разовьет свое внутреннее восприятие до такого уровня, чтобы иметь возможность прозревать скрытые их причины. Достижения материальных наук перестанут определять его действия, а превратятся во вспомогательное средство.

Путеводной же звездой ему будет его знание (не имеющее ничего общего с "мнениями" и "предрассудками"), и это знание даст ему веру, которая и есть та сила, что позволит ему воздействовать на составляющие человека, недоступные для влияния лекарств.

Но даже современные медики на практике поступают мудрее, чем утверждают в теории.

Врач может сколько угодно заявлять, что он не верит в веру, однако живет он и зарабатывает свой хлеб только благодаря вере. Ибо если бы люди не верили ему, они бы его не приглашали, и, если бы больные не верили, что врач может им помочь, они не стали бы исполнять его указаний. Медик без интуиции, который не верит в себя и в которого никто не верит, ничего не достигнет как врач, сколько бы он ни учился в разных школах.

Что нынешняя профаническая наука знает о Разуме? Согласно расхожему определению, разум — это *"интеллектуальная способность в человеке"*, и поскольку под человеком здесь подразумевается видимая оболочка, разум оказывается чем-то в этой оболочке заключенным. Но если это так, не могло бы происходить передачи мыслей на расстояние.

Если бы не существовало никакой субстанции разума вне видимой оболочки, как могла бы мысль распространиться от одной оболочки до другой? Ни одного звука нельзя услышать в пространстве, из которого выкачан воздух, и ни одна мысль не может быть передана от одного индивида к другому без наличия между ними соответствующего материального носителя, работающего как проводник.

Но возможность передачи мыслей на расстояние ныне признана практически всеми; реальность этого явления давно поняли дети, использовавшие передачу мыслей на практике в своих играх, а теперь его существование не вызывает сомнений даже у самых больших скептиков (9).

Более того, каждый, кто не верит в возможность передачи мыслей на расстоянии, в силах убедиться в такой возможности сам — передав свои мысли другому, либо — если он по природе восприимчив — попросив кого-нибудь передать мысли ему. Исходя из сказанного, даже самому поверхностному наблюдателю должно стать ясно, что в своих утверждениях, касающихся столь фундаментального понятия, как разум, профаническая наука еще очень далека от истины.

Ее логические заключения не могут быть верными, пока они исходят из ложных посылок, и её суждения о способностях, присущих человеку, нельзя считать правильными, пока она не знает истинной природы Человека.

Насколько же неизмеримо более серьезными и насколько же более разумными представляются учения древней науки, согласно которым всё сущее есть выражение мыслей Вселенского Разума, наполняющих беспредельность пространства! В этом учении Разум выступает как сознательное, разумное начало в царстве бесконечности, использующее в качестве орудий живые существа; и Человек, интеллектуальная способность, которая есть выражение Мирового Разума, может воспринимать, отражать и преобразовывать его мысли, подобно тому как алмаз начинает светиться в лучах солнца.

Ученый будущего, обретя духовное восприятие, признает эту истину. Но когда придет то время, положения науки перестанут быть просто суждениями и убеждениями, и их место займет знание. Не будет никакого смысла в изучении чужих мнений, противоположных твоим, ибо люди будут знать истину, и вместо того, чтобы быть учеными, будут мудрыми.

Повсеместный утилитаризм нашего века есть следствие общего непонимания истинной природы Человека и того, что для него в действительности полезно и ценно.

Обретя индивидуальное сознание и знание, человек вошел в противоречие с универсальным законом (10), и, если он вернется в "рай", пребывающий в его собственном сердце, приведя свои желания в гармоничное соответствие с этим законом, он сможет *"простереть руку свою и взять также от древа Жизни и вкусить, и жить вечно"*(11).

Ничего нет выше во Вселенной, чем Бог, осознавший свою силу в человеке, ставшем совершенным.

Если мы считаем, что цель нашей жизни— ублажать наше материальное "я" и обеспечивать его всем необходимым, и что такое материальное благополучие и есть высшее счастье, мы принимаем низ за верх и иллюзию за правду. Материальность нашей жизни— следствие материальности наших тел.

Мы — *"черви земные"*, поскольку привязаны к земле своими стремлениями. Если мы сумеем встать на путь эволюции, которая сделает нас менее материальными, более тонкими, возвышенными, возникнет совершенно иная цивилизация. То, что кажется нам теперь нужным, то, без чего мы не можем обойтись, станет тогда абсолютно бесполезным; если наше сознание сможет переноситься со скоростью мысли в любую точку земного шара, прежние транспортные средства и средства связи нам уже не потребуются.

По мере того, как мы всё глубже погружаемся в материю, приспособления, которыми мы вынуждены поддерживать свою жизнь, становятся тоже всё более материальными; но сущностный и могущественный бог в человеке не материален — в обычном смысле этого слова — и не подвластен ограничениям, налагаемым материей.

Возвышение недолговечного и хрупкого *"реального"* человека до состояния совершенства, присущего вечному идеальному человеку, есть важнейшее Таинство, которое нельзя узнать из книг. К этой великой тайне может приобщиться и ребенок, но она навсегда останется скрытой от того, кто, живя лишь в мире чувственных восприятий, не способен постичь её.

Обретение духовного сознания есть *Magnum opus*, Великое Делание, о котором алхимики говорили, что на него могут уйти тысячелетия, а может—один миг, и даже женщине, сидящей за прялкой, под силу свершить его. Они рассматривали душу человека как тигль, где пребывающим в непрестанном борении чувствам дано очиститься жаром высоких стремлений и священной любви к истине.

Алхимики учили тому, как можно сублимировать душу смертного человека и очистить её от всех земных привязанностей, пробудив к жизни и освободив бессмертную её часть; как очищенные элементы, будучи подняты к высшему источнику закона, низвергаются вниз "*потоками белоснежного ливня*", видимыми всем, ибо они представляют собой все деяния жизни святой и чистой. Они учили, как превратить неблагородные металлы— то есть животные энергии в человеке — в чистое золото истинной духовности и как, обрета духовное сознание и жизнь— аллегорически представлявшиеся как эликсир жизни, — душа может сохранить свою невинность и юность и получить бессмертие.

Все эти истины разделили судьбу прочих истин: непосвященные неправильно поняли и отвергли их, ибо невежды всегда громче всех требуют правды и отворачиваются от неё, когда им её преподносят, поскольку слепы и не могут её разглядеть; алхимия как наука известна сейчас только тем, кто способен её постичь. Теологи и масоны — те и другие на свой манер — сохранили учение алхимиков, и хорошо, если какой-нибудь масон или священнослужитель понимает, о чем он толкует. Таких истинных последователей очень немного. Системы, в которые было облечено древнее знание, по-прежнему в ходу, но холодная рука сенсуализма и материализма коснулась внешних их форм, и дух их покинул.

Доктора и священники видят только внешность, и немногие способны прозреть сокровенную тайну, в которой формальные образы черпают свою жизнь.

Ключ от внутреннего святилища потерял теми, кому доверено было его хранить, и ученики Хирама Абифа не отыскали забытый пароль. Загадка египетского Сфинкса еще ждет своего решения, и ответ на нее будет явлен только тому, кто имеет достаточно сил, чтобы самому найти его.

Но истина по-прежнему живет. Она обитает на вершине горы, зовущейся Вера в вечный Закон Блага.

Она сияет в глубинах внутреннего мира человека и изливает свой благословенный свет в лежащие внизу долины; и там, где двери или окна открыты навстречу этому сиянию, она разгоняет тьму, давая людям — будь то мужчина или женщина — понимание того, что по сути своей они подобны богу, и выводя их на путь, ведущий к совершенству. По этому пути свет истины будет вести их, пока не утихнут сражения, и не воцарится опять закон, и они не обретут вечное счастье, воплотив высочайший идеал Мироздания.

Глава II

РЕАЛЬНОЕ И НЕРЕАЛЬНОЕ

Аллах! Би'-сми'-ллах! — "Бог един".
Коран

Повсюду на необъятных просторах Вселенной мы видим бесчисленное количество форм, принадлежащих к разным царствам и видам, и представляющих бесконечное разнообразие явлений.

Вещества, из которых построены все эти формы, образованы, насколько мы знаем, в сущности из одного первоначального материала. Основной элемент, из которого строятся все формы, — один, хотя разные тела могут отличаться по своим качествам, и куда разумнее предположить, что такая изначальная вечная субстанция существует и проявляется в процессе эволюции в разных формах, чем считать, что множество разных веществ было создано из ничего или как-то иначе.

Что представляет собой этот первоэлемент — эта нематериальная субстанция (12), — мы, будем считать, не знаем, нам известны лишь его проявления в формах, которые мы называем вещами. Все, что может быть воплощено в той или иной форме, можно назвать вещью; субстанция вещи может изменяться, а форма оставаться прежней, или, наоборот, форма может измениться при сохранении субстанции. Можно заморозить воду и превратить её в твердый лед или нагреть её так, что она станет невидимым паром; этот пар химик может разложить на водород и кислород; однако в надлежащих условиях силы, изначально образовавшие воду, создадут её опять.

Формы и качества меняются, но элементы остаются и могут соединиться опять в нужной пропорции, определяемой законом притяжения.

Поскольку эта гипотетическая изначальная субстанция или принцип не обладает качествами, которые мы способны воспринять с помощью наших органов чувств, мы не можем увидеть или почувствовать её; и потому мы не знаем ничего о подлинной субстанции вещи, мы только отличаем формы данной конкретной вещи по их особым качествам, и для того, чтобы как-то классифицировать её и отличать от других, мы даем ей название.

Мы можем раз за разом лишать вещь отдельных её качеств или её субстанции, изменять её форму, однако она остается той же самой вещью, пока сохраняется её природа; и даже после того как мы разрушим её форму и разложим вещество, из которого эта вещь состояла, природа вещи по-прежнему сохраняется как идея в мире субъектного, неподвластная уничтожению, так что мы можем облечь старую идею новыми качествами и воплотить её в новой форме на объектном плане.

Вещь существует, пока существует её природа; только когда изменяется природа, прекращается её бытие. Материальная вещь — только символ или представление идеи; мы можем назвать её, но сама вещь навеки остается за завесой тайны.

Если бы мы могли на физическом плане отделить вещество от его качеств и по своему желанию придать ему другие качества, мы могли бы превратить одно тело в другое, например, неблагородный металл — в золото; но пока мы не изменим природу вещи, простое изменение её формы затрагивает лишь внешние её проявления.

Возьмем в качестве примера трость. Она сделана из дерева, но это не сущностное её свойство: будучи сделанной из чего-то ещё, она все равно останется тростью.

Мы не воспринимаем трость саму по себе, мы только определяем её качества — её длину, цвет, плотность; мы ощущаем её вес и слышим звук, ударив по ней.

Каждое из этих качеств по отдельности или все их можно изменить, и трость останется тростью до тех пор, пока не утратит своей природы, ибо то, что на самом деле создает трость, есть её природа или идея, которая не обязательно должна иметь определенную форму.

Давайте придадим этой лишенной формы идее новые качества, которые изменят её природу, и мы превратим нашу идеальную трость во что захотим.

Не в наших силах превратить медь в золото на физическом плане или физически сделать взрослого ребенком, но мы можем день за днем трансформировать свои желания, свои стремления и вкусы всемогущей силой воли. Поступая так, мы изменяем свою природу, превращаясь из человека — даже на физическом плане— в иное существо.

Никто никогда не видел подлинного Человека, мы воспринимаем только качества, которыми он обладает. И сам человек не может увидеть себя. Он говорит о своем теле, своей душе, своем духе; только эти три составляющих вместе образуют то, что мы рассматриваем как Человека, его подлинное "Я", в котором заключена его природа; воплощение Абсолюта есть лишенная формы идея, для которой у нас нет понятий.

Как лишенная формы идея и притом, как индивидуальность человек приходит в мир материи, развивается в новую личность, обретает новый опыт и знания, познает удовольствия и превратности жизни и, пройдя через долину смерти, вступает опять в ту область, где с течением времени его форма перестанет существовать, чтобы явиться опять в новой форме на сцене, когда пробьет час очередного его появления.

Его форма и личность теперь другие, его подлинное "Я" остается прежним и всё же становится иным, ибо в ходе жизни оно обретает новые качества и характеристики его меняются.

Чем ещё может быть это подлинное "Я", живущее за гранью смерти и меняющееся во время жизни, как не самим Абсолютом, который обретает относительное сознание из-за того, что входит в соприкосновение с материей? Уверен ли человек в том, что он существует? Все имеющиеся у нас доказательства нашего существования заключены в нашем сознании, в ощущении "*Я есмь*", которое это существование воплощает. Всё прочее в сознании подвержено изменениям.

Наше сознание в один момент может быть совершенно иным, чем в другой, если изменится окружающая обстановка или наши впечатления от неё. Мы стремимся к переменам, к смерти, оставаться всё время одинаковыми было бы пыткой.

Старые впечатления стираются и замещаются новыми, и мы радуемся, видя, как прошлое умирает и его место занимает нечто иное. Впечатления не рождаются внутри нас, мы получаем их из внешнего мира. Если бы двое людей возникли и развивались в совершенно одинаковых условиях, имели одинаковый характер и получали всё время одни и те же впечатления, думали, чувствовали и желали бы одинаково, их сознания были бы идентичными и их можно было бы рассматривать как одну личность.

Если из памяти человека изгладятся все когда-либо полученные им впечатления, и он не будет получать новых, такой человек сможет существовать века и века, в своем вечном слабоумии, не имея никакого другого сознания, кроме сознания "*я есмь*", и это сознание будет сохраняться до тех пор, пока его "я" способно существовать соответственно ему самому.

В какой бы форме ни существовала жизнь, эта форма относительна. Камень, растение, животное, человек или божество — все они имеют каждый свое бытие и все они существуют только для других, пока те сознают их существование. Человек расценивает бытие существ, стоящих ниже него, как неполноценное, а эти неполноценные существа мало что знают о человеке.

Так же и людям почти ничего не известно о высших существах, и возможно, есть среди них такие, которые взирают на людей с жалостью, как на низших животных, еще не пробудившихся настолько, чтобы осознать свою истинную сущность.

Мы привыкли рассматривать то, что мы воспринимаем своими органами чувств, как реальное, а все прочее — как нереальное, и всё же повседневный опыт учит нас, что мы не можем полагаться на собственные чувства, если хотим отличить истину от заблуждения.

Мы видим, что Солнце встает на востоке, в течение дня движется по небу и исчезает на западе, но сейчас каждый ребенок знает, что это кажущееся движение — только иллюзия, вызванная вращением Земли. Ночью мы видим "*неподвижные*" звезды над головой, и они выглядят ничтожно малыми в сравнении с земными просторами и безбрежным океаном; и, тем не менее, доказано, что это — сияющие солнца, рядом с которыми наша матушка-Земля — просто песчинка.

Ничто не кажется нам таким неподвижным и застывшим, как твердь у нас под ногами, и притом нам известно, что Земля, на которой мы живем, кружится с огромной скоростью в пространстве; горы представляются нам вечными и неизменными, однако же континенты уходят на дно океана или вздымаются вновь над его водами.

Под нами колышется приливами и отливами лоно нашей родной Земли, на вид такой твердой, а над нами, вроде бы, нет ничего осязаемого — однако на самом деле мы живем на дне воздушного океана и понятия не имеем о существах, которые, возможно, обитают в его пучине или на поверхности.

Нам видится, что солнечные лучи изливаются со светила на нашу планету; и, однако, говорят, что тьма лежит между Солнцем и атмосферой Земли, если только там нет метеоритов и метеоритной пыли, вызывающих отражение; притом, что, помимо этого, вокруг нас разлит целый океан света высшего порядка, который кажется, нам тьмой из-за того, что нервы в наших телах не развиты достаточно для того, чтобы реагировать на воздействие астрального света.

Отражение в зеркале кажется реальностью неразвитому уму, эхо можно принять за голос человека; элементарные силы природы могут напитаться порождениями наших мыслей и отзываться на них, а мы будем слушать эти отзвуки, считая, что с нами говорят, духи ушедших.

Бодрствуя, мы часто живем во сне, а видя сны, бываем уверены, что это происходит наяву.

Твердое вещество выглядит для нашего физического зрения плотной неизменной массой, но смотрящий глазами интеллекта видит в ней некую достаточно легко представимую конфигурацию энергетических центров. Твердое вещество поэтому в действительности является просто средоточием сил, и то, что мы видим, как разного рода вещества, — лишь символ накопленной энергии, видимое выражение невидимой силы, присутствующей в материи. Для духовного взора материя и энергия оказываются одним, они — два разных способа выражения одной вечной реальности, два проявления одной вечной Силы.

Если мы перейдем от рассмотрения форм к рассмотрению пространства и посмотрим, как соотносится наше осознание форм с протяженностью и длительностью, мы увидим, что свойства этих последних изменяются в зависимости от нашего стандарта измерения и способа восприятия.

Простейшему, живущему в капле воды, эта капля представляется океаном, а для насекомого, обитающего на листе, он может заключать в себе целый мир. Если, пока мы спим, видимый мир сожмется до размеров грецкого ореха или, наоборот, увеличится в тысячу раз, мы, пробудившись, не заметим никаких изменений, при условии, что изменится в равной пропорции всё, в том числе и мы сами. Ребенок не осознаёт пространственные соотношения и может попытаться схватить луну рукой, так же и человек, который от рождения был слепым, а потом прозрел, не сможет правильно определять расстояния. Наши мысли, практически мгновенно переносящиеся из одной точки земного шара в другую, не ведают расстояний.

В основе наших представлений о пространственных соотношениях лежит наш собственный опыт и память, порожденные теми условиями, в которых мы сейчас находимся. Если бы мы существовали в других условиях, наш опыт и, соответственно, наши представления были бы совершенно иными. Наше представление об относительном пространстве есть способ восприятия расстояния, и пространство будет иметь для нас столько измерений, сколько существует способов восприятия и осознания.

Пространство, соотносящееся с формами, может быть только трехмерным, поскольку все формы обладают тремя измерениями — длиной, шириной и высотой. У сознания, существующего в математической точке, не может быть понятия формы, поскольку у такой точки нет формы.

У сознания, существующего на линии или на бесконечно тонкой плоскости, тоже не может возникнуть представления о форме, поскольку подобные линия и плоскость, имеющие первая только одно, а вторая — только два измерения, могут существовать не как формы, а только как математические абстракции.

Сознание, вообще говоря, может пребывать и без формы, но входя в соприкосновение с формой, оно с необходимостью начинает воспринимать пространство в трех измерениях, поскольку три — число формы.

Пространство в действительности существует независимо от формы. Мы можем представить себя внутри цельной скалы, и там мы также будем находиться в пространстве, хотя и не будем иметь никакого простора для движения. Каждый знает, что есть разница между добром и злом, любовью и ненавистью, знанием и невежеством; но, если две вещи или идеи различаются, между ними должен быть некий промежуток, а промежуток предполагает пространство — только в данном случае пространство, никак не связанное с формой, о котором мы не можем составить себе никакого представления.

Итак, наше представление о пространстве относительно; подобным же образом обстоит дело с нашим представлением о времени. Мы создаем не время само по себе, а только то, чем оно измеряется, и вне нашей связи с идеями оно для нас — ничто. Человеческий разум может воспринять за секунду лишь ограниченное, довольно небольшое количество впечатлений; если бы мы получали лишь одно впечатление за час, наша жизнь показалась бы нам очень краткой, а если бы мы могли воспринимать, например, каждое отдельное колебание желтой составляющей спектра, частота вибраций которой 509 миллиардов колебаний в секунду, один день жизни ощущался бы нами как вечность (13).

Для узника в подземелье, которому нечем заняться, время тянется очень долго, а когда у человека есть дело, время летит быстро. Во сне мы не чувствуем времени, но бессонная, полная терзаний ночь кажется нескончаемой. В видении или во сне мы можем за две секунды пережить то, на что при обычном порядке вещей ушли бы годы и годы, ибо в бессознательном состоянии время для нас не существует.

В духовной реальности, в дэвачане или авичи (14), нет мер времени, подобных нашим, при том что она являет собой подлинное пиршество образов, созданных её воображением. Человек, полностью погруженный в субъективный мир, не получает никаких впечатлений из мира объективного. Если он пребывает в таком состоянии лишь отчасти, ощущения, поступающие в полубессознательный мозг, смешиваются с представлениями, рождающимися в субъективном мире, и возникают карикатурные или искаженные образы.

Но в чем же разница между существованием в объективном и субъективном мирах? Мы не перестаем жить, пока спим, меняется лишь способ восприятия. Расхожее мнение гласит, что то, что мы воспринимаем в объективном мире — реально, а то, воспринимается нами в субъективном, — лишь порождение нашего воображения.

Но, подумав немного, мы поймем, что любое восприятие — как в объективном мире, так и в субъективном — есть результат работы этого самого "*воображения*". Когда мы смотрим на дерево, не оно само оказывается в нашем глазу; нет, у нас в уме появляется его образ.

Глядя на некую форму, мы воспринимаем тот след, который оставляет в нашем уме образ объекта, находящегося вне нашего тела; в случае субъективного образа или мысли, наших собственных или созданных влиянием другого существа, мы опять же воспринимаем след, который они оставили у нас в уме. И в том и в другом случае картина существует лишь в нашем мозгу, мы воспринимаем лишь воздействие, оказанное на наш разум, и единственная разница заключается в том, что в первом случае его вызывает нечто видимое, а во втором нечто недоступное физическому зрению; однако же впечатления, приходящие изнутри, могут быть столь же реальны, как те, что получены извне.

Когда мы закрываем глаза, вторые исчезают, а первые предстают более отчетливо. Если глаза наши открыты, впечатления внешнего мира смешиваются с впечатлениями мира внутреннего или даже полностью вытесняют их, поскольку обладают большей силой.

На самом деле, объективность или субъективность того или иного явления зависят от состояния сознания воспринимающего, и то, что представляется ему полностью субъективным в одном состоянии, он может счесть объективным в другом. Высочайшие истины пребывают объективно для тех, кто может их осознать, а громоздкие материальные формы не существуют для тех, кто их не воспринимает.

Поэтому всё — в какой-то мере реальность, а в какой-то иллюзия, в зависимости от того, с какой стороны посмотреть. "*Реальное*" и "*нереальное*" — относительные понятия, и то, что может казаться реальным на одной ступени бытия, покажется нереальным на другой.

Деньги, любовь, власть представляются очень реальными тем, кому они нужны; для тех же, кто в них не нуждается, они — просто иллюзии. То, что мы осознаём, реально для нас, однако для другого это же может быть нереально, и наше представление о реальности меняется, если изменяется наше сознание.

Если мое воображение достаточно сильно, чтобы заставить меня поверить в присутствие ангела, этот ангел, мое собственное создание, будет здесь, живой и реальный, независимо от того, что другие, возможно, не увидят его и подвергнут его реальность сомнению. Если ваш разум может сотворить для вас рай в пустыне, этот рай будет существовать для вас объективно. Всё сущее существует в Мировом Разуме, и, если индивидуальный разум начинает сознавать свои взаимоотношения с некоей вещью, он начинает воспринимать её.

Ни один человек не способен правильно постичь вещь, которая не существует, он не может знать её, не вступая с ней ни в какие отношения. Для восприятия необходимо наличие трех факторов: способности восприятия, воспринимающего и вещи, которая может быть объектом восприятия. Если они существуют на совершенно разных планах и не могут вступить ни в какие взаимоотношения, восприятие невозможно, и они ничего не будут знать друг о друге.

Если они есть одно, восприятие также невозможно, ибо, будучи слиты воедино, они перестают находиться в каких-либо отношениях друг к другу. Желая посмотреть на свое лицо, я не могу выйти из своего тела, а должен воспользоваться зеркалом, чтобы установить некие взаимоотношения между мной и объектом моего восприятия. Зеркало не способно к восприятию, и я не могу увидеть себя в зеркале, я могу увидеть себя только в собственном уме.

Отражение в зеркале создает образ, который является объективным для моего индивидуального разума и доступен моему субъективному восприятию.

С точки зрения индивидуального восприятия "я", образ, возникающий в моем уме, и зеркало существуют отдельно, но с точки зрения Абсолюта "я", образ и зеркало есть Одно, между нами нет никакой разницы, и то, что я, как я убежден, вижу, — не более чем иллюзия.

Этот пример иллюстрирует основной закон творения. Великая первопричина, можно сказать, выходит за свои пределы, становится своим собственным зеркалом и вступает в отношения с самой собой. "Бог" видит отражение своего лица в Природе; Мировой Разум зрит свое отражение в индивидуальном разуме человека. Бог обретает сознание в человеке, но, когда он опять вернется в себя, эти отношения прекратятся, он опять воссоединится с собой, относительного сознания больше не будет, и "*Брахма уйдет спать*", пока не минет Ночь Творения.

Но человек знает, что он существует даже тогда, когда все его отношения с внешними вещами прерваны, и ему не нужно смотреть постоянно в зеркало, чтобы напоминать себе об этом. Также и абсолютное сознание великого *"Я есмь"* не зависит от наличия объективной Природы, и он будет по-прежнему

"сидеть на великом белом престоле, когда земля и небо бежали лица Его" (15).

Если мир есть проявление Мирового Разума, всё сущее должно существовать в нем и не может быть ничего помимо него, ибо он с необходимостью бесконечен, он может быть только Один и ничего не может находиться вне его. Мы существуем в этом Разуме, и всё, что мы воспринимаем из внешнего мира, есть впечатления, которые наши индивидуальные разумы получают от внешних объектов посредством органов чувств или на более высоких планах восприятия.

Если всё сущее есть Разум, и мы сами есть этот Разум, все формы субъективного и объективного миров не могут быть ничем иным, кроме как состояниями нашего Разума.

Мысль—творящая сила Вселенной. Зерна мыслей прорастают в уме, как зерна растений в земной почве. И как растения пробуждаются к жизни солнечными лучами, так и мысли — светом интеллекта. В начале дня творения Брахма, пробудившись от сна, стал мыслить, и его думы создали миры. Эта истина выражена аллегорически во всех древних книгах мудрости. *"В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог"*¹⁶. *"Бог"* — это абсолютная Мудрость в соединении с Силой. *"Слово"* — выраженная мысль.

Невоплощенная мысль пребывает в своем источнике, вечном Разуме, но, будучи выражена посредством магии, Силы Воли, она материализуется в действии. Вещи — это материализованные мысли, или состояния души, представленные предметно. Немногие способны мыслить самопроизвольно и независимо, хотя все считают себя способными на это; те, кто в состоянии управлять своими мыслями, могли бы творить.

Большинство людей поглощены мыслями, которые приходят им в голову незванными; такие люди служат орудиями или "посредниками", через которые мыслит универсальный принцип разума, но они не способны породить мысль, а еще менее — воплотить её силой "*Слова*".

Мы обычно считаем объективным то, что видят одинаково несколько человек, а если нечто видит только кто-то один, а остальные нет, — мы сочтем эту вещь иллюзией. Но все впечатления вызывают определенное состояние души, и человек должен находиться в соответствующих условиях — или в соответствующем состоянии души, — чтобы приобщиться к тому состоянию, которое порождается данными впечатлениями.

Все, кто находится в одном состоянии души и получает одинаковые впечатления, будут воспринимать одно и то же; но, если состояния людей различны, их восприятие будет отличаться, даже если воздействие, оказываемое на их сознание, одинаково.

Лошадь или лев будут выглядеть одинаково для всех людей с нормально развитыми органами чувств постольку, поскольку люди, имеющие нормальные человеческие органы чувств, находятся, с некоей вероятностью, в сходном состоянии души; но, если кто-то из них сильно испугается или его внимание будет полностью поглощено чем-то другим, его состояние окажется иным и его восприятие будет отличаться от восприятия остальных. Пьянице в белой горячке может казаться, что он видит червей и змей, ползающих по его телу. Его жизненный опыт говорит ему, что во внешнем мире этих тварей нет.

Тем не менее, для него они ужасающе реальны, и он всячески пытается избавиться от них.

Эти черви и змеи реально существуют для пьяницы, порожденные определенным состоянием души, и не существуют для тех, кто это состояние не разделяет. Но если бы кто-то другой пришел в, то же состояние, он увидел бы тех же тварей; и тот, кто видит их, может заставить других сделать то же самое, при условии, что может передать им свое сознание, то есть душевное состояние.

Следовательно, наше восприятие может быть различным не только в той мере, в какой различаются воздействия объектов восприятия, но в зависимости от нашей способности — это впечатление получить или в зависимости от нашего душевного состояния. Если мы разовьем в себе какое-нибудь новое чувство, мы окажемся словно бы в новом мире; если же наша способность воспринимать воздействия сведется к единственному ощущению, мы сможем сознавать только то, что будет открыто этому ощущению, и мир, воспринимаемый нами, окажется крайне ограниченным. Допустим, что есть существо, чья способность восприятия полностью отлична от нашей и которому доступно лишь одно состояние сознания, скажем, ненависть. Поскольку всё его сознание сконцентрировано на этом влечении, он не может осознавать ничего, кроме ненависти.

Такой "*бог ненависти*", неспособный прийти в другое состояние души, не воспринимает никаких иных состояний, помимо тех, которые соответствуют его собственному.

Для подобного создания весь мир будет темен и пуст; наши моря и горы, леса и реки для него не существуют — но, если где-либо человек или зверь возгораются ненавистью, для него это как полыхающее зарево, вспыхнувшее в темноте, которое привлекает его внимание и зовет его, и с его приближением этот огонь может разгореться в такое пламя, которое уничтожит ту индивидуальную форму, что породила его.

В качестве примера можно было взять и любое другое состояние души или страсть.

Ненависть притягивает ненависть, любовь притягивает любовь, и человек, исполненный ненависти, неспособен любить, как тот, кто преисполнен любви, не может ненавидеть; то и другое — душевные состояния, которые, если они овладели человеком полностью, невозможно изменить усилием воли.

В "Бхагавадгите" говорится: *"Неведение — удел рождённых с демоническими (асурическими) свойствами". (17) "Демонические люди не знают ни верной деятельности, ни воздержания, нет в них ни чистоты, ни правдивости, ни добронравия. «Нет в мире истины, и нет у мира нравственных основ», — говорят они, — нет у него Владыки, он возник в результате союза двух начал, и причина этому — притяжение (желание), и ни что иное». (18)*

Те, кто убеждён, что всё существует благодаря притяжению двух принципов, забывают, что не может быть тяготения без причины, его порождающей, и что всякое тяготение прекратилось бы, как только бы исчезла эта причина. Они обманывают себя, следуя доктрине, в которую сами не могут всерьёз поверить. Они соглашаются, что из ничего не может возникнуть, и, однако утверждают, что сила притяжения не порождается ничем и продолжает существовать без какой-либо причины.

Эти люди провозглашают абсурдную двойственность, которой на самом деле нет, ибо если непреходящее Единое разделяется на две части, эти части не становятся двумя Единственными, но продолжают быть двумя половинками одного Единого.

Один — число Единства, два — Разделения. Единое, разделившись надвое, перестаёт существовать как Одно, и ничего нового при этом не возникает.

Если бы мир создавался так, как это представляют последователи дуализма, не могло бы возникнуть ничего, что не существовало бы тогда, когда еще ничего не существовало, поскольку действие и противодействие, если бы и существовали, были бы равны по силе, и не происходило бы никакого развития. Если бы Ормузд (принцип Добра) был равен в могуществе Ахриману (принципу Зла), всякое развитие прекратилось бы и мир от века оставался бы одним и тем же; но за Ормуздом и Ахриманом есть еще невидимое пламя, закон эволюции, и Ормузд всегда побеждает Ахримана данной ему силой добра.

Парсы, поклоняясь огню, почитали невидимую силу Добра. Видимый огонь и видимое солнце символизировали для них эту невидимую силу и Духовное Солнце, и трудно найти в Природе символы, более подходящие для того, чтобы представлять безграничную силу Добра и Света, которые в итоге полностью возобладают над темной силой Зла.

Чем бы ни была эта сила Добра, ограниченное существо, каким является человек, не способно дать ей правильное название или описать её, поскольку она выше разума смертных. Ее назвали "*Богом*", и в этом качестве она имеет "много лиц", поскольку, рассматривая её с разных точек зрения, мы видим разные её аспекты. Она— Первопричина, из которой возникает всё; она должна быть Абсолютным Сознанием, Мудростью и Силой, Любовью, Интеллектом и Жизнью, поскольку все эти свойства присущи её проявлениям и не могли возникнуть иначе, как от нее.

Её назвали Пространством, поскольку всё существует в пространстве, но само пространство непостижимо для нас, хотя мы живем в нём, и оно повсюду вокруг нас. Термин "*пространство*" не имеет никакого смысла, если не понимать под ним протяженности, протяженность — свойство Материи, но материя не может существовать без Движения, а движение материи вызывается Законом.

Пространство, Материя и Движение в абсолютном их смысле непостижимы для нас, ибо человек, будучи относительным существом, может постичь только то, с чем вступает в отношения. Прикованный к форме, он может знать лишь то, существование чего связано с формой. Только когда его сознание вступит в область бесформенного и когда он перестанет быть человеком, может он надеяться суметь понять Абсолют, ибо станет *"как один из богов"*.

Абсолют, не зависящий от отношений и условий, есть исконная причина всех проявлений силы.

Попытка описать его равносильна тому, чтобы пытаться описать нечто не имеющее свойств или нечто, о свойствах которого мы не можем составить себе никакого представления. Когда Гаутаму Будду попросили описать высший источник всего бытия, он промолчал, ибо те, кто достиг состояния, в котором можно воочию увидеть это, не имеют слов, чтобы описать то, что открылось им (19), а те, кто не осознал, не смогут понять описание. Чтобы описать вещь, мы должны приписать ей некие понятные нам свойства, и тогда она перестает быть Абсолютом и становится относительным.

Поэтому теологические споры о природе *"Бога"* бессмысленны, ибо у *"Бога"* нет природных свойств, напротив, Природа — его проявление. Если мы используем слово *"Бог"* в его правильном значении *"Благо"*, тогда отрицать существование Бога абсурдно, это равносильно тому, чтобы отрицать свое собственное существование, ибо любое существование есть не что иное, как проявление Жизни, как *"Благо"*.

Заявлять о своем знании Бога столь же нелепо, ибо мы не можем знать то, чего не в силах вообразить.

Бога могут знать лишь те, кто стоит выше теологических дискуссий; его можно узнать в духе, но нельзя описать научно, и баталии между так называемыми деистами и атеистами — не более чем спор о словах, у которых нет точных значений.

Любой человек сам есть проявление Бога, и как характер одного человека отличается от характера другого, так и его представление о Боге отличается от представлений других; у каждого свой бог (идеал); только когда все люди обретут одни устремления, у всех них будет один Бог.

Для того, кто не верит в силу Добра, эта сила не существует, и её существование нельзя ему доказать.

Для того, кто ощущает присутствие Бога, Бог есть, и его нельзя в этом разубедить. Нельзя втолковать несведущему, что существует знание, пока он не приобщится к нему; тех, кто знает, нельзя разубедить разумными доводами, если только они не забудут то, что знают. Карикатуры на богов, которые разные церкви выдают за представления единственного подлинного Бога, — просто попытки описать то, что описать невозможно.

Как у каждого человека есть свой собственный высший идеал (Бог), выражающий его устремления, так и у каждой церкви свой особый бог, который есть порождение и результат эволюции идеальных нужд того коллективного образования, которое именуется церковью. Все такие боги истинны для последователей данной церкви, поскольку они отвечают их потребностям, и если потребности церкви меняются, меняются и её боги: старые развенчиваются и их место занимают новые.

Бог христиан иной, чем бог иудеев, а бог христиан XIX века очень отличается от того, что жил во времена Торквемады и Петра Арбэ и радовался пыткам и аутодафе.

До тех пор, пока люди несовершенны, их боги будут несовершенны; и по мере того, как люди становятся более совершенными, их боги совершенствуются тоже; а когда все люди станут равно совершенными, у них у всех будет один совершенный "Бог", один высочайший духовный Идеал и одна универсальная реальность, признаваемая и учеными, и религией.

И реальность эта — само человечество, достигшее высшего идеала совершенства; ибо возможен только один высший Идеал, одна абсолютная Истина, постижение которой есть Мудрость, проявление — сила, выраженная в Природе, а самое совершенное создание — идеальный Человек.

Глава III

ФОРМА

Вселенная есть мысль Бога.

Парацельс

Согласно Платону, изначальный элемент есть эманация Демиургического Разума, который заключает в себе от века идею природного мира, и эту идею он создает из себя силой своей воли. Эта доктрина стара и существует с тех самых пор, как на земном шаре появился первый разумный человек. В ней, по существу, заключена та же истина, какой учили древние риши и которую излагали — хотя, возможно, иными словами — все величайшие мыслители всех веков, начиная, видимо, с первого планетарного духа, который явился на нашу планету, и кончая современными философами. Они провозглашают, что мир есть порождение воли и способности к формированию идей (20), хотя и забывают при этом, что эта способность, как и воля, не могут существовать сами по себе, без того, кто проявляет волю и мыслит, но что они суть свойства некой неизвестной сущности, причины или принципа.

Эта неизвестная причина возникает, когда непроявленное абсолютное Единое являет себя, становясь Тремя. На этой истине основано учение о Троице, которое мы находим в большинстве древних религиозных систем Востока, так же, как и в христианском символизме. Даже так называемая "*рациональная наука*" без этого учения становится "иррациональной", поскольку если "*материалист*" (правильно) утверждает, что не бывает материи без движения и движения без материи, он должен — по логике вещей — добавить, что материя существует, а движение происходит благодаря некой причине.

Он может не знать этой причины, но она, тем не менее, есть, даже если ему не известно о ней вообще ничего, кроме ее наличия.

Троица рациональной науки поэтому выглядит так: Действие, Противодействие и Причинность— или, другими словами, Материя, Движение и Причина (Потенция).

Эта троица проявляется на трех разных планах или в трех разных способах действия, которые были названы Материей, Душой и Духом, или, согласно символике древней оккультной науки, — Землей, Водой и Огнем. Единое проявляется в Трех, но эти Три есть одно целое и не состоят из трех частей, где одна следует за другой, но возникают сразу. Противодействие не может быть без Действия, и оба они имеют место благодаря сосуществующей с ними Причине. Отец не был Отцом, пока не появился Сын, и то, что породило Сына, есть сила, присущая Отцу, его Воля или *"Святой Дух"*.

Нет движения без материи или без причины; нет причины без воздействия и без чего-то, на что это воздействие оказывается, Не может быть протяженности и длительности, или *"Пространства"*, без материи или движения, и нет формы без пространства. Абсолютное пространство невидимо, и мы не можем представить себе его форму. Мы не в состоянии вообразить его не имеющим границ, и также не можем представить себе каких-либо его границ без пространства за ними; относительное пространство ограничено и существует как форма.

Не может быть пустого пространства, поскольку *"пространство"* означает протяженность, а мы не способны представить себе *"ничто"*, и *"ничто"* не может иметь протяженности. Формы — это, так сказать, пространство, сделанное предметным, кристаллизованное в определенную конфигурацию, доступную или недоступную нашим органам чувств, и ни одна форма не существует иначе чем в пространстве.

Дух, или "*Огонь*", — это нематериальный, лишенный формы, универсальный элемент, который может проявляться в формах. Он — лоно, в котором всё содержится прежде, чем будет воплощено как объективное его пробудившейся Волей.

Он — "*творец*" (21), великий "плотник" Вселенной, "приемный отец Христа", чья жена есть Майя (Природа) (22), непорочная дева, через которую Отец является как Сын, пробужденный к действию в форме животворящим воздействием "*Святого Духа*" (23). Это великое таинство, изложенное в виде аллегорий во всех основных мировых религиях, могут полностью познать и понять только те, кто обрел способность высшего восприятия и достиг высшего знания, даруемого посвященным, чье духовное сознание пробудилось; неверное его толкование породило множество нелепых и противоречащих друг другу суждений. Тот, кто хочет с помощью своего интеллекта постичь бесконечное, не сумеет ухватить его, пока его конечный разум не сможет объять достаточно, чтобы быть в совершенной гармонии с необъятным Единым.

Душа, или "*Вода*", — это полуматериальный элемент, в своем исконном состоянии не имеющий формы, но способный существовать как форма. Она выступает как организующее начало вещественных форм.

Душа человека-Микрокосма аналогична душе Макрокосма. Элементальные силы Природы, существующие на астральном плане, пользуются ею как "*площадкой*" для своих игр. Она пронизывает и окружает планеты, и также окружает и пронизывает тела людей и животных и прочие тела и формы.

Все материальные формы есть, можно сказать, "*материализованные души*", которые прекращают свое существование вскоре после того, как принцип души извлекают из них.

Материя, или "Земля", или (как её называют в её изначальном состоянии) акаша, — это невидимый материальный элемент, наполняющий всё пространство. Уплотняясь под воздействием организующей силы души, она облачает формы души и делает их видимыми на физическом плане. Но не все эти формы доступны нашему физическому зрению; те, которые мы видим, — еще далеко не все.

Невидимый мир, сокрытый в видимом, может открыться тому, кто способен сорвать покров с материи, ибо внутри материальных форм заключен невидимый элемент, выражением которого только и служит эта форма.

Из взаимодействия трех изначальных элементов, Духа, Души и Материи, возникают четыре смешанных принципа, и они вместе с тремя предыдущими дают семь принципов. Эта семеричная структура Макрокосма и Микрокосма была известна древним мудрецам Востока и западным посвященным, таким как Парацельс и другие, а в наши дни обнародована в учении восточных посвященных.

Приведенная ниже таблица представляет эту структуру согласно учению брахманов.

1. А. Элемент Материи, акаша, представленный "Землей".
2. АВ. Сочетание Материи и Души, известное как астральное тело (немецкий Doppelgaenger, т.е. «двойник»), смесь "Земли" и "Воды".
3. В. Душа, известная как периспри, или животный принцип в человеке, представленная "Водой".
4. АВС. Жизненная сущность, сочетание Материи, Души и Духа, "Земли", "Воды" и "Огня".
5. АС. Ум, сочетание Материи и Духа, или "Земли" и "Огня" (принцип разумности).
6. ВС. Духовная Душа, сочетание Души и чистого Духа, или "Воды" и "Огня" (принцип Духовности).

7. С. Чистый Дух, или "Огонь", непостижимая Великая Первопричина. (24) Структура, которой пользовался Парацельс и "*Эзотерический буддизм*", совпадает с приведенной выше, за исключением того, что джива, или жизненная энергия, у них выступает как второй, а астральное тело — как третий принцип:

1. Физическое тело (стхула-шарира). 2. Жизненная энергия (прана). 3. Астральное тело (звездное тело). 4. Животная душа. 5. Разумная душа. 6. Духовная Душа. 7. Дух.

Говорят, эта структура была известна и древним иудеям, и древнееврейский алфавит, состоящий из 22 букв, построен с отсылком к ней, поскольку три в семи состояниях дают двенадцать символов и $3+7+12=22$.

Любая форма есть выражение одного или нескольких элементарных принципов, и существует она до тех пор, пока соответствующие принципы действуют в ней. Не все формы видимы, поскольку видимость или невидимость зависит от способности отражать свет. Невидимый газ может стать твердым под воздействием давления и холода, и тогда он будет видимым и осязаемым; в то же время самые твердые вещества можно сделать невидимыми и неосязаемыми, нагрев их. Результаты, продукты космических мыслей, не все настолько материальны, чтобы их можно было увидеть физическим зрением, и в действительности мы видим лишь очень малую их часть. Нет никаких сомнений, что во Вселенной присутствует огромное количество невидимой материи — кометной или какой-либо другой, и по мере совершенствования оптических приборов нам будут открываться новые царства форм и жизни.

Любое изменение деятельности приводит к изменению форм и порой вызывает к жизни новые формы. Твердый лед можно превратить в невидимый пар и опять сконденсировать в осязаемую форму.

Чем больший объем занимает материя и чем более интенсивным делается её движение, тем меньше возможностей воспринять её физическими органами чувств, но, увеличиваясь в объеме, материя не обязательно теряет в силе воздействия. Пар мощнее воды, а нагретый до очень высокой температуры, он выделяет электричество и обретает огромную разрушительную силу. Чем больше уплотнены элементы материи, тем большую инертность она проявляет; чем она разреженнее, тем дальше простирается сфера её действия.

С каждым телом связаны свои, невидимые сферы. Видимая сфера ограничена поверхностью его видимой формы, но невидимые сферы простираются дальше в пространство.

Их не всегда можно обнаружить с помощью измерительных приборов, но, тем не менее, они существуют, и при определенных условиях их можно почувствовать. О сфере действия сильно пахнущего тела сообщит обоняние; сферу магнита можно определить, поднеся к нему железо; сферу человека или животного уловит самый тонкий из всех инструментов — сверхчувствительный мозг.

Эти сферы представляют собой магнетическую, тепловую, ароматическую или световую ауру и эманации, присущие всем объектам, находящимся в пространстве. Наблюдая полярное сияние в северных областях нашей планеты или фотосферу Солнца во время затмения, мы видим такие эманации. Нимб вокруг головы святого — не плод поэтического воображения; ведь никто не считает фантазией ореол света вокруг драгоценного камня. Как у каждого солнца есть своя система планет, вращающихся вокруг него, так каждое тело окружают меньшие энергетические центры, выделившиеся из основного, но сохраняющие часть его свойств. Медь, уголь и мышьяк, например, имеют красную ауру, свинец и сера излучают в синих тонах, золото, серебро и сурьма — в зеленых, а железо испускает все цвета спектра.

Растения, животные и люди излучают в соответствующих цветах в зависимости от их свойств: у высокодуховных личностей ауры белые и синие, золотые и зеленые разных оттенков; натуры более низкие испускают в основном темно-красные эманации, которые у персон грубых, жестоких и неразвитых становятся почти черными. Коллективные ауры людей, животных и растений, городов и стран соотносятся с их основными характеристиками, так что человек, у которого способность восприятия достаточно развита, может определить степень интеллектуальной и нравственной зрелости города или страны, посмотрев на сферу их эманаций.

Качество эманаций зависит от формы деятельности того центра, где они берут свое начало. Они выражают состояние души, и по ним можно определить эмоциональное состояние.

Каждой эмоции соответствует свой цвет: любви— синий, желанию— красный, доброжелательности— зеленый, — и эти цвета способны порождать аналогичное чувство в других душах, особенно если эмоциональное начало направляется рассудком. Синий действует успокаивающе и может утихомирить безумца или снять лихорадку; красный возбуждает страсть: бык может прийти в ярость при виде красной тряпки, а неразумная чернь звереет от вида крови. В этой химии души ничуть не больше чудесного, чем в фактах, известных физической химии, и названные явления подчиняются тому же закону, что заставляет хлорид серебра чернеть под воздействием синего или белого света, в то время как рубиново-красный или желтый не вызывают никаких изменений.

Все формы царства минералов, растительного и животного царств Земли, в том числе тела всех человеческих существ, есть мысли Мирового Разума, воплощенные в материи на физическом плане.

Физическая их форма есть выражение их второго принципа, и в каждой материальной форме содержится её эфирный двойник, который, при определенных условиях, может отделиться от более материальной части или быть выделен из неё мастерством адепта. Эту астральную часть можно облечь вновь в Акашу и сделать видимой: таким образом тот, кто знает, как манипулировать этими невидимыми силами, способен скопировать любой предмет. (25)

Астральные формы могут продолжать существовать и после того, как их материальная оболочка разрушится.

Ясновидящие порой видят астральные формы умерших, витающие над могилами и сохраняющие сходство с когда-то жившими людьми; в такие формы можно искусственно вдохнуть жизнь и некое ограниченное сознание и использовать их в практиках некромантии и черной магии или привлечь на "спиритические сеансы", чтобы они представляли духи усопших.

У некоторых людей этот второй принцип— вследствие особенностей их строения или из-за болезни — не очень прочно связан с физическим телом и может на короткое время отделяться от него. (26) Такие люди хорошо годятся на роль "*медиумов*" при так называемой материализации духов; их эфирные двойники могут являться отдельно от их тел и принимать облик некоего человека — живущего или ушедшего.

Этот облик формируется, сознательно или бессознательно, помыслами присутствующих людей, становясь отражением их воспоминаний и мнений либо иными влияниями, невидимыми для физического взора.

Как мозг — центральный орган, обеспечивающий циркуляцию нервного флюида, а сердце— центральный орган, обеспечивающий циркуляцию крови, так селезенка— орган, из которого черпают свою жизненную силу астральные элементы, и при некоторых болезнях, нарушающих работу селезенки, астральный "двойник" человека может против его воли отделиться от тела.

Нет ничего удивительного в том, что больные иногда чувствуют, что они *"как будто и не они"* или что рядом с ними на кровати лежит кто-то еще, и этот кто-то — они сами.

Описания подобных *"Doppelgaengers"* (двойников), призраков, привидений, духов, возникающих в результате отделения лингашариры от физической оболочки, можно найти во многих трудах, посвященных загадочным явлениям Природы. (27)

Обычно такие астральные формы лишены сознания и не обладают собственной жизнью, но их можно наделить жизнью и сознанием, если изъять жизнь из материальной оболочки и сконцентрировать её в астральном теле.

Человек, преуспевший в этом, сможет выходить из своей физической оболочки и жить независимо от неё; некоторые адепты способны даже полностью покинуть физическое тело и продолжать жить в своей эфирной, невидимой форме.

Формы в сфере Души, где основным началом является четвертый принцип, еще более эфирны и еще меньше привязаны к определенной конфигурации. Это не покажется странным, если мы вспомним, что они — тоже формы мысли и что мысль или идея может иметь определенный облик, но может и оставаться бесформенной и неопределенной.

Если мы, например, слышим слово *"животное"*, мы представляем живое существо того или иного вида, но не придаем нашему представлению какой-либо определенной формы; но, если это животное описано как принадлежащее к одной из знакомых нам разновидностей, в нашем сознании возникнет его конкретный образ. Чисто духовные или абстрактные идеи, такие, как любовь, вера, надежда, милосердие и др., не имеют облика и их нельзя представить в конкретных формах; они могут, самое большее, выражаться символически в образах, которые должны заставить наши мысли обратиться к лишенным формы идеям, свойства которых эти образы призваны представить нашему воображению.

Подобно тому как три элемента представлены тремя царствами физического плана, на астральном плане существуют три царства элементалов, соотносящиеся с элементами Огня, Воды и Земли. Отдельные формы, живущие на этом плане, часто обнаруживают свое присутствие перед животными и людьми, но, как правило, остаются невидимыми.

Их, однако, могут узреть ясновидящие, а при определенных условиях они могут даже иметь видимый и осязаемый облик. Их тела состоят из упругой полуматериальной субстанции, эфирной настолько, что её нельзя различить физическим зрением, и способны менять форму, повинаясь определенным законам. Бульвер-Литтон говорит:

"Жизнь— все наполняющий принцип, и даже там, где нам видятся смерть и тлен, рождается новая жизнь и изменяются формы материи.

Призовем на помощь аналогию: не лист и не капля воды, а не больше не меньше чем та звезда, обитаемый и дышащий мир, нужна обычному уму, дабы понять, что окружающая нас Бесконечность, которую вы зовете пространством, — безграничное Неосязаемое, отделяющее Землю от Луны и звезд, — также напоено своей, подобающей ему, жизнью".

И дальше он пишет:

"В капле воды вы видите разнообразнейших мелких существ: как огромны и ужасны некоторые из этих крошек-монстров в сравнении с другими. Так же и обитатели атмосферы: некоторые замечательны своей мудростью, другие — пугающей злобой; некоторые враждебны человеку, как демоны, другие добры, как посланцы между Землей и Небесами" (28).

В наш скептический век принято, читая такие описания, восхищаться "*богатой фантазией*" автора, ни на минуту не допуская, что они призваны сообщить некую истину. Но можно привести множество свидетельств, доказывающих — если это нуждается в доказательстве, — что подобные невидимые, но вещественные создания существуют и могут иметь самый разный облик; что воля сведущего в подобных вещах человека может наделить их сознанием и интеллектом, сделать их видимыми и даже полезными человеку. Подтверждение этой мысли можно найти в сочинениях розенкрейцеров, каббалистов, в трудах алхимиков и посвященных, равно как и в древних книгах мудрости на Востоке и в христианской Библии.

Эти сущности, однако, не обязательно обладают личностью. Они могут являть собой безличные силы, обретающие форму, жизнь и сознание при соприкосновении с человеком. Гномы и сильфы, ундины и саламандры живут не только в сказках, хотя и могут сильно отличаться от тех созданий, что существуют в представлении невежд.

Каким незначачим и маленьким кажется отдельный человек в безграничности Вселенной! И это при том, что его чувства открывают ему лишь очень малую её часть.

Если бы он мог узреть миры, лежащие под его ногами и над его головой, и вокруг него, кишачие созданиями, о существовании которых он даже не подозревает, в то время как они, возможно, не знают ничего о нем самом, он преисполнился бы страха и начал искать бога, чтобы тот защитил его; и, однако, нет среди этих созданий существа выше и могущественнее, чем духовный человек, познавший свои возможности, в котором его собственный бог пробудился и обрел сознание и силу. (29)

Существа духовного плана таковы, какими когда-то были люди; их строение не дано познать тем, кто не равен им, и их совершенные тонкие формы мы не можем себе представить. Достигшие такого уровня развития, что им не надо более быть заключенными в форму, они вступили в область, где нет форм, пребывая вечно в присутствии Мирового Разума, от которого изначально происходит сила, зовущаяся Человек.

Мы можем смотреть на каждого отдельного человека как на отдельную ноту в великом оркестре мира, а на дхьян-чохана (30) — как на полнозвучный аккорд или соединение нот в божественной симфонии. Сочетание нот может быть и дисгармоничным, и есть злые духовные сущности, как в противовес свету существует тьма, ибо высокоразвитый интеллект может быть использован и для низких целей; но добрые духовные начала не будут побеждены злыми, поскольку их защищает источник всего блага, который по сути своей есть Благо и для которого зло — просто обратная сторона.

Царство Души есть царство эмоций. Эмоции не возникают просто как результат физиологических процессов, обусловленных воздействиями физического плана; они принадлежат формам жизни, относящимся к астральному плану, и часто возникают и утихают без видимой причины.

Погода или не зависящие от нас обстоятельства могут вызывать у нас определенные эмоции, никак не связанные с нашим физическим самочувствием. Человек, вошедший в комнату, где все смеются, с большой вероятностью разделит общее веселье, не зная его причины; оратор может заразить огромную толпу своими чувствами, даже если собравшиеся не понимают до конца, что он говорит; одна истеричная женщина в больничной палате способна вызвать эпидемию истерии среди других женщин, и вся паства может воодушевиться страстной речью проповедника, независимо от того, говорит ли тот мудрые вещи или глупости.

Резкий всплеск эмоций или выброс энергии на астральном плане иногда способен убить человека как пороховой взрыв.

Нам говорят о людях, которые были "поражены ужасом" или "*парализованы страхом*". В подобных случаях астральное сознание становится сверх обычного активным за счет сознания на физическом плане, деятельность жизни на физическом плане может приостановиться, и человек, оказавшись в такой ситуации, может лишиться чувств или даже умереть.

Все формы возникают по определенным законам. В микроскоп мы наблюдаем, как в соляном растворе формируется некий материальный центр и как к этому центру стягиваются родственные ему силы, которые кристаллизуются вокруг него, становясь твердыми и прочными. Каждая соль образует свои особые кристаллы, присущие только данной разновидности и никакой другой, сколько бы ни повторять опыт.

В царстве растений мы видим, что семена каждого растения будут притягивать к себе те силы, которые нужны, чтобы возникли дерево или цветок, подобные тому, на котором вызрело это семя: из яблочного семечка не вырастет ничего кроме яблони, а из желудя может вырасти только дуб. Любое животное главными своими признаками будет напоминать своих родителей, а внешность человека в той или иной степени будет говорить о принадлежности его к определенному народу или семье.

Как каждая математическая точка пространства может развиваться в живое, сознательное, видимое существо, после того как сформирован соответствующий энергетический центр (зерно), так же в невидимом царстве Души астральные формы могут рождаться везде, где есть подходящие условия для их роста.

Подобно тому как интенсивное движение на физическом плане может стягивать рассеянную повсюду материю к общему центру, так же и на астральном плане сильная эмоция может кристаллизироваться вокруг мысли в невидимую, но, тем не менее, вещественную сущность, которая будет существовать долго или только краткий миг— в зависимости от того, насколько сильно образующие её силы связаны с центром.

Как формы физического плана соотносятся по своим характеристикам с силами, преобладающими на этом плане, так и формы астрального плана есть выражение эмоций, главенствующих там. Они могут иметь прекрасный или устрашающий облик, поскольку каждая такая форма является всего лишь символом или выражением качества, которое она представляет.

Формы минерального царства есть выражение сил, действующих по прямым или ломаным линиям; формы растительного царства представляют радиусы и кривые; животные формы воплощают силы, действующие на астральном плане, и обитатели этого плана могут напоминать видимые формы животных или людей. В тех формах, которые полностью принадлежат астральному плану, более высокие духовные энергии не работают.

Они могут осознавать себя и свое существование, но в обычных обстоятельствах интеллект у них не выше, чем у животных, и они неспособны действовать с умом и повинаясь рассудку.

Они слепо следуют своим влечениям, как железо, которое притягивается магнитом; обнаружив где-то неумеренную вспышку эмоции, вызванную человеческим существом, они устремляются туда, как к некоему центру притяжения, и их скопление усиливает деятельность этого центра и расширяет сферу его влияния. Потому мы и подмечаем часто, что эмоция, которую мы не сумели сдержать в самом начале, может вырасти и стать неуправляемой. Некоторые умирали от горя, а другие от радости.

Но если эти неразумные формы наполняются интеллектуальным принципом, исходящим из человека, они становятся разумными и действуют в соответствии с указаниями их хозяина, от которого они получили волю и интеллект и который может использовать их во благо или во зло.

Любая эмоция, возникающая в человеке, может объединиться с астральными силами Природы и создать существо, которое люди, обладающие повышенной восприимчивостью, могут воспринять как активную живую сущность. Каждое чувство, выраженное в словах или действиях, способно породить живую сущность на астральном плане. Некоторые из этих форм могут быть достаточно долговечными, при том, что срок их жизни зависит от глубины и длительности размышлений, породивших их; другие существуют один миг и сразу же исчезают.

Один из посвященных объяснял в письме мистеру Синнетту:

"Любая мысль человека, после того как она возникла, переходит в иной мир и становится действующей сущностью благодаря тому, что соединяется— срастается, можно сказать, — с элементом, то есть с одной из полубессознательных сил этого царства. Она продолжает существовать как действующее разумное создание — создание разума, породившего её, — какое-то время, длительность которого зависит от первоначальной интенсивности рассудочной деятельности, вызвавшей её к жизни.

Так, добрая мысль сохраняется в качестве действенной благотворной силы, а злая — как злобный демон. Поэтому токи человека всегда бывают населены порождениями его фантазий, желаний, порывов и страстей; эти токи воздействуют на любую восприимчивую или нервную структуру, с которой вступают в соприкосновение, с интенсивностью, пропорциональной их динамической силе... Посвященный создает такие формы сознательно, другие люди порождают их невольно" (31).

Это свидетельство подтверждается сведениями из другого источника, доказывающими, что для того, чтобы создавать субъективные формы, не обязательно облекать свою мысль в точные образы силой воображения; любое чувство или переживание может найти свое выражение в субъективных формах, независимо от того, знаем ли мы об их существовании. И форма, и чувство есть состояния души, и чувство, будучи выражено, будет представлено соответствующей формой.

Мистер Уайтворт, ясновидящий, описывает, как в юности, глядя на немецкого музыканта, играющего на органе, он заметил рой призраков, витающих вокруг клавиатуры, — настоящих духов-лилипотов, фей, гномов, поразительно миниатюрных, но при этом с фигурами и лицами столь же четкими и правильными, как и у "больших" людей в комнате. Среди них были мужчины и женщины в причудливых одеяниях, и их разновидности, наружность и движения менялись в полном согласии с музыкой.

"Как безумно они плясали под быстрые отрывки, как размахивали своими шляпами, украшенными перьями, и в восторге обмахивались ими! Как они носились туда-сюда с безумной скоростью, отбивая ногами такт падавших словно капли дождя аккордов!"

Но когда музыка переменилась на торжественно- мрачный каданс похоронного марша, они, быстрые как молния, исчезли, и вместо них явились гномы в черных одеяниях, похожих на монашеские рясы, со скорбными лицами пуритан, бредущих в безмолвной, траурной процессии. Удивительнее всего, что во всех чертах этих маленьких лиц отражались настроения, запечатленные в музыке, так что я мог ясно понять мысль и чувство, которые она должна была передать.

В безумном взлете трагической мелодии возникла толпа женщин— матери и жены с лицами, залитыми слезами, и растрепанными волосами били себя в грудь и оплакивали умерших, которых они любили.

Раздалось бряцание военного марша, и на смену плакальщицам пришли украшенные плюмажами всадники-рыцари со щитами и копьями, а следом — пешие воины, разгоряченные битвой, с руками, обгавленными кровью в жестокой схватке. Каждая новая мелодия призывала новую группу духов, а прежние исчезали так же внезапно, как и появились. Когда же возникал диссонанс, появляющиеся призрачные создания оказывались в чем-то уродливыми, с непропорциональными руками или ногами, или в нелепых одеяниях; чаще всего являлся горбатый гном с резким скрипучим голосом, двигавшийся некрасиво и неуклюже".

Далее Уайтворт рассказывает, что в более зрелом возрасте он видел, как такие "волшебные" создания слетали с губ разговаривающих людей и что все их действия казались точным повторением чувств, заключенных в произносимых словах. Если за речами стояли добрые чувства, эти образы сияли неземной красотой; дурные чувства порождали чудовищ; скажем, ненависть — шипящих змей и темных, лютых демонов. Неискренние же слова вызывали к жизни фигурки красивые спереди и отвратительные, и пугающие сзади, в то время как любовь творила образы в серебристых и белых тонах, дышащие красотой и гармонией.

"Я никогда не забуду, как стал свидетелем потрясшей меня до глубины души сцены, где искренняя верность встретилась с предательским двуличием. Прекрасная юная девушка прощалась со своим возлюбленным, отправлявшимся в далекое путешествие.

При каждом её слове являлись сияющие феи; но с его губ слетали иные создания: та их сторона, что была обращена к девушке, казалась привлекательной и светилась улыбкой неумирающей любви, но обратная сторона их выглядела темной и дьявольской, распаленные змеи и красные раздвоенные языки высовывались из сложенных в жестокой усмешке губ, в вороватых, косых взглядах, брошенных из-под полуприкрытых век, плясали искорки коварной злобы.

Маленькие фигурки с такой пугающей изнанкой постоянно менялись, изворачивались и прятались так, чтобы к доверчивой девушке была обращена только их сияющая и честная сторона, темная же оставалась скрытой от её взора. И если ореол ничем не замутненного света окружал благодетельную маску, завеса густого дыма висела, как полог из непроглядного мрака, над обратной её стороной". (32)

Это описание совпадает с описаниями, данными другими людьми, чем доказывается, что мысли и чувства есть нечто вещественное, (33) присущее воображению человека, и они могут воздействовать на его внутренний мир хорошо или дурно, и что необходимость контролировать свои мысли и желания не есть пустая формальность, а обосновывается вполне практическими соображениями.

Тем же, кто отвергает подобные свидетельства и считает упомянутые здесь формы иллюзиями, можно напомнить, что не только эти, но и все формы— иллюзорны, что все они воплощают невидимые истины. В чистом свете разума все иллюзии в конце концов исчезнут, и истина явится — не скрытая в формах, но во всем блеске своего непорочного величия— удивленному взору духовно пробудившегося человека.

Но хотя такие формы есть проявления жизни, жизненная активность не свойственна им самим по себе.

Они — результат воздействия мыслей человека на Акашу, и их существование поддерживается жизненной энергией, которая поступает к ним от жизненного центра в человеке. Эти формы подобны теням, которые пропадают, когда иссякает питающий их источник света. После того как психическая деятельность человека, давшего им жизнь, прекращается или переключается на другое, они — рано или поздно — исчезают.

Однако, как тело человека не рассыпается сразу после того, как жизненный принцип покидает его, но разлагается быстрее или медленнее в зависимости от его плотности и силы сцепления молекул, так и астральные формы, созданные желаниями человека, могут развоплотиться спустя довольно долгое время. Они существуют, пока человек наполняет их жизнью и сознанием посредством своих мыслей и воли, и получив однажды определенное количество энергии, они могут продолжать цепляться за своего *"родителя"*, хотя бы он и не желал их компании. Их жизнь зависит от него, и стремление выжить удерживает их у того источника, откуда они почерпнули свою жизненную силу.

Если их отлучить от этого источника, они умрут, поэтому они вынуждены оставаться возле него и как фантом, сотворенный Франкенштейном, преследуют своих создателей и постоянно присутствуют рядом с ними, даже если те этого не хотят. Чтобы избавиться от них, тот, кто стал жертвой их преследования, должен направить все свои помыслы и стремления к другой, более высокой цели — тогда его мучители умрут от голода.

Таким образом, духовный принцип каждого человека может стать его личным Спасителем: изменяя характер человека, он спасает его от последствий его грехов и своим чистым светом заставляя иллюзии, порожденные низкими стремлениями, таять, как тает снег под лучами солнца.

Элементарные формы служат своему создателю, фактически являясь его "я", и он может использовать их с добрыми или дурными целями.

Любовь и ненависть могут породить субъективные формы— прекрасные или ужасающие; наполненные сознанием, они обретают жизнь и становятся способны исполнять всевозможные поручения во благо или во зло. Благодаря им маг может примешивать свою жизнь и сознание к личности того, на кого он желает воздействовать. Прядь волос, обрывок одежды, некий предмет, который человек носил с собой, дают магу возможность войти с ним в связь. Та же цель достигается и иначе, если к человеку попадает вещь, принадлежащая магу, поскольку во всём, с чем маг связан, будет присутствовать некая часть его самого, и эта часть создаст магнетическую связь между ним и тем, на кого он хочет влиять. Если астральная чувствительность его достаточно развита, расстояние не помешает ему увидеть того, с кем он связан; а будучи способен перенестись в своей астральной форме через пространство, он получит возможность предстать в этой форме перед своей жертвой, хотя бы та и не могла его увидеть.

Элементом, посылаемый магом, — сущностная часть его самого, и в случаях, когда жертва обладает качествами медиума, иными словами, когда составляющие её принципы не скреплены силами рассудка и воли, она оказывается беззащитной перед ним и может пострадать.

Но и сам маг, если его астральная форма материализуется в достаточной степени (хотя и не настолько, чтобы стать видимой), становится уязвимым для физического воздействия, и когда астральная форма возвращается в физическое тело, на нем могут сказаться полученные ею увечья. (34) Маг, который силой своей воли подчинил себе полубессознательные силы Природы, способен использовать их во благо или во зло.

Беспомощный медиум, через которого проявляются оккультные силы, не может ни вызвать эти проявления по своему желанию, ни контролировать их. Ему не дано повелевать элементами, напротив, они главенствуют над ним. После того как медиум сдается и теряет власть над своей душой, его тело становится орудием в руках астральных сущностей. Он безвольно сидит и ждет, пока элементам заблагорассудится что-нибудь сделать; неосознанно он наделяет их своей жизнью и способностью думать, так что его мысли и мысли присутствующих находят свое отражение в этих астральных формах или делают их способными проявлять собственный интеллект.

Человек, сведущий в магии, перестает быть рабом этих сил, он повелевает ими силой своей воли. Он может намеренно вдохнуть в них жизнь, сознание и интеллект и заставить их исполнять то, что он пожелает; они подчиняются его повелениям, поскольку они — его часть. Спириты совершают то же неосознанно; они часто поют на своих сеансах, чтобы добиться согласованности, и знают, что чем большее согласие царит между участниками, тем яснее будут проявления. Объясняется это тем, что чем больше согласия в кругу, тем меньше остается личных чувств и меньше присутствие собственных "я" людей, соответственно, тем более безличностная сила и жизнь окажутся в их распоряжении, чтобы наделить жизнью и сознанием материализованные формы.

Эти животные астральные сущности относятся к камарупической форме существования, и их оболочки слишком тонки, чтобы воздействовать непосредственно на грубую материю. Поэтому им требуется посредничество некоего промежуточного принципа, которое обеспечивается вторым принципом в человеке, сочетанием Души и Материи, называемым линга-шарира. В роли такого посредника могут выступать астральные составляющие живых людей или астральные останки тех, чьи тела умерли.

Эти астральные останки человека не обладают ни умом, ни рассудительностью, они идут туда, куда влекут их неосознанные стремления или неисполненные желания.

Если вы хотите, чтобы вас преследовал "*призрак*" некоего человека, приманите его к себе силой любви или ненависти, которую вы к этому человеку чувствуете. Не исполните некое обещание, которое могли бы исполнить, и астральная форма ушедшего, жаждущая его исполнения, будет неосознанно тянуться к вам, повинувшись собственному неосуществленному желанию.

Не её вина, если вы не сознаёте её присутствия и не слышите её голоса; всё дело в том, что ваши астральные чувства спят и не воспринимают окружающее; вы можете чувствовать её и пребывать из-за этого в подавленном настроении: она говорит с вами, но на языке, который вы не научились понимать.

В этих элементарных останках сохраняется то, что составляет низшую природу человека, и, если на время вдохнуть в них жизнь, они будут воплощать низшие свойства умершего, те, что оказались недостаточно благородными, чтобы быть связанными с бессмертной его частью. Если привести в действие музыкальную шкатулку, играющую определенную мелодию, она будет повторять и повторять эту мелодию, хотя у неё нет собственного сознания. Остаточные эмоции и интеллект в астральных останках человека найдут свое выражение в том, что, если вынудить эти останки говорить, их речь будет в какой-то мере похожа на речь человека при жизни.

Подобное существо остаётся подвластным добрым и злым стремлениям до тех пор, пока не происходит окончательное разделение высшего и низшего.

Оно может последовать зову высших принципов Природы, и тогда Дух притянет его к себе; либо оно может при посредстве медиума опять войти в соприкосновение с материей, опять закружиться в хороводе жизни, хотя и пользуясь для этого чужим организмом, прельститься ещё раз физическими ощущениями и навсегда потерять из виду свое бессмертное "Я".

Черные маги и элементарные силы Природы порой используют такие астральные останки для того, чтобы творить зло. Если у астрального существа нет сознания, оно будет служить просто орудием этих людей или сил; будучи сознательным, оно может стать их союзником и помощником.

По мере того, как человек обретает большее благородство, низшие составляющие его элементы отторгаются и замещаются более высокими. Тот же процесс может идти в обратном направлении, если человек деградирует в своих деяниях и мыслях. Чувственный человек притягивает из акаши те элементы, в которых нуждается его чувственность, ибо грубые наслаждения доступны лишь грубой материи. Человек, в котором пробуждаются и развиваются животные инстинкты, может опуститься настолько, что станет животным по характеру, если не по внешнему виду. Но поскольку внешняя оболочка есть просто выражение характера, то и она со временем начнет напоминать того или иного зверя.

На физическом плане материя более инертна, чем на астральном, и, соответственно, меняется медленнее. Астральная материя активнее и способна изменяться быстрее. Астральное тело человека, характером напоминающего некое животное, видящему предстанет в облике этого животного. (35)

Астральная форма злого человека может предстать в животной оболочке, в случае если она настолько переполнена грубыми инстинктами, что сливается в его воображении с тем животным, которое является носителем подобных инстинктов.

Она даже может завладеть формой какого-нибудь животного; иногда это случается, когда астральной форме грозит немедленное разложение и гибель. (36)

В народе и сейчас ходят легенды о людях, которые превращаются в животных и бродят по округе, вредя соседям и их скоту.

Современная культура склонна объявлять невозможным всё, что она не в состоянии объяснить; однако существование таких форм теоретически вполне допустимо, поскольку некто может отделить от себя свои астральные элементы и заставить их принять определенный облик, не обязательно человеческий, поскольку человек есть то, что он думает, и сила его воображения способна привести внешний облик в соответствие с характером.

Глава IV

ЖИЗНЬ

Не было времен, когда меня не было,
и в грядущем я не перестану быть.

Бхагавадгита

Мир форм можно сравнить с калейдоскопом, где разные типы изначальной энергии проявляют себя бесчисленным множеством способов, возникая, исчезая и возвращаясь вновь. Кусочки разноцветного стекла в калейдоскопе остаются всегда теми же кусочками стекла, меняя только своё расположение, в то время как иллюзия, вызванная их отражением в зеркалах, при каждом новом повороте игрушки заставляет их являться в новых конфигурациях, образуя всё новые узоры. Так и Единая Жизнь проявляется в беспредельном множестве цветов и форм, действуя как "*Материя*" или "*сила*", сознательно или бессознательно, слепо или разумно, целенаправленно или нет, повсюду— начиная с атома, чья аура и прочее свиваются в общем вихре (37), невидимом, но вещественном, и кончая сияющими солнцами, фотосфера которых простирается на миллионы миль; начиная от амёбы, протоплазма которой проявляет лишь зачатки инстинкта, и кончая совершенным Человеком, интеллектом своим превосходящим богов.

Формы — это обособленные и материализованные мысли. Если вы способны сконцентрироваться на некой мысли, отделив её от всех остальных, вы создадите форму. Если сумеет поделиться с этой формой сознанием, её можно сделать сознательной, а если вам удастся одеть её частичками материи, она станет видимой и осязаемой.

Однако мало кто может сконцентрироваться на одной-единственной мысли, хотя бы на короткое время, ибо ум наш постоянно перескакивает с одного на другое; и немногие способны передать свое сознание, ибо для этого нужно заставить себя забыть собственные заботы и интересы; и столь же немногочисленны те, кому дано управлять элементами земли, поскольку для большинства она — госпожа и они сами влекомы к ней. Прототипы всех форм существуют в астральном свете, который есть Мировая Душа, заключающая в себе Мировой Разум; акаша или Мировая Материя является её более материальной субстанцией (38).

После того, как форма возникает на астральном плане, её дальнейшее развитие сводится к тому, что нечто, уже существующее, посредством определенных процессов становится видимым и материальным. Это нечто есть идея или характер формы, и поскольку каждый характер представляет собой некую целостность, он находит определенное выражение во всех составляющих формы. Не бывает, например, человеческих существ с телом человека и головой животного, нет, человеческий характер данного существа будет воплощен во всех частях его организма; и как характер, присущий человечеству вообще, выражается в каждой индивидуальности, так характер данного конкретного человека выражается в каждом органе его тела.

На этом основываются учения астрологии, френологии, хиромантии, физиогномики, которые — если понимать их правильно — не только могут, но и неизбежно должны давать правильные результаты. У солнц и планет, так же, как и у всего, что только есть на земном шаре, имеются души, хотя не у всех из них имеются тела, ибо их тела — просто внешнее выражение души, и характер их заключен в их душах.

Души эти воздействуют друг на друга и сами испытывают всевозможные воздействия, и когда характер души меняется, изменяются и физические формы.

Такие астральные воздействия, составляющие душу Вселенной, создают все формы; они определяют свойства и рост минералов, растений и животных, в них причина эндемических и эпидемических болезней, они ответственны за развитие с течением веков различных видов животных и в какой-то мере предопределяют судьбы людей; они образуют энергии, характер которых сказывается во всем.

Их сигнатуры (знаки) можно увидеть в книге Жизни, которая имеется у любой из форм — в размере и виде крыльев или конечностей, в линиях руки, в цвете глаз и волос. (39) Они выступают в качестве той силы, посредством которой Мировой Разум накладывает на все свою печать, и правдивая история любой частички мира записана на страницах её души— для того, кто способен её прочесть. (40)

Так же и характер каждого индивидуальную разума оставляет отпечаток на всех мыслях, словах и поступках данного индивида и на душах всего того, что попадает в его сферу.

Любая форма есть внешнее выражение некоего характера, который она представляет, и в силу этого обладает определенными особенностями, которые отличают её от других форм. Изменение характера приводит к постепенному изменению формы. Если человек деградирует морально, признаки этого со временем станут заметны и в его внешности; люди, изначально отличавшиеся внешне и имевшие разные характеры, подстроившись друг под друга, порой и внешне в чем-то становятся похожими.

Формы жизни, принадлежащие к одному классу и виду, обладают неким сходством, и у каждой национальности есть свои характерные черты, воплощенные в её представителях. Чистокровного ирландца трудно спутать с чистокровным испанцем, хотя бы они были одеты совершенно одинаково, но, если оба они уедут в Америку, в их детях или внуках национальные особенности родителей постепенно станут всё менее заметными.

Изменение характера меняет форму, но изменение формы не обязательно приводит к изменению характера. Человек, лишившийся ноги, становится калекой, но характер его при этом может остаться прежним. Ребенок вырастает и становится взрослым, но характер его, если не изменится в силу воспитания, сохранится таким же, каким был в детстве.

Все эти факты неопровержимо доказывают, что характер, природа любого создания есть нечто более существенное, чем его внешняя форма, что форма иллюзорна, а реален принцип, который никак не зависит от формы. Если бы характер человека зависел от унаследованной им формы, дети, рожденные от одних и тех же родителей и воспитывавшиеся в одинаковых условиях, были бы всегда похожи по своему душевному складу— однако всем известно, что родные братья и сестры могут иметь совершенно разные характеры и порой проявлять качества, которых их родители лишены.

Возможность существования того или иного характера не определяется внешними условиями: обстоятельства могут лишь видоизменить характер, но не сформировать его.

Даже на самой лучшей почве дуб не вырастет, если не посадить в нее желудя, и холерная палочка не вызовет эпидемии холеры там, где нет изначальной "*предрасположенности*" к этой болезни. Форма может способствовать развитию характера, но не она порождает его, и люди внешне очень похожие могут очень сильно различаться по характеру.

То, что при практически полной идентичности облика моральные и интеллектуальные качества людей оказываются совершенно разными, едва ли поддается объяснению, если мы по-прежнему будем закрывать глаза на то, что в любом существе, разумном или не обладающем разумом, исконным является его характер, а форма есть лишь внешнее выражение этой невидимой внутренней сущности, которая сохраняется, когда форма перестает существовать, и после её разрушения находит воплощение в другой форме.

Формы умирают, но их смерть не затрагивает характер, который сохраняется в астральном свете, как мысли человека остаются в его памяти, хотя события, вызвавшие их, давно отошли в прошлое. Характер не умирает и не меняется после того, как покидает форму, но отдыхает какое-то время, пребывая в субъективном состоянии, а потом облекается вновь в обновленную объективную форму, чтобы расти и изменять свою природу, пока эта форма будет жить.

С этой точки зрения *"смерть"* есть жизнь, поскольку за тот промежуток времени, который именуется смертью, то, что составляет сущность любой формы, остается неизменным, а жизнь — это смерть, поскольку, пока форма живет, характер меняется, старые стремления и склонности умирают и замещаются новыми.

Страсти и пороки могут умереть в течение нашей жизни, уйдя же с нами в могилу, они рождаются вновь.

Природа дуба существует до того, как начинает расти желудь, а растущее семя притягивает к себе из земли и воздуха те элементы, которые нужны, чтобы получилось именно это дерево. Характер ребенка существует как таковой прежде, чем рождается в мир физическая оболочка, и притягивает из духовной атмосферы те элементы, к которым обращены его стремления и склонности.

Семя будет расти лучше там, где земля для него подходящая, и каждая человеческая монада, пребывающая в субъективном состоянии, когда ей придет время воплотиться, будет притянута к тем родителям, чьи свойства дадут наилучшую почву для развития её наклонностей и стремлений, и чей ум и моральные качества как-то соотносятся с её собственными.

Физические родители не могут произвести духовный зародыш ребенка, этот зародыш есть результат предшествующей духовной эволюции, которую он претерпел в течение прежних объективных жизней. Теперешняя жизнь любого существа подготавливает характер того, кто станет его преемником.

Растение достигает высшей точки своего развития, когда завязываются семена; кульминацией в телесном развитии животного является момент, когда оно обретает способность воспроизводить особей своего вида; однако интеллектуальное и духовное развитие человека может растянуться на долгие годы и после того, как он обретет способность к деторождению, и достичь высшей своей стадии, когда физическая форма уже увядает и перестает жить.

Хорошее состояние физического тела безусловно способствует развитию характера, в той же мере как хорошая почва способствует росту дерева, но и самая замечательная почва не превратит чертополох в розовый куст, и у доброго и умного человека может быть сын разбойник или болван.

По мере того, как изначальная субстанция развивается, проявляясь в формах, она спускается из универсального состояния в родовое, видовое и, наконец, индивидуальное. Восходя опять к бесформенному состоянию, она проходит обратный путь, границы индивидуальностей расширяются и в результате сливаются с целым. Жизнь на низших планах проявляется в недифференцированном состоянии: у воздуха нет определенной формы, каждой капле воды в океане дано то же бытие, что и мириадам других капель, один кусок глины— в сущности то же самое, что и другой.

В растительном и животном царствах универсальный принцип Жизни проявляется в индивидуальных формах, но все же между отдельными растениями, деревьями, животными одного вида и людьми, принадлежащими к одному роду, разница невелика, и те черты, которые составляют особенность данной индивидуальной формы, исчезают вместе с ней.

То, что на самом деле отличает одну индивидуальную форму от другой, не зависит от формы и продолжает существовать и после того, как жизнь формы приходит к концу.

Различия форм преходящи, но различия природы и характера сохраняются; те качества, которые возвышают их обладателя, выделяя его из его окружения, лежат как раз в той области, где внешний облик не имеет никакого значения.

Сократ был уродлив и при том гениален; тщедушное тело Наполеона никак не соответствовало величию его ума. Почет и слава осеняют гробницу формы, и великие умы часто обретают большую власть после того, как служившие им тела обращаются в прах.

Могущественный разум объемлет сферу, простирающуюся далеко за пределы физической оболочки, в которой он живет. Он не умирает со смертью этой оболочки. Его характер продолжает существовать и может явиться на земле вновь. Слабый разум порой сморщивается и иссыхает, пока живет в форме.

Все характеры, после того как они покидают форму, реинкарнируют, или перевоплощаются, но, если индивид не обладал своим особым характером, общая природа вида или класса будет тем единственным, что способно, покинув старое тело, облечься в новое.

Если у индивида выработался собственный характер, который отличает его от его собратьев, этот отдельный характер переживает как нечто индивидуальное разрушение своей формы, поскольку закон, действующий в рамках целого, или класса, будет действовать также и в частных случаях. Капля воды, попав в сосуд с водой, смешается в ней и растворится в общей массе; можно выпарить воду и сконденсировать опять в капли, но той самой капли среди них уже не будет.

Однако если в воду подмешать каплю какого-нибудь эфирного масла, после чего в реторте обратить воду в пар и сконденсировать опять, в получившейся жидкости будет присутствовать та же капля масла.

Возвышенный характер может за время жизни утратить свою индивидуальность и опуститься до общего уровня, но коль скоро он обозначил своё отличие от остальных, всё, что есть в нем особенного, переживет смерть формы.

Для изменения характера нужна индивидуальная форма: чтобы возникла индивидуальная форма, должен существовать характер.

Желая создать форму, мы должны первым делом задать её характер. Скульптор, который бесцельно обтесывает камень, не составив себе точного представления о том, что же именно он хочет изваять, никогда не сотворит шедевра. Форма — это храм, где характер учится и обретает опыт, проходя через жизненные испытания. Чем суровее испытания, тем быстрее развивается характер индивида; при легкой жизни форма порой вырастает до больших размеров, но характер останется слабым; тяготы могут истощить форму, но они укрепят дух.

Формы растут за счет других форм; развитие одного характера может вызвать развитие прочих. Формы истощаются, если отдают часть своего вещества иным формам; характеры крепнут, делясь с другими своей силой. Индивиды пьют энергию друг друга, пока им требуются материальные формы, но однажды сформировавшийся характер черпает силы в себе самом.

На самом низшем плане, где импульсы физической жизни действуют очень вяло, конкретная форма может пребывать изолированно достаточно долгое время: век булыжника или бриллианта исчисляется многими столетиями, ибо всепожирающее пламя Жизни в них едва тлеет; однако для тех форм, в которых жизнь бурлит, постоянная изоляция представляет угрозу существованию.

Чем выше мы поднимаемся по лестнице живых существ на физическом плане, тем менее они способны выдерживать изоляцию. Одинокая сосна может расти одна среди снега и льда, практически на голом камне, где не выживет никакое более высоко организованное существо; зверь способен жить более или менее сам по себе в лесу, а человек в такой ситуации умер бы с голоду.

Жизнь, заключенная в форму, должна питаться другими формами; характер самодостаточен, соприкосновение с другими характерами ему нужно только как применение его сил, и по мере того, как он растет и всё больше использует свои возможности, собственная его сила крепнет.

Свойства, которые образуют характер, не имеют формы; они могут быть выражены в форме, но после того, как форма распадается, возвращаются опять туда, где форм нет. Абстрактные идеи, такие, как добро, зло, мудрость, сила, любовь, надежда, вера и милосердие, не имеют никакой формы, но они могут стать характерными чертами живого существа и сделать его хорошим или плохим, мудрым или могущественным и т. д.

И всё же эти качества существуют, даже если они не явлены в формах; формы не способны создавать сами собственные свойства, но служат лишь выражением существующих принципов, которые могут проявиться, а могут и не проявляться в формах.

"Дух", или характер, выступает как проектировщик формы; астральные силы Природы— её зодчие, а физический план поставляет материал, необходимый, чтобы сделать форму вещественной и дать ей возможность контактировать с этим планом. Мысль— могущественная сила, вызывающая формы к жизни. Мысли человека, живущего в физическом теле, определяют стремления его души, когда она находится в субъективном состоянии, а эти стремления, в свою очередь, притягивают другие влияния и связывают её опять с формой.

Человек, не ощущающий себя отдельной личностью и не желающий жить в качестве такой личности, может в субъектном состоянии остаться безличной силой, духовно превосходящей любую личность; но тот, кого влечет иллюзия "я", будет притянут к форме. Сущность, влекомая иллюзией "я", может воображать себя чем-то отдельным, отделенным от универсальной Жизни и все остальные существа рассматривать как нечто отличное от целого.

Эта иллюзия питает бесчисленное множество других иллюзий. Из ощущения "я" возникает любовь к себе и стремление продолжить своё существование как личности, порождающее жадность, корыстолюбие, зависть, ревность, страхи, сомнения и печаль, боль и смерть, а также целую вереницу переживаний и страданий, которые делают жизнь человека безрадостной и мешают ему достичь вечного счастья.

Если человек несчастен и не способен найти счастье внутри себя, самый надежный и быстрый способ обрести радость и покой состоит в том, чтобы забыть себя и жить, так сказать, в других, объединив свое сознание с сознанием иных людей — некоторых или даже всех. Осознавая других и сочувствуя другим, он прекратит думать о себе, и иллюзии, порождаемые "я", на время перестанут его терзать.

Человек, который живет в эмоциональной изоляции, не будет интересоваться ничем, кроме своих личных проблем. Все его энергии концентрируются внутри него, и он становится постепенно всё более и более ничтожным и духовно мелким. Мало-помалу мысли его опускаются на низшие планы, он делается все *"тяжелее"*, по мере того как душа его уплотняется; и, если однажды полученный импульс к нисходящему движению не будет ничем уравновешен, человек станет погружаться всё глубже и глубже, пока его личность после смерти формы не исчезнет в вихре, и он не перестанет существовать в человеческой форме, так как ещё при жизни утратил человеческий характер.

Когда физическое тело истлеет, а *"магнетическое тело"* рассыплется, составляющие его душу элементы ещё не исчезнут. Это существо окажется игрушкой главенствующих своих эмоций, оно не будет двигаться осмысленно, ибо, не имея интеллекта, не сможет принять никакого решения, а станет метаться, влекомое инстинктами, пока все запасы энергий в нем не исчерпаются и не кончится его бытие как формы. (41)

Как и на физическом плане, существо, оказавшееся в изоляции на астральном плане, будет страдать от голода.

Эмоция, чтобы жить, должна питаться сходными с ней эмоциями, иначе она поглотит своего носителя. Человек, который очень сильно любит другого человека или очень к чему-то привязан и не в силах достичь желаемого, должен перенести свою любовь и привязанность на какой-то другой предмет; в противном случае попытки превозмочь свое чувство приведут его к гибели.

Если любовь будет обращена к более высокому идеалу, она сделает человека счастливым; обращенная к низшему, она не принесет ничего, кроме разочарования.

Сдерживаемый гнев должен найти выход, иначе человек взорвется, — покой приходит вслед за бурей. "*Черный маг*", который стремится навредить или принести смерть некоему человеку силой своей ненависти, может сам пасть жертвой могущественной силы, которую он вызвал к жизни: если не достаёт мощи, чтобы воздействовать на объект, на который она была направлена, она обратится на свой источник.

Накопленную энергию нельзя уничтожить, её надо передать другим формам или преобразовать в иной вид движения — она не может вечно пребывать в бездействии и притом продолжать существовать.

Бесполезно сопротивляться страстям, которыми мы не способны управлять. Если накопившуюся энергию не направить в другое русло, мощь её будет расти и расти, пока она не возьмет верх над волей и разумом.

Чтобы подчинить её себе, надо направить её на нечто иное и более высокое. Так, любовь к чему-то грубому изменит свою природу, если обратить её в любовь к чему-то высшему, а порок может стать добродетелью, когда объект стремлений окажется другим. Страсть слепа, она устремляется туда, куда её направляют, и рассудок — более надёжный поводырь для нее, чем инстинкт. Любовь к форме исчезает со смертью формы и вскоре после нее; любовь к характеру сохраняется даже после того, как форма, в которую этот характер был облачен, перестает существовать.

Некоторые люди живут в совершеннейшей изоляции на низшем интеллектуальном плане: к ним относятся те, чьи мысли полностью поглощены умственными занятиями, и потому у них нет ни времени, ни желания прислушаться к зову собственных чувств. Они живут, образно говоря, под куполом своего храма, в голове, а сердца их при этом голодают и обращаются в камень.

Они концентрируют всю силу своего интеллекта в мозге и могут узнать очень много мелких подробностей о жизни на нашей планете, но погружаясь в частности, они часто оказываются неспособными найти гармонию с целым. Именно такие люди и пополняют в основном ряды "материалистов", "скептиков" и "рационалистов" нашего века.

Они отворачиваются от своего исконного права на бессмертие, поскольку убедили себя в том, что это невозможно; совершают преступления "*во имя науки*", презрев законы человечности; их астральные тела существуют ещё какое-то время после смерти их физических форм, пока интеллектуальная энергия, запасенная в них, не иссякнет, но с духовными стремлениями такие люди прощаются ещё при жизни, поэтому в конце концов, после распада души, от них не остается ничего.

Все формы, созданные Природой, изначально есть творения универсальной Жизни, воплощающейся в формах. Они — проявления Единого в Трех, но сами по себе они безжизненны. Они по-прежнему остаются непроявленным Единого, которое должно начать действовать в форме, чтобы форма ожила.

Три, получающие жизнь через посредство Единого, превращаются в Четыре, и потому Четыре — число совершенства. Оно представлено квадратом, посредством которого строится Вселенная, и находит символическое выражение в животворных воздействиях, приходящих с четырех сторон света: севера, юга, запада и востока.

Жизнь пропитывает всю Природу, она содержится в каждой частичке материи, и только когда последняя крупица жизни уходит из формы, форма перестает существовать.

В некоторых формах она может бездействовать долгие века, но после того как она начинает проявляться в форме, возникает движение. Чем более развита форма, тем активнее будет бурлить в ней жизнь. В камне жизнь незаметна, но без нее невозможно соединение атомов. Если жизненный принцип изъять из минерала, его форма тем самым будет уничтожена.

Зерно из египетской гробницы прорастает и дает всходы, если посадить его в землю, хотя жизненный принцип спал в нем многие столетия. Если бы аналогичным образом удалось приостановить кипение животной жизни, индивидуальное существование животного или человека можно было бы продлить на неопределенно долгий срок.

Камни живут с начала манвантары до последних её мгновений; жизнь некоторых форм очень долгая, но, если жизненный импульс однажды задан, трудно — если не невозможно — сдержать его.

Чтобы добиться этого, надо обладать могуществом посвященного, который способен сконцентрировать жизненную энергию в высших принципах, существование которых не связано с формой, и таким образом продлить свою жизнь.

Известный факт гласит, что "*факир*", погребенный заживо и извлеченный из могилы через несколько недель или даже месяцев, после всего этого возвращался к жизни: это означает просто, что его физическое тело в течение этого времени было бездейственным и практически безжизненным, в то время как жизненная энергия выступала в качестве деятельного начала в "*истинном*" человеке, который не уйдет в могилу.

Можно передать жизнь от одной формы другой, и совершить это способна сила Любви, ибо Любовь и Жизнь, по сути, одна и та же сила или разновидности одной и той же силы, в том же смысле, как тепло и свет — разновидности движения.

Ненависть убивает, а любовь, как известно, способна вернуть к жизни того, кого сочли умершим.

Любовь — целительное средство, возвращающее жизнь и здоровье, средство более могущественное, чем все фармацевтические препараты, и именно этим универсальным лекарством пользуются те, кто именуется настоящими врачами.

Человек в самом деле может отдать свою жизнь другому и умереть, чтобы тот жил.

Такой дар можно преподнести, вернув тем самым больному здоровье, и без "*магнетических пассов*", просто призвав на помощь волю и воображение, хотя новичкам иногда бывает полезно или даже необходимо подкрепить скрытые процессы, протекающие в душе, определенными внешними жестами.

Истинная животворящая сила заключена в источнике всего Блага. "*В Нём была жизнь и жизнь была свет человеков*". (42)

Под его воздействием элементы, образующие низшие формы существования, постепенно поднимаются на более высокие уровни. Он вездесущ и является повсюду, где форма способна откликнуться на его вибрации. Его нельзя обнаружить с помощью вивисекции или химического анализа, и современные научные монографии не сообщают о нем ничего; однако он есть то, в чем и посредством чего мы все живем, и, если б его изъяли из нас хоть на мгновение, мы бы тут же обратились в ничто.

Материя неуничтожима, потому что она есть проявление жизни, а принцип Жизни не может быть уничтожен, ибо он вечен и безусловен. Этот источник всей жизни— великое Духовное Солнце, которое "*во тьме светит, и тьма не объяла его*" (43), и притом он присутствует повсюду и его можно отыскать везде.

Не признавать существования универсального источника всего Блага, который одни именуют "*Богом*", а другие "*Законом эволюции*", значит не признавать того очевидного факта, что травы и деревья, звери и люди живут и растут.

Без силы жизни не может возникнуть ничто живое; если бы действие всегда равнялось противодействию, они бы полностью нейтрализовывали друг друга, и результат оказывался бы нулевым.

Дети на самом деле провозглашают величайшую истину, когда говорят нечто вроде: *"Бог заставляет расти траву"*; но для ученых, которые не в силах вообразить себе ничего, что лежит вне сферы их чувственного восприятия, представление об универсальной, верховной и потому божественной Силе есть нечто слишком высокое и недоступное их пониманию.

Наши философы-материалисты хотят упразднить своего *"Бога"*, и надо надеяться, что они в этом преуспеют, ибо бог, каким они его себе мыслят, просто бессильный карлик; но высшая вселенская Сила Жизни — вне пределов их понимания; не им упразднять её, ибо если бы они попытались её разрушить, они первым делом должны были бы уничтожить себя.

Жизнь есть проявление в действии причины всего сущего, которую мы не можем себе представить; она — субстанциональный принцип, иначе она не могла бы существовать, ибо никакая деятельность невозможна без субстанции. Жизнь не имеет формы, но является в формах; она постоянно движется от низших форм к более высоким, и по мере того как повышается её уровень, повышается и характер форм. *"Храм Соломона"* возводится непрерывно.

Невидимо трудятся элементы Природы, главные строители Вселенной. Жизнь обитает в форме, а когда форма истлевает, она собирает элементы и воздвигает себе новый дом. Камень, побитый ветром и дождем, начинает крошиться и трескаться — частички собираются опять и возникает новая форма.

Мельчайшие растения и мхи вырастают на поверхности камня, живут, умирают и рождаются вновь, пока не накопится слой почвы и не появятся более высоко развитые формы.

Века и века могут пройти прежде, чем завершится эта часть работы, но наконец вырастет трава, и жизнь, казавшаяся спящей в камне, теперь является в формах, которые можно причислить к животному царству.

Червяк съедает растение, и жизнь растения становится в нем деятельной и сознающей; птица может проглотить червя, и жизнь, прикованная прежде к оболочке, которая ползала во тьме и грязи, приобщается к радости тех, кто обитает в воздухе. С каждым новым шагом на пути прогресса жизнь оказывается способной по-новому проявлять свою активность, и смерть прежней формы позволяет ей подняться на более высокую ступень.

Но в процессе эволюции может настать момент, когда активность жизни станет настолько высокой, а сфера её расширится до таких пределов, что никакая мыслимая нами форма уже не будет способна вместить её и послужить орудием для адекватного выражения её свойств.

Тогда смертная оболочка окажется слишком ничтожной, чтобы пригодиться бессмертному Духу, и освобожденный Орел, вырвавшись из нее, взвоется ввысь.

Существа, достигшие такого уровня, подобно Илии, оставляют на земле свои "одеяния" (физические формы) и возносятся благодаря силе своего огненного Духа— но не на материальное небо, а на ту ступень, где физическая оболочка уже не требуется.

Формы есть ни что иное, как символическое выражение жизни, и чем выше жизнь, выражающая себя, тем более высоко организованной будет форма. Желудь ничтожен в сравнении с дубом, но у него есть характер, и с помощью магии жизни он может развиваться в дуб. В желуде нашел свое воплощение зародыш индивидуальной жизни, и он является точкой притяжения для универсального жизненного принципа.

Его характер уже сформирован, и если он вырастет, то станет только дубом и ничем иным.

Погребенный в земле желудь может прорасти и развиваться из низкой формы в более высокую под влиянием наивысшего, поскольку в нем содержится жизненный принцип, или— говоря научным языком— жизненный потенциал.

Но сколь бы высоким потенциалом для роста ни обладал желудь, он не может прорасти без животворящего воздействия универсального источника Жизни, которое достигает его через энергию Солнца; с другой стороны, и Солнце не пробудило бы его, если бы в зародыше не содержался жизненный принцип.

Лучи солнца проникают с заоблачных высей на землю; их свет не проходит сквозь плотную почву, которая защищает нежное семечко растения от палящих потоков, способных разрушить присущее ему жизненное начало.

Но тепло распространяется вглубь и достигает семени, и особая разновидность жизни являет себя в нем. Эта жизнь не есть некое новое творение, она — сила Абсолюта, проявляющаяся в форме.

Семя начинает прорастать, и росток, тянущийся к источнику животворной силы, пробивается к свету. Корни не стремятся к свету, они жаждут только пищи, которую находят в темном лоне материи. Они уходят все глубже и порой даже делают это за счет надземных частей растения.

Но сам характер этих последних понуждает их стремиться к свету, и верхушка растения — самая благородная его составляющая — попадает в сферу его воздействия и в конце концов расцветает и приносит плоды.

Душа человека, погребенная в материи, воспринимает неосознанно животворное воздействие высшего Духовного Солнца и одновременно притягивается материей.

Если всё внимание человека обращено на потребности его тела, если все его стремления и желания направлены на то, чтобы удовлетворить желания его материальной формы, он сам останется земным созданием, которому не дано осознать, что существует Свет.

Но если он пробивается к Свету и открывает свою душу его божественному влиянию, он попадает в сферу его воздействия и сознаёт его существование.

Приходит время, когда притяжение материи теряет свою власть над ним, и как аромат цветка может ещё разливаться в воздухе, хотя сам цветок и корни, питавшие его, уже увяли, так и характер человека сохраняет сознание даже за пределами жизни физического тела и, следуя притяжению непреходящего Закона, сливается с этим Законом и обретает бессмертие.

Истинный эликсир жизни можно найти только в вечном источнике Жизни. Он проистекает из седьмого плана, проявляясь как духовная сила на шестом, и изливает свой свет на пятый план, озаряя разум. На пятом плане он является как интеллектуальная сила в человеке, а оттуда проникает на четвертый и управляет находящимися в постоянном беспорядочном движении элементами этого плана с помощью рассудка. Здесь, на четвертом плане, он создает желания, пробуждает жизнь и инстинкты в низшей триаде и таким образом дает формам возможность притягивать к себе нужные элементы из кладовой Природы.

Он призывает людей к жизни голосом истины, и эхо этого голоса, которое мы называем интуицией, вопиет в пустыне наших сердец, крестит души людей водой надежды и указывает им на истинный Дух, который, обрета сознание в их сердцах, сможет крестить их огнем и знанием и посвятить их в жизнь вечную.

Глава V

ГАРМОНИЯ

Да не войдет сюда ни один несведущий в математике и музыке.

Пифагор

"*Слушать музыку сфер*" — в этом поэтическом образе заключена великая истина, ибо Вселенная исполнена гармонии, и душа, достигшая полного согласия с Душой Вселенной, способна слышать эту музыку и понимать её. И мир, и человек похожи на музыкальные инструменты, в которых все струны должны быть настроены так, чтобы в голосе их не возникало никаких диссонансов. Мы можем рассматривать материю на физическом плане как состояние низкочастотных вибраций, а дух — как наивысшую вибрацию жизни. Между этими двумя полюсами помещаются промежуточные принципы, образующие основную октаву, зовущуюся Человеком.

Природа порождена некой причиной, и все в ней подчиняется закону причин и следствий. Никакого самовластного правителя Вселенной быть не может, и даже если бы существовал такой правитель, его решения являлись бы результатом деятельности его разума, а деятельность его разума определялась бы предшествующими причинами, и, следовательно, и он подчинялся бы закону. Существо, которое не подчиняется закону, есть небывалое чудовище, которое невозможно даже измыслить, поскольку все существа возникают согласно закону причин и следствий, и ничто не может существовать, не возникнув — кроме самого вечного Закона, невещественного, самодостаточного и абсолютного.

Человек, как и любое существо в мире, приходит в этот мир в соответствии с законом причин и следствий.

Строение и свойства его тела зависят от физических условий, в которых он родился; состояние его души определяется астральными влияниями, притянутыми им и обратившими на него свою мощь; характер его зависит от причин, порожденных им же во время предыдущей жизни, а вся совокупность причин образует сотворенную им самим карму. Человек как таковой есть результат исполнения закона причин и следствий, и во всех природных царствах возникающее действие всегда находится в точной пропорции с причиной, его вызвавшей. Хорошо зная причины, мы можем точно вычислить их следствия.

Любая мысль, любое слово, любое действие порождают причину, действующую непосредственно на том плане, к которому они принадлежат, и дают начало новым причинам, вызывающим реакцию уже на других планах. Мысль есть ментальная структура, которую можно запечатлеть в слове, а слово может стать действенным благодаря поступку. Любое действие— выражение (через слово) мысли. Каждая природная форма имеет троичное строение, каждый символ— троякое значение, каждое совершенное действие включает в себя три компонента. Чтобы деятельность осуществлялась, необходимы три фактора— действующее лицо, действие и объект, на который направлено действие.

Чтобы действие стало таковым, тоже требуются три условия: мотив, воля и исполнение. Мотив или мысль, не выразившиеся в действии, не приведут напрямую ни к каким последствиям на физическом плане, но могут породить сильные эмоции в сфере разума, которые затем могут сказаться и в физическом мире. Добрые намерения, если они не исполнены, не дадут никаких видимых результатов, но намерения вызывают определенные душевные состояния, которые, когда- ни будь в будущем, возможно, станут основой для благих дел.

Совершенный поступок будет иметь последствия независимо от того, преднамеренный он или нет, но, если у него нет мотива, он не повлияет непосредственно на мысленные планы.

Такие поступки совершаются в безумии, и человек не несет за них моральной ответственности, но они порождают определенные следствия на физическом плане, на которые может реагировать разум.

Причины, возникающие на физическом, астральном и духовном планах, влекут за собой бесчисленные комбинации следствий, создающих новые причины, за которыми опять идут следствия, и любая сила, пробужденная на одном из планов, продолжает работать до тех пор, пока не иссякнет, преобразовавшись в другие разновидности действия; при этом её колебания изменятся в другие, и порождавшийся ею прежде следствия уже не будут возникать.

Человек не есть что-то отдельное от Природы, он — её составная часть. Жара и холод, свет солнца и бури воздействуют на его тело на физическом плане, элементарные силы Природы влияют на его душу и сияние Вселенского Духа проникает в его центр. Человек, в свою очередь, также воздействует на целое.

Своими трудами в физическом мире он изменяет лицо Земли, выступая иногда как творец форм, а иногда как их разрушитель; его эмоции создают токи в Душе мира, дающие рождение новым причинам в невидимой сфере, вызывающим затем реакцию на физическом плане. Его воображение способно сотворить зачатки мыслей, которые со временем могут воплотиться в физические формы; его страсти порой рождают эпидемии. (44)

Мощью своей накопленной и слитой воедино энергии люди вызывают природные катаклизмы, и, если гармония будет восстановлена в универсальном Человеке, воцарится она и в Природе.

Разлад в Природе возникает из-за несовершенства человека.

Вкусив от Древа познания, он научился противопоставлять свою индивидуальную волю существующему миропорядку и будет страдать от последствий собственных грехов до тех пор, пока не признает главенство Всеобщего над частным и не сольёт свою волю с общей, положив конец распрям из-за личных интересов, благодаря чему будет восстановлено единство и гармония целого.

Изначально Природа представляла собой нераздельное Единство: разделение возникло из-за обособления интересов отдельных существ и родов, её составляющих, и противопоставления их личных воле воле целого. Вселенская воля, излучаемая из центра, оказывается, образно говоря, обращенной обратно через действие своих поверхностных лучей, и таким образом на периферии сферы, которую являет собой мир, возникает область иллюзий.

Но в центре по-прежнему присутствует неизмеримая сила универсального Закона, и там свет пробивается через облака, окутывающие Духовное Солнце. Эти облака образуют мир иллюзий, а действие Закона можно проследить в любом виде деятельности, во всех царствах Природы.

Платон написал над воротами своей академии: *"Да не войдет сюда ни один несведущий в математике"*, а Пифагор требовал еще и познаний в музыке. Они хотели сказать этим, что тот, кто желает исследовать тайны, скрываемые Природой, должен уметь делать логические выводы из своих наблюдений и настроить свою душу в лад с божественной гармонией Вселенной.

Природа по-прежнему едина, в ней нет ничего случайного, и каждая её часть состоит в определенном отношении к целому. У всего есть своё число, мера и вес, и всё без исключения подчиняется математическим законам.

У Солнца и звезд — свои периоды обращения. Молекулы в телах присутствуют в точных пропорциях, известных химикам, и во всём происходящем на физическом плане, равно как и в области эмоций, наблюдается некая регулярность и периодичность.

День и ночь наступают всегда в известные часы, через определенные промежутки времени сменяются весна, лето, осень и зима, приливы и отливы в океане и в водах души. Физиологические и анатомические изменения в животных формах происходят в установленный срок, и даже течение человеческой жизни повинуетсЯ определенным скрытым законам: хотя человек, как кажется, свободен в своих действиях, но поступки его направляются его волей, а воля диктуется тем или иным душевным состоянием, которое возникает под воздействием еще более глубоких причин, что берут свое начало в высшем Законе.

Последователи Пифагора считали, что все процессы в Природе регулируются определенным набором чисел.

Набор этот таков:

3 9 15 45
416 34 136
525 65 325
6 36 111 666
7 49 175 1225
8 64 260 2080
9 81 369 3321

В приведенной здесь таблице представлена последовательность чисел, полученных с помощью построения Тетраграммы, или магического квадрата. С помощью этих чисел, как считается, можно вычислить любое следствие, если известно изначальное число, относящееся к причине. Современные открытия во многом подтверждают это мнение. Если каждой вещи или явлению соответствует определенное вибрационное число и амплитуда этих вибраций увеличивается или уменьшается с регулярностью с течением времени, зная эти числа, мы сможем предсказать будущие события.

Как строится магический квадрат для нечетных чисел, описано ниже: выписывается убывающая последовательность чисел квадрата данного числа до единицы, затем "*сердцевина*" вырезается, а оставшиеся числа помещаются на свободные места в противоположной от них части фигуры.

Здесь представлен процесс построения магического квадрата числа 3.

Квадратом трёх является девять.

```

1
4 2
7 5 3
8 6
9

```

Низ как мы видим, числа 1, 3, 7, 9 остались вне квадрата. Если их поместить на свободные места на противоположных сторонах, получается:

```

4 9 2
3 5 7
8 1 6

```

Низ Сумма чисел в каждой колонке дает 15.

[В оригинальном издании квадраты стояли одним из углов вниз, т.е. под 45°]

Приведем теперь тетраграмму числа 7.

VII

22	47	16	41	10	35	14
5	23	48	17	42	11	29
30	6	24	49	18	36	12
13	31	7	25	43	19	37
38	14	32	1	26	44	20
21	39	8	33	2	27	45
46	15	40	9	34	3	28

Сумма каждой колонки составляет 175.

Построение тетраграммы чётных чисел более сложно, но приведенные здесь примеры поясняют принцип.

VI

6	32	3	43	35	1
7	11	27	28	8	30
24	14	16	15	23	19
13	20	22	21	17	18
25	29	10	9	26	12
36	5	33	4	2	31

Сумма 111

VIII

8	58	62	4	5	59	63	1
9	15	51	53	52	54	10	16
48	18	22	44	45	19	23	41
25	39	35	29	28	38	34	32
33	31	27	37	36	30	26	40
24	42	46	20	21	43	47	17
49	55	11	13	12	14	50	56
64	2	66	06	1	3	75	7

Сумма 260

Каждому человеку соответствует определённое число, выражающее его характер. Зная это число, можно с помощью магических квадратов вычислить периодические изменения его умственного и эмоционального состояния, которые могут заставить человека изменить внешние условия своей жизни.

Таким образом мы сумеем приблизительно вычислить время, когда эти важные события могут произойти.

Но числа, о которых идет здесь речь, известны только посвященным, а им никакие вычисления не требуются, поэтому на практике магические квадраты мало полезны, а для того, чтобы *"предсказывать судьбу"* или удовлетворять праздное любопытство относительно грядущих событий, они и вовсе не годятся.

Закон периодичности, однако, универсален, и тот, кто уделит ему внимание, может сделать интересные открытия. Его действие давно было прослежено в вибрациях, порождающих свет и звук, а теперь признано и в химии (45), поскольку эксперименты, похоже, показали, что все так называемые простые элементы есть разные вибрационные состояния одного первоэлемента, проявляющиеся на семи основных уровнях активности, каждый из которых делится на семь подуровней.

Различие простых элементов, таким образом, не есть различие субстанциональное или материальное; оно связано лишь с различными функциями материи или с разными коэффициентами атомных вибраций.

Оккультисты во все времена считали семь священным числом. В религиозных книгах Востока говорится о семи эманациях Парабрахмана; также и в Апокалипсисе и других частях Библии можно найти достаточно отрывков, убедительно свидетельствующих, что та роль, которую это таинственное число играет в строении Вселенной, не ускользнула от внимания отцов церкви.

Древние философы утверждали, что в Солнечной системе семь планет, и современные ученые заявляют о своем превосходстве над астрономами далекого прошлого на том основании, что они открыли планеты и астероиды, которые не были известны раньше. Однако древние знали и о строении звездной Вселенной, и о шарообразности Земли, только это знание преподносилось в мистериях и не делалось достоянием всех. Мало того, из откровений восточных адептов следует, что в Солнечной системе есть ещё много неоткрытых планет, о которых наши астрономы ничего не ведают, ибо эти планеты существуют в состоянии "*сокрытия*" или как "*дематериализованная мысль*" и поэтому не проявляют силы тяготения и невидимы для физического взора.

Нынешний просветленный постигает посредством духовного восприятия те же вечные истины, которые постигали ясновидящие тысячи лет назад, ибо истины эти не меняются, а подлинное духовное восприятие безошибочно. Поэтому можно предположить, что, если в экзотерических учениях древности говорилось о семи планетах, эзотерический смысл этого заключался в том, что существует шесть планетарных сфер, которые вместе с центральной сферой дают как раз семь.

В соответствии с расхожим представлением о небулярной теории, наша планетарная система развилась из некоей изначальной субстанции (огненной туманности), из которой состоит Солнце, заполняющей огромную сферу, простирающуюся за орбиту Нептуна. Если мы представим, что в этой сфере действуют центростремительная сила, направленная к центру от периферии, и центробежная сила, направленная к периферии от центра, то между центром и периферией найдется такая точка, где две эти силы встретятся.

Там они либо нейтрализуют друг друга и возникнет бездействие, либо, что более вероятно, радиальная составляющая движения перейдет в тангенциальную и возникнет вращательное движение вокруг нового центра, образовавшегося в месте контакта.

В таком случае будет не менее шести тел, окружающих седьмое со всех сторон.

Согласно этой теории, Солнечная система возникла из шести сфер сияющей материи, окружавших центральную сферу, и из них развились особые планетарные подсистемы.

Планеты, видимые нами, принадлежат нашей Солнечной системе, но не обязательно все они относятся к одной подсистеме, и может существовать ещё множество других планет в объектном или субъектном состоянии.

Размеры, удаленность от Солнца и движение известных планет стали предметом тщательного изучения, (46) что привело к открытию трех важных законов, задающих механизм нашей Солнечной системы; познав их, Кеплер произвел переворот в современной астрономии.

Число семь — это масштаб Природы, оно присутствует в ней повсюду— и в сияющем солнце, чей свет распадается в капле росы на семь цветов радуги, и в кристалликах снега, образующих шести лучевую звезду вокруг невидимого центра. Семеричность обнаруживается в развитии и росте растений и животных, в строении Вселенной и в строении Человека.

Семь— мера, которой измеряется всё сущее; пять— число Гармонии. Если пятая нота музыкальной гаммы образует аккорд с первой и третьей, возникает гармония. Другие сочетания тоже могут быть гармоничными, но самый совершенный аккорд рождается из согласия первой, третьей и пятой ноты.

Два звука вместе порой дают гармонию, но, чтобы получился совершенный аккорд, нужен третий. Тот же закон справедлив и, если говорить о строении человека. Если его тело (первый принцип) находится в согласии с его инстинктами (третий принцип), он способен испытывать чувственные наслаждения, но полная гармония и счастье достигаются лишь тогда, когда его пятый принцип (интеллект) гармонично соединяется с первым и третьим.

Можно провести и другие параллели между музыкальной гаммой и набором принципов, составляющих человека, и тогда оказывается, что и там, и там аккорды минорные и мажорные соотносятся друг с другом. Жизнь каждого человека — симфония, в которой преобладает либо гармония, либо диссонанс.

Гармония создается силой любви. Любовь рождает гармонию, ненависть — диссонанс. Любовь — это стремление разъединенных частей одного принципа соединиться вновь. Это стремление предполагает взаимное узнавание, а узнавание — это проявление сознания, которое есть проявление жизни. Жизнь, Любовь, Сознание, Гармония — по сути одно, и противоположность им представляют диссонанс и смерть.

Почему некоторые ноты вместе звучат гармонично? Единственно потому, что элементы, их составляющие, воспринимаются нашим сознанием одинаково. Друзья, узнавая друг друга, радуются, а радость означает гармонию, счастье и довольство.

Если две совершенно одинаковые ноты или большее количество таких нот звучат вместе, они не создают ни гармонии, ни диссонанса, а просто становятся громче. Они уже — одно, между ними нет никаких взаимоотношений; однако если играют разные ноты, каждая из которых несет в себе элементы, содержащиеся в других, каждая видит своего двойника в зеркале, которое держит другая, и испытывает радость узнавания.

Слушая прекрасную музыку, мы чувствуем, что воздух словно напоен жизнью. Неся гармонию в себе, мы можем различить её в музыке, и тогда музыка начинает жить в нашей душе. Тот, кто существует в разладе с собой и с миром, может слушать прекраснейшую симфонию и остаться равнодушным, ибо нет гармонии в его душе.

Если некий принцип или закон сознаёт собственное существование в другой форме, в чистоте и не искаженности которой ему открывается его собственная красота, возникает полная гармония.

Если две или более сущности содержат одинаковые элементы, эти элементы, точно подходящие друг к другу, стремятся объединиться, ибо, имея одинаковое строение, они вибрируют как одно. Подобное стремление объединиться рождает Любовь, проявляющуюся на всех планах существования. Планеты притягиваются к Солнцу и друг к другу, ибо во всех них присутствуют одни и те же элементы, стремящиеся объединиться, и потому гравитация есть ни что иное, как сила любви.

Мужчину влечет к женщине, а женщину — к мужчине, ибо они различают друг в друге составляющие своего высшего идеала, и чем больше их общий идеал проявляется в них, тем сильнее и полнее будет их любовь.

Подлинная любовь между мужчиной и женщиной возможна лишь тогда, когда их, осознанно или неосознанно, влечет один и тот же идеал. Этот идеал может быть высоким или низким, но чем идеал выше, тем более долговечным он будет, и тем большее счастье найдут они друг в друге.

Человек, который стремится возлюбить себя или, другими словами, найти в себе свой высший идеал, никогда не обретет довольства и гармонии. Он получит в итоге лишь разлад, даже если он идеальный человек, поскольку никто не сумеет увидеть свое отражение, не пользуясь зеркалом, и принцип, закон способен воспринять собственную красоту или уродство, только распознав их отражения в других формах. Тот, кто хочет представить себя как свой высший идеал, становится эгоцентричным и тщеславным. Его любовь, вместо того чтобы распространяться до самых границ его сферы, устремляется от периферии к центру, и ментально он каждый день сжимается.

Тщетно он будет искать вовне свой идеал. Даже встретив его, такой человек не сумеет его признать, ибо для этого надо соприкоснуться с ним, выйдя за пределы своего "я".

Но человек, который ищет воплощение идеала в предмете своей любви, если найдет, узнает в нём свое собственное "я", которое всегда было в нём, хотя он и не признавал его присутствия, пока не обнаружил его в другом. Тот, кому доступна истина, узнаёт её всякий раз, когда находит её в других, но тот, кому она неведома, не может различить её и принимает её только веря на слово прочим. Наш век часто отвергает высочайшие истины, если они не удостоверены общепризнанными авторитетами; но мудрый узнаёт истину по её свету.

Свет неразличим во мраке, если он не отражен материей. Свет не может освещать сам себя, но он освещает темноту и, следовательно, существует лишь постольку, поскольку существует материя.

Любовь без предмета любви не существует; тот, кто любит сам себя, не любит ничего. Любви, не обращенной ни к чему, не бывает. Любовь, устремленная к высокому, высока, к низкому — низка, как жизнь в низшей форме низка, а в высшей — высока; ибо любовь, и жизнь, и гармония есть разные стороны одного и того же природного начала, различные аспекты одной универсальной силы. Где присутствует любовь, там есть жизнь; никакая жизнь не может продолжаться без любви, и чем более всеобъемлющей делается любовь, тем большую мощь обретает животворная духовная сила человека.

Если любовь концентрируется на одном предмете, она крепнет и может напитать любовью и жизнью этот предмет; если же любовь делится между разными объектами, сила её рассеивается.

Любовь, чтобы обрести силу, должна быть чистой, и в ней не должны быть задействованы никакие личные интересы. Любя что-то за ту пользу, которую оно может нам принести, мы на самом деле любим не этот предмет, а себя. Тот, кто любит чистой любовью, заботится лишь о благополучии того, кого любит; он не считает прибыли и убытков и не боится потерь, которые может принести ему его любовь.

Разум рассчитывает, но любовь следует закону притяжения.

Нечистая любовь слаба и не проникает глубоко; она способна вызвать рябь на поверхности души другого человека, но не достигнет его сердца. Чистая любовь преодолевает все преграды, и противостоять ей может лишь любовь такой же силы, но устремленная к другому.

Самый могущественный любовный напиток, который один человек может предложить другому, это любовь, лишенная всяких эгоистических мотивов. Чистая любовь проникает в душу того, к кому она обращена, и вызывает ответные вибрации любви, ибо каждый вид вибраций порождает соответствующие вибрации, согласно всеобщему закону индукции.

Если вы хотите идти вперед по дороге, ведущей к совершенству, берите уроки у любви. Учитесь любить высшее, и оно притянет вас. Ищите в каждом человеке то, что кажется высшими его проявлениями, и закрывайте глаза на его ошибки, призвав на помощь милосердие и любовь.

Говоря плохо о другом, вы говорите плохо о самом себе, поскольку тот, кто постоянно подмечает промахи окружающих, наверняка сам склонен поступать так. Тщеславного человека отталкивает хвастовство, лжец требует от других правдивости, а вор боится, как бы его не обокрали. Добродетели стремятся друг к другу, порождая гармонию, но один порок отвергает другой, и возникает разлад.

Подавляемое и сдерживаемое чувство становится болезненным и извращенным. Безответная любовь, если она не преобразована во что-нибудь, поселяется в сердце, рождая фантомы и галлюцинации, как стоячая вода порождает животную жизнь. Любовь к высокому идеалу, которая, вместо того чтобы устремиться ввысь в сферу этого идеала, ищет его в низших сферах, увянет и истощится или будет привлечена к низким идеалам; но, если любовь встречает ответную любовь, достигается гармония.

В том случае, если низшая вибрация в какой-то мере гармонирует с более высокой, эта последняя может усилить её и поднять до своего уровня, подобно тому, как в куске железа, обмотанном изолированным электрическим проводом, возникает намагниченность; при продолжительном и интенсивном воздействии высоких вибраций на низшую даже бессознательную деятельность органов человеческого тела, такая как биение сердца, может быть подчинена воле человека.

Две струны музыкального инструмента, если они не образуют полный диссонанс и будут звучать достаточно долго вместе, в конце концов войдут в гармонию друг с другом; человек, вращающийся среди людей более утонченных, чем он сам, если его нравственный и интеллектуальный уровень ненамного ниже, чем их, сумеет сам обрести достаточную изысканность; слуги подражают своим хозяевам, животные перенимают низшие характеристики тех, кто ухаживает за ними, а приятели или супруги, постоянно общаясь, в конце концов делаются чем-то похожими друг на друга.

Если относительные частоты вибраций двух субстанций далеки от гармонии, возникает отталкивание, которое влечет за собой необычную активность или возбуждение. Животный организм, например, можно нагреть до достаточно высокой температуры, если делать это постепенно, но даже небольшое нагревание бывает опасно, когда оно происходит резко. То, что оккультисты не потребляют алкоголя и животной пищи — не их прихоть.

Элементы этих веществ обладают очень высокой степенью активности и, вступая в контакт с элементами крови, стимулируют их и вызывают в них несвойственные им вибрации, что порождает на астральном плане эмоции, которые, в свою очередь, могут нежелательным образом воздействовать на более высокие принципы.

То же касается и других веществ, одические излучения которых — красные; вещества же, аура которых голубая, обладают другими свойствами; однако даже высшие элементы, хоть и не напрямую, питаются низшими, поэтому старое изречение *"в здоровом теле здоровый дух"* не совсем беспочвенно — хотя здоровый мозг (инструмент разума) может быть заключен и в теле калеки, крепкое здоровье всё же полезно и желательно, поэтому тому, кто хочет развить в себе оккультные способности, важно потреблять подходящую пищу и соблюдать необходимые для его организма правила гигиены.

"Что для одного пища, для другого может оказаться ядом" — как в физическом мире, так и в сфере эмоций. Сильный организм способен переваривать и тяжелую пищу, а слабый разум может испугаться неожиданно открывшихся истин. Невоздержанность в еде и питье столь же плоха, как эмоциональная несдержанность, и самоограничение равно необходимо на обоих планах.

Чересчур разнообразная пища вызывает расстройство пищеварения и загрязнение крови; различные ауры борются за жизнь, и борьба эта вызывает возбуждение, жар и болезнь. Теми же причинами объясняется возникновение венерических и кожных заболеваний, а на астральном плане слишком большое разнообразие эмоций, вызванных к жизни почти одновременно, может свести человека с ума.

Когда сталкиваются две силы, чьи характеры почти противоположны, возникает дисгармония, а поскольку у каждого человека есть свои особые эманации и аура, которые передаются другим, в то время как сам он испытывает магнетическое воздействие аур окружающих его людей и прочих объектов, эти воздействия могут быть благотворными или вызывать болезни.

Люди способны исцелить или отравить друг друга своими эманациями, и при определенных обстоятельствах уместно последовать совету, который Гаутама Будда давал своим ученикам: есть и спать в одиночестве.

Многие люди очень заботятся о том, чтобы пища, которую они потребляют, была доброкачественной, и притом беспечно впускают в свою душу все без разбора эмоции, ибо они не понимают, что чистота эмоций столь же необходима, как чистота тела.

Большая сила подавляет меньшую, и более сильная эмоция может свести на нет более слабую. Если эта сильная эмоция высока, она поднимет низшую, если верх берет низшая— происходит деградация.

Осторожность может сдерживать воинственность или превратить человека в труса; но без осторожности воинственность сорвется с цепи и человек безоглядно устремится навстречу гибели.

Высокие эмоции развиваются из низких, и направляемые разумом пороки могут обратиться в добродетели. Горячая любовь к себе порой распространяется на жену и друзей, а затем и на свою страну или даже на человечество. Чем более всеобъемлющей она становится, тем больше она очищается.

Ничто во Вселенной нельзя уничтожить, можно только изменить форму. Эмоцию нельзя убить, её можно лишь поднять на более высокий уровень.

Чисто сексуальный инстинкт преобразуется в возвышенную любовь, если обращается на личность другого пола с высокими моральными и интеллектуальными достоинствами; звериная воинственность очищается, если направить её в интеллектуальное русло и сменить дубинку на перо; стяжательство можно преобразовать в жажду знания, а стремление к разрушению — в желание бороться с заблуждениями.

Нет ничего неправильного в том, чтобы следовать природным инстинктам и эмоциям естественным и законным порядком; вопрос только в том, полезно ли это с точки зрения тех целей, которые мы имеем в виду. Если у нас есть некое количество денег, мы можем истратить их для собственного удовольствия, или купить что-то полезное, или просто без толку промотать их.

Ровно так же мы можем истратить свои физические силы, жизненные энергии и эмоции на поиски бессмысленных наслаждений или на то, чтобы продвинуться в своем развитии; но как нельзя вернуть потраченные деньги, так же силы, растраченные на низшие цели, потеряны для высшего. Если у человека нет более высоких целей, кроме как есть, пить, спать и служить продолжению рода, он может обрести в этом счастье; и до тех пор, пока он следует велениям Природы, он не совершает ничего дурного; но тот, кто желает поторопить Природу и поскорее превратить себя в бессмертную сущность, не должен растрачивать силы на удовлетворение низших влечений; и с течением времени энергии, которые вызывают низшие эмоции, уступят место более высоким и вся низшая деятельность преобразуется в высшую.

Только то, что чисто, может быть гармонично.

Когда цель одна, устремления чисты, но, если их несколько, возникает смешение. Человек, избравший для себя определенный образ жизни, ибо все его желания направлены к этому, чист в своих устремлениях; но, если у него есть и иные интересы помимо главного, такая примесь может помешать ему добиться своего.

Металлы очищаются огнём, эмоции — страданием. Низшие желания должны голодать, чтобы питались высшие; животные страсти обречены умереть, но ангел Воли сдвинет камень, закрывающий вход в гробницу, и освободит высшие энергии из-под власти эгоизма и тьмы; и тогда воскрешенные добродетели обретут жизнь и пробудятся в новом мире нетленного света и гармонии. Чтобы ясно увидеть процесс очищения человека, представьте себе, что вас окутывает туман материи и окружают враждебные воздействия эмоций на астральном плане, которые постепенно ведут вас к разрушению. В глубине, в незамутнённом центре вашей души подобно миражу живет ваш эфирный прототип, подлинное ваше "Я", бессмертный Адонай, который ждет момента, чтобы притянуть к себе наиболее чистые ваши элементы.

Чем больше ваши мысли и устремления концентрируются на низшем "я" и увлекают вас в сферу желаний, тем более тусклым и неясным становится этот образ; но если ваши помыслы, обретающие силу благодаря Воле и посредством ваших поступков, выходят за рамки вашего "я" и притягиваются к чистому идеалу, ваши более высокие энергии притекают к нему, делая его всё более чётким и осязаемым, пока ваше внутреннее "я" и ваше сознание не объединятся с ним и не освободятся от всех земных привязанностей, видя в том, что осталось внизу, лишь тень собственного непреходящего бытия.

Желания возникают из влечений, влечения— результат разделения двух субстанций, тождественных по своей сути и свойствам. Мы не можем желать вещь, о которой ничего не знаем, и, если нас влечет к ней, значит, наверняка в нас есть её часть, которая стремится воссоединиться с тем, от чего когда-то была отделена. В любом человеке есть божественная искра Мирового Духа, интуитивно знающая источник, из которого она происходит и в который стремится вернуться.

Осознание всей чистоты этой божественной искры— вот подлинное поклонение; попытки осознать её— истинная медитация; упражнять волю, чтобы привести свое "я" в совершенную гармонию с нею, и значит молиться. Выраженная в поступке, такая молитва обретает действенность.

Подлинная молитва всегда выражается в действиях на том плане, на котором она творится. Молитва на физическом плане состоит в физическом труде, на астральном она есть очищение эмоций посредством воли; в области интеллекта молитва— это учение, дающее знание, и высочайшие духовные устремления поднимают человека над хаосом материи и приближают его к его собственному Богу.

Чтобы достичь наивысшего, Дух должен быть господином, а страсти — слугами.

Беспомощный калека пребывает в рабстве у своих слуг; человек, который полагается в работе на невежд-служителей, хотя мог бы сделать всё сам, в какой-то мере подчиняется их прихотям и недостаткам, и, если он сменит слуг, это не изменит его положения. Человек с грубыми желаниями и вкусами становится прислужником своих вкусов: они диктуют ему его поступки, и он направляет все силы на то, чтобы потакать им; но тот, у кого нет низких желаний, которым он мог бы служить, независим, свободен и сам себе господин.

Он победил материю и завершил битву с астральными элементами. Для него диссонанс больше не существует, и вибрации его очищенных элементов найдут отклик в вечно живом вселенском духе Любви.

Глава VI

ИЛЛЮЗИЯ

Разум рассеивает иллюзии и фантастические толкования вещей,
в которых воображение нарушает установленные для него
границы.
Др. Кайрд

Первая сила, с которой мы сталкиваемся на пороге сферы души, — это пластическая и творческая сила разума. Человек сознаёт, что он может воспринять идеи и воплотить их в формы. Он не только живет в объективном мире, но и обладает своим собственным внутренним миром. В его власти быть единственным абсолютным правителем этого мира, хозяином его созданий и господином над всем, что содержится в нем. Он может править там верховной властью своей воли, и, если в его мир вторгается идея, не имеющая в нём права на существование, в его власти изгнать её или позволить ей остаться и расти. Разум человека является верховным властителем этого мира, а советниками его выступают эмоции. Если разум, последовав предательским наставлениям эмоций, позволит дурным идеям вырасти, они могут набрать силу и свергнуть его, если только он не призовет на помощь Волю, чтобы подавить их бунт.

Этот внутренний мир, как и внешний мир, живёт своей собственной жизнью. Порой он тёмный, а в другие моменты — залит светом; его просторы и всё присутствующее в них реально для его обитателей, как физический мир реален для физических органов чувств; его горизонты могут быть шире или уже и при ограниченности в одном охватывать необъятные пространства в другом; там есть свои прекрасные ландшафты и унылые пустоши, там выдаются свои безоблачные времена и бушуют грозы, там обитают свои дивные создания и ужасные чудовища.

Человек, наделенный интеллектом, имеет возможность уходить в этот мир, когда пожелает — ни страдания плоти, ни физические враги не могут преследовать его там. Терзания материальной жизни отступают, но эмоции остаются.

Этот внутренний мир служит полем битвы для богов. Божества любви и ненависти, демоны вождения, гордыни и гнева, бесы злобы, жестокости, мстительности, тщеславия, зависти и ревности порой правят там свой бал, возбуждая эмоции, и, если Разум не подчинит их себе, могут обрести достаточно силы, чтобы лишить его власти.

Разум опирается на Истину. Но всюду, где истиной пренебрегают, возникают иллюзии. Если мы теряем из виду высшее, более низкое начинает казаться нам высшим, и этим порождается иллюзия. Один — число Истины, Шесть — число иллюзии, поскольку Шесть не существует без седьмого, они — зримые порождения единицы, проявляющейся как шесть вокруг невидимого центра.

Где есть шесть, должно быть и седьмое, хотя порой оно ничем не выдает свое присутствие. Один — число Жизни, шесть — число теней, из которых жизнь ушла.

Формы без жизни иллюзорны, и тот, кто ошибочно принимает форму за жизнь или принцип, для которого эта форма служит выражением, оказывается в плену иллюзии.

Формы исчезают, но принцип, вызвавший их к жизни, остается. Задача форм — представлять принципы, и до тех пор, пока форма делает это правильно, принцип оживляет её; но, если форма начинает служить иному принципу, отличному от того, что обеспечил её существование, её неминуемо ждет деградация и смерть.

Неразумные формы, созданные Природой, являются совершенным выражением тех принципов, которые они призваны представлять; только разумные существа способны притворяться.

Каждое животное правдиво выражает внутренний характер, представленный его формой; только там, где вступает в действие интеллект, возникает возможность для обмана. Форма любого животного есть символическое выражение того состояния, которое характерно для его души, поскольку животное не является самовластным творцом формы.

Однако разумный человек способен создавать свою форму сам, и если он подменяет принцип, соотносящийся с данной формой, каким-то иным, то она постепенно приходит в соответствие с этим новым извращённым принципом и становится его адекватным внешним выражением.

Поэтому человек благородной наружности, становясь скупцом, со временем обретает вороватый взгляд и вкрадчивую походку зверя, ищущего добычу; сластолюбец — повадки и даже внешность обезьяны или козла; хитрец — черты лисицы, а упрямец начинает чем-то напоминать осла.

Если бы наши тела состояли из более тонкого и податливого материала, чем жилы и кости, любое изменение характера вызывало бы соответствующее изменение облика, но тяжелая материя инертна и очень медленно откликается на перемены, запечатленные в душе.

Именно поэтому выводы френологии, физиогномики и других подобных наук, хотя и содержат в себе некую истину, не передают её полностью.

Материя, образующая астральные формы и души, гораздо более пластична, и душа злодея действительно может напоминать водоём со скорпионами и змеями — подлинное выражение его моральных характеристик, отразившихся в его уме. Род святых со временем создаст расу Аполлонов и Диан, а род злодеев — монстров и карликов.

И для того, чтобы сохранить изначальную красоту формы, надо сохранить в беспримесной чистоте принцип, давший этой форме жизнь.

Каждый из спектральных цветов, если он не смешан с другими, чист, так же, как и любой элемент, если он не содержит примесей. Беспримесная медь столь же чиста, как и чистое золото, и любая эмоция чиста, если она свободна от посторонних влияний. Формы чисты до тех пор, пока они представляют принципы ничем не замутненными: злодей, не скрывающий своей сути, чист и правдив, святой, который притворяется, — скверен и фальшив. Моды и обычаи есть внешнее выражение состояния душ в данной стране, и, если характеры людей деградируют, моды становятся нелепыми.

Неспособность отличить истинное от иллюзорного, форму от принципа, и порождаемое этим искушение принять низшее за высшее — вот причина страданий. Нередко человек ставит на первое место свои материальные интересы, забывая о высших своих составляющих. Силы, которые следовало бы отдать высокому, поглощаются низким, и вместо того чтобы служить высокому, это низкое само становится его господином, а форма, призванная быть орудием принципа, подчиняет этот принцип своим требованиям.

Такое искажение принципа в угоду форме можно наблюдать во всех сферах общественной жизни. Мы видим его среди богатых и бедных, эрудитов и невежд, в судах, на кафедрах и на газетных страницах, в коммерции и личных делах. Предавать изначальную свою суть — деяние более губительное, чем торговать своим телом, и тот, кто пользуется данным ему интеллектом с эгоистическими или дурными целями, достоин большей жалости, чем та, что предлагает всем желающим прелести своего тела ради того, чтобы сохранить в этом теле жизнь. Торговля общечеловеческими правами ради выгоды немногих — самое опасное преступление из всех, что совершаются на земле.

Величайшая из всех иллюзий — иллюзия "я". Материальный человек рассматривает себя как нечто, существующее отдельно от всего остального.

Наличие телесной оболочки порождает иллюзию, что он есть самостоятельное вещественное целое, и изменения этой оболочки происходят настолько медленно и незаметно, что не могут убедить его в ошибочности такого взгляда. Однако ни один элемент человеческого тела и ни одна из составляющих души или механизма интеллекта не сохраняются, обновляясь постоянно за счет универсального источника Жизни. То из них, что принадлежит человеку сегодня, вчера принадлежало другому, а завтра перейдет к кому-то ещё. В физической форме происходят постоянные изменения.

В телах живых существ отдельные ткани исчезают быстрее или медленнее, в зависимости от природы их сродства, и замещаются другими, на смену которым, в свою очередь, приходят новые. С течением лет человеческое тело меняет свои размеры, форму и плотность, выражая последовательно жизнерадостность юности, мощь и силу подлинной мужественности или красоту и изящество женственности, а затем — признаки старости, предвестия увядания и конца жизни данной конкретной формы.

Не меньше меняется и душа. Меняются чувства и желания, меняется сознание, и воспоминания теряют свою яркость. Во взрослом возрасте человек смотрит на всё иначе, чем в детстве; объём его знаний увеличивается, интеллект растет медленно, и на ментальном, как и на физическом плане отдельные виды деятельности прекращаются, когда накопленная энергия полностью расходуется на другие виды деятельности или преобразуется в иные формы.

Низшие материальные элементы в человеке изменяются быстро, более высокие — медленнее, но только высшие принципы непреходящи. По сути, единственное, что принадлежит человеку, — это природа его шестого принципа в соединении с седьмым.

Тот, чьи интересы связаны с более низкими принципами, оказывается, поглощен заботами о том, что не является его достоянием, а лишь одолжено у Природы.

Он радуется, получая их в свое распоряжение, в результате чего у него возникает иллюзия, что они — неотъемлемая часть его существа, и его воображение упивается этим мнимым обладанием. Но эти принципы имеют к нему не больше отношения, чем одежды, которые он носит; единственное истинное "Я" человека — внутренняя природа, и тот, кто перестает опираться на неё, теряет всё, что у него было.

Поистине, царицей среди иллюзий является иллюзия, именуемая "*деньги*", которая властвует во всем мире. Деньги выражают принцип справедливости, и их назначение состоит в том, чтобы дать каждому возможность получить за свой труд равноценную замену. Если мы хотим иметь денег больше, чем нам положено, мы претендуем на чужое и нарушаем божественный принцип правды. Присваивая труд и не платя за него эквивалентную ему сумму, мы обходимся с другими несправедливо, а сами отпадаем от принципа правды — эта потеря куда серьезнее, чем потери тех, кого мы обманули в деньгах.

Деньги как таковые — иллюзия, реален лишь принцип справедливости, который они представляют. И тем не менее, как мы видим, весь мир лежит у ног этой формы. Бедняки требуют денег, а богатые жаждут получать их всё больше, стремясь добиться наибольшей возможной прибыли, отдавая взамен самый минимум. Священнослужители спасают души, а доктора исцеляют тела за деньги; закон готов продаться тому, кто может и хочет платить, и достоинство человека выражается в цифрах, определяющих количество шиллингов и фунтов, которые он называет своими.

Беднякам угрожает голод, а богатым — последствия чрезмерного изобилия, и некоторые богачи пользуются бедственным положением бедняков, чтобы обогатиться ещё больше. Наука прилагает все усилия, чтобы обеспечить людям все больший материальный комфорт. Она преодолевает ограничения, налагаемые пространством и временем, и обращает ночь в день.

Изобретаются новые машины, благодаря которым работу, раньше требовавшую тысячи рук, теперь может выполнять и ребенок, и таким образом экономится огромное количество усилий и труда. Но подобные попытки удовлетворить стремление к комфорту только усиливают жажду. То, что прежде считалось роскошью, ныне становится необходимостью.

Иллюзии порождают иллюзии, и желания возбуждают желания. Люди потеряли из виду принцип и поставили на его место золотого тельца. За производством следует перепроизводство, предложение превосходит спрос, труд оплачивается нищенски, и на этой гнилой почве вырастают грибы монополий. Чем больше приспособлений использует человек в борьбе за существование, тем она становится яростней.

Самая возвышенная из способностей человека, его интеллект, призванный стать нерушимой основой для его высочайших устремлений, вынужден трудиться ради удовлетворения животных инстинктов и на благо тела, в то время как дух голодает и пребывает в нищете в царстве правды.

Из любви к себе возникает любовь к обладанию — многоголовое чудовище, чьи вожделения ничем нельзя утолить. Ближе всего к иллюзии "я" стоит иллюзия любви. Истинная любовь не иллюзорна, она есть сила, объединяющая миры, и неотъемлемая принадлежность духа; но иллюзия любви — не любовь, а только её тень. Единственное побуждение истинной любви — счастье того, к кому она обращена, но животная любовь заботится о себе и хочет лишь обладания. Истинная любовь может существовать даже после того, как форма распалась; любовь ложная умирает, когда разрушается форма, с которой она была связана.

Идеальная женщина есть венец творения и имеет право на любовь мужчины. Существо мужского рода, которое не любит природу женщины, является лишь подобием мужчины, мужчина не является завершённым существом, если не пользуется любовью женщины. Человек не любит красоту, когда в нем самом её нет.

Но мужчина, который любит только женскую привлекательность, а не саму женщину, будет отвергнут. Если мужчину влекут к женщине лишь инстинкты, она увидит его слабость и не примет его. Случается, что сознание своей притягательности развивает в женщине тщеславие и она радуется даруемым этой притягательностью победам, но умная женщина смотрит на жертв подобных влечений с сочувствием и жалостью, но не считает их надежной опорой.

Мужчина любит красоту, а женщина любит силу. Мужчина, который является рабом своих желаний, слаб и не способен внушить уважение женщине, любовь которой он хочет завоевать. Увидев, как он мечется, понукаемый своими животными инстинктами, она едва ли сможет впредь смотреть на него как на своего защитника и бога.

Мужчина воплощает Разум, а женщина — Волю. Если воля находится в гармонии с разумом, они становятся одним. Если они противостоят друг другу, возникают иллюзии.

Еще одной иллюзией является жажда физической жизни, хотя тот, у кого нет собственной природы, действительно может страстно стремиться к ней, потеряв свою природу, он, теряя жизнь, теряет всё. Люди цепляются за иллюзию жизни, поскольку они не знают, что такое жизнь. Они скорее готовы претерпеть унижение, бесчестье и страдания, чем умереть. Нигде то упорство, с которым человек держится за жизнь, не проявляется так наглядно, как при панике, вызванной внезапно возникшей иллюзией страха. В толпе звучит крик об опасности — и сразу же начинается битва за жизнь. Мужчины, забыв свое достоинство, топчут ногами женщин, а женщины, забыв свой пол, вступают в бой за животное существование. Но что делает жизнь столь желанной, что ей в жертву приносится внутренняя природа?

Отдельная жизнь — это лишь одно из тысячи подобных же временных состояний, через которые природа человека проходит на своем пути к совершенству, и останется ли он в одном из пунктов на срок более долгий или более краткий, едва ли имеет для него большое значение. { 129 |

Самое лучшее, как человек может распорядиться своей жизнью, — это принести её в жертву, если потребуется, ради блага других, поскольку это деяние укрепит его собственную природу, в которой заключен источник жизни и сила, благодаря которой человек окажется способен вновь одеться в форму.

С другой стороны, тот, кто уклоняется от битвы жизни из эгоистических устремлений или из-за того, что боится продолжать борьбу, не добьется избавления. Пожелав уйти из жизни, он может разрушить свое тело, но закон не обмануть. Жизнь его будет продолжаться, пока не истечет естественный её срок.

Разрушить её не в человеческих силах, он может только лишиться самого себя орудия, которое дает ему способность действовать. Такой человек подобен тому, кто должен исполнить некую работу и при этом выбрасывает инструмент, с помощью которого её можно сделать. Напрасны будут все его сожаления.

Такую же иллюзию представляет собой огромная область человеческой деятельности, которая именуется "*наукой*". Истинное знание делает человека свободным, но ложная наука превращает его в раба чужих мнений. Множество людей тратят свои жизни на то, чтобы узнать глупости, и пренебрегают истинным, ошибочно принимая непрочное и преходящее за вечное. Правда, обычно их стремление к познанию диктуется не желанием узнать истину, иначе они не отвергали бы её, когда она предстает их глазам.

В большинстве случаев познание для них — не цель, а средство, позволяющее им считаться учеными, в то время как подлинные их устремления направлены на то, чтобы обрести богатство, положение в обществе и славу, либо на то, чтобы удовлетворить собственное любопытство.

Истинное же богатство нации или человека составляют не интеллектуальные достижения, а моральные и духовные обретения, которые одни пребудут вечно.

Ничто так не способствует возникновению крайней степени эгоизма, как высокоразвитый интеллект без соответствующего роста духовности, и кто сомневается в справедливости этого утверждения, пусть посмотрит на ту мелочную зависть, которая распространена повсюду среди представителей ученых профессий. Кроме того, высокий интеллект дает человеку преимущества перед людьми менее образованными, которые он может использовать в своих интересах, и, если такой человек не обладает большой моральной силой, он не сумеет совладать с искушениями, встающими у него на пути.

Величайшими злодеями и преступниками становились люди высокоинтеллектуальные. Развитый интеллект необходим для понимания духовных истин, после того как они восприняты, но воспринять их с помощью только одного интеллекта, без духовности, нельзя, ибо они постигаются лишь силой духа. Поэтому в первую очередь важно развивать способности к духовному восприятию, развитие интеллекта происходит во вторую очередь, поскольку иначе он, с точки зрения подлинных интересов человека, будет бесполезен.

"Блажен, кого учит истина не с помощью преходящих символов и слов, а своей исконной силой; не тому, что кажется, а тому, что есть". (47)

Любовь к власти и славе — тоже иллюзия. Подлинной властью наделен только дух. Если меня слушаются, потому что я богат, то слушаются не меня, а моего богатства. Если меня называют сильным, потому что я обладаю властью, это не я силен, а власть, которой я облечен.

Богатство и власть подобны ореолу, окружающему человека, и часто они исчезают так же быстро, как и появляются. Слава нередко осеняет того, кто её не заслуживает, и самых высших почестей достиг тот, кто может сам уважать себя за свои деяния.

Подавляющее большинство людей не выбирают ни место, ни обстоятельства своего рождения, поэтому никто не вправе презирать другого из-за его национальности, религиозных убеждений, цвета кожи или роли, отведенной ему в этом мире. Общественное положение — иллюзия, порожденная цепью других иллюзий; оно никак не связано с сущностной природой человека. Исполняет ли актёр роль короля или слуги, никто не попрекнет его, если он играет свою роль хорошо.

Почет и хулу приносит не положение.

Играй хорошо свою роль— вот секрет уважения.

А. Поуп

Есть и другие иллюзии, которые приходят непрошеными и не покидают нас, хотя их присутствие никого не радует. Эти незваные гости— страх, сомнения, угрызения совести, как и другие иллюзии, порождены тем, что человек не знает истинной своей природы и меры своих возможностей. Случается, люди боятся некоей мстительной силы, которой на самом деле нет, и могут умереть от ужаса перед несуществующим злом.

Они часто страшатся следствий тех причин, которые, тем не менее, сами же продолжают создавать, и гадают, удастся ли им обмануть закон, не зная, что истинный человек сам есть закон и обмануть его нельзя. Каждое действие создает причину, которая влечет за собой следствие, и это следствие воздействует на того, кто создал причину, — неважно, почувствует он это воздействие в настоящей своей жизни или в следующей. Чтобы избежать последствий, вызываемых той причиной, которую он сам создал, человек может попытаться стать другим.

Его низшие принципы, которые ввергли его в заблуждения, будут страдать, но, если ему удастся объединить свою природу с высшими принципами и тем самым превратиться в существо с другой природой, их терзания не будут иметь для него большого значения.

Таково единственное разумное философское объяснение "*отпущения грехов*", и священники могли бы отпускать грехи, если бы были способны обратить грешника в святого или управлять законом кармы. Это, однако, под силу сделать лишь самому "*грешнику*", получившему, возможно, наставления от кого-то мудрого. А чтобы наставлять другого относительно законов или его собственной природы, человеку безусловно необходимо знать самому эти законы и постичь истинное строение человека.

Разум — спаситель человека, невежество же — его вечные муки. Разум есть та сила, с помощью которой ум человека может познать истину, а в свете истины растают тени сомнений, страха и раскаяния. Разум рассеивает иллюзии благодаря силе воли. Когда воля бездействует, воображение послушно любым влияниям, и в уме возникают отражения всех картин, присутствующих в астральном свете, без какого-либо их отбора или сортировки.

Когда разум не направляет воображение, в уме рождаются несвязные фантазии и галлюцинации. Пассивный провидец спит наяву и способен ошибочно принять свои сны за реальность, однако эти видения могут быть как его собственными иллюзиями, так и впечатлениями от дрейфующих туда-сюда идей, овладевших податливым умом, и тогда эти впечатления будут правдой или ложью в зависимости от того, откуда они пришли. Изобретены разные способы, чтобы на время приостановить критическую работу воли и сделать воображение ненормально податливым, и все они вредны ровно настолько, насколько эффективны.

Древние пифии пытались повысить свою и без того аномальную восприимчивость, вдыхая ядовитые испарения; дикари и народы, стоящие на низком уровне развития цивилизации, порой применяют яды или кружатся в танце до тех пор, пока деятельность разума не приостановится; другие используют опиум, кендырь и прочие наркотики, которые не только подавляют их волю и лишают их памяти, но и возбуждают мозг, порождая болезненные фантазии и иллюзии.

Предсказатели судьбы и ясновидящие концентрируют своё внимание, прерывают течение мыслей и приводят свой ум в пассивное состояние всевозможными способами, и образы, которые им являются, могут оказаться правдой, но могут и ложью. Есть люди, которые смотрят для этого в зеркало или в кристалл, в воду или чернила, но посвященные, не отказываясь от использования разума, достигают необходимой податливости воображения тем, что сохраняют, при любых обстоятельствах, ясное спокойствие души.

Если воды в озере волнуются, мы сможем увидеть лишь искаженные картины того, что отражается в нем, и так же если элементы внутреннего мира находятся в беспорядке, если эмоции борются друг и другом, а кипение страстей смущает ум, если небеса души скрыты за тучами предрассудков, затемнены невежеством и миражами безрассудных желаний, правильные образы видимых вещей будут искажены.

Божественный принцип в человеке остается сам по себе неизменным и нерушимым, как отражение звезды в воде, но пока обитель его не станет чистой и прозрачной, его лучи не пробьются сквозь стены, которыми он окружен. Чем больше ярятся эмоции, тем в большее смятение приходят воля и ум, и духу приходится отступать в свою внутреннюю темницу; либо, если он полностью утратил своё господство над разумом и душой, он может быть изгнан неподвластными ему силами и, сломав дверь тюрьмы, вернуться к своему источнику — в таком случае человек остается просто живым организмом, в котором духовный принцип прекратил всякую деятельность. (48)

Тот, кто вынуждает свой разум перестать контролировать воображение, теряет одно из важнейших преимуществ человека и подвергает себя опасности.

В нормальном состоянии разум до некоторой степени направляет воображение, в противном случае эту роль может взять на себя чужая воля, либо воображение будет скитаться без руля и ветрил под воздействием внешних условий.

Спящий не контролирует действия, которые он совершает во сне, хотя ему может казаться, что он задействует свою волю. Вещи, которые он видит, для него реальны, и он не сомневается в их вещественности, в то время как внешние материальные предметы для него не существуют, и даже сама возможность их существования не присутствует в его сознании.

Ему может сниться, что перед ним яма и он хочет перепрыгнуть её, но на самом деле он не прилагает к этому свою волю, а только следует побуждениям, возникшим у него во время бодрствования. Человек, находящийся в трансе, иногда настолько подпадает под влияние "*магнетизера*", что его собственная воля совершенно перестает работать, и он следует только за воображением "*оператора*".

Каналы его внешних чувств перекрыты, он живет полностью в субъективном мире, где нет места материальным объектам и в который эти объекты никоим образом нельзя ввести.

В то же время, всё, что он видит, для него реально, и, если оператор создает в его воображении пропасть, представленную, может быть, меловой чертой на полу (эта черта нужна, чтобы помочь воображению оператора), "*субъект*", приблизившись к ней, испытает ужас, ровно такой же, какой охватил бы его в нормальном состоянии, если б у ног его разверзлась пропасть, и этот ужас отразится на его лице.

Если же оператор окажется настолько жесток, что заставит находящегося в трансе прыгнуть в пропасть, это может иметь для того самые серьезные последствия.

Выпив стакан воды, превращенный волей "*месмериста*" в воображаемое вино, гипнотизируемый может опьянеть; а если воду обратить в воображаемый яд, им можно отравить или даже убить впечатлительного человека.

Сильный месмерист может создать чудесную или устрашающую картину в своём уме и, передав её с помощью воли в ментальную сферу восприимчивого человека, заставить его — даже в нормальном состоянии — наслаждаться или страдать, а образы, порожденные в уме последнего, в свою очередь, могут быть переданы другим и восприниматься ими.

Если "*медиум*" отдаёт кому-то или чему-то право распоряжаться своим воображением, он превращается в его слугу. Это может быть другой человек либо идея, эмоция, страсть, и сила их воздействия на пассивного медиума будет пропорциональна проявляемой ими активности.

В такой же роли иногда выступает элементар, астральное тело или злонамеренное влияние, и тогда медиум становится эпилептиком, маньяком или преступником. Человек, который позволяет распоряжаться своим воображением без разбора всем неизвестным силам, поступает столь же безумно, как тот, кто доверяет свои деньги и ценности первому попавшемуся незнакомцу или бродяге, который предложит ему это.

Степень развития и направленность воображения сильно влияют на то, как человек видит и оценивает вещи и события. Для дикаря скульптура Минервы, возможно, предстанет просто забавным куском камня, а прекрасная картина — куском ткани, испачканным красками. Жадный скупец, глядя на красоты природы, думает только о том, какую денежную ценность они представляют, в то время как для поэта лес населен феями, а водоём — ундинами.

Художник находит красоту в формах плывущих облаков и нагромождениях камней в горах, и для того, кто в душе поэт, любой знак, данный Природой, обращается в поэму, навеивает новые мысли; но трус бредет по жизни с хмурым лицом: в каждом углу ему видится враг, и в мире нет для него ничего привлекательного, кроме собственного маленького "я".

Человек, которому нельзя верить, всегда подозрителен, вор боится, как бы его не обокрали, а насмешник и сплетник очень обижается на болтовню других.

Впечатления, оставленные в душе человека работой его воображения, могут быть очень яркими и оказывать влияние на всю его личность. Они могут исказить или изменить черты лица или заставить человека в одночасье поседеть; они способны оставить мету, или убить, или изуродовать или переломать кости ещё не родившегося ребенка и привести к тому, что следы увечий, нанесенных одному человеку, будут видны на теле другого, с которым он связан симпатической связью.

Они куда действеннее лекарств, обычно предлагаемых в аптеках, они вызывают и исцеляют болезни, порождают видения и галлюцинации и могут быть причиной стигматов у так называемых святых. Воображение творит чудеса, сознательно или бессознательно, во всех царствах Природы. Мы видим много примеров защитной окраски, то есть близкого совпадения окраски животного и основных цветов той среды, в которой оно живет, и говорится, что причина этого лежит в мощном воздействии этих цветов на воображение животного во время вынашивания потомства. Изменив среду обитания животного, можно добиться изменения через какое-то время его окраски. Полоски тигра, как утверждается, соотносятся с высокой травой, растущей в джунглях, а пятна леопарда напоминают пятна света, пробивающегося сквозь листву. (49)

Силы Природы, на которые влияет воображение человека, воздействуют на воображение Природы и порождают стремления на астральном плане, в процессе эволюции находящие своё воплощение в материальных формах. Таким образом пороки и добродетели человека обращаются в объективную реальность, и, если душа и ум человека делаются чище, земля тоже становится чище и прекраснее, а пороки воплощаются в виде смертоносных рептилий и ядовитых растений.

Но впечатления, отложившиеся в душе, не исчезают, когда кончается жизнь человека на физическом плане. Нечто, внезапно испугавшее человека или как-то иначе поразившее его воображение, может оставить впечатление, сохраняющееся не только всю жизнь, но и за её пределами. Например, человек, целую жизнь, веривший со всей искренностью в вечное проклятие и адское пламя, может, перейдя в субъективное состояние после смерти, действительно узреть все ужасы ада, которые наворожило за долгие годы его воображение. Его не погребли заживо, физическое тело на самом деле умерло, но испуганная душа, увидев перед собой все ужасающие порождения своего собственного живого воображения, кидается назад, к отброшенному телу, и цепляется за него в отчаянии, ища защиты.

Сознание личности возвращается и обнаруживает себя живым в могиле, где оно либо испытает вторично все мучения смерти, либо, выслав астральную форму искать поддержки у живых, станет вампиром и продлит на какое-то время своё внушающее ужас существование. (50)

Такие беды в христианских странах совсем не редки, и лучшее средство против них — разумное воспитание или кремация тела сразу после смерти. В другом случае осужденный за убийство человек, который заботами священника был "*обращен*" и "*подготовлен*" к тому, чтобы взойти на виселицу, и который уверовал твердо, что грехи его прощены и что ангелы ожидают его, чтобы принять в свои объятия, может, переходя в субъективное состояние, также видеть перед собой то, что сотворено его воображением, пока иллюзорное видение не померкнет.

На стадии после смерти и в условиях дэвачана воображение не создаёт новых особенных форм и не способно воспринять новые впечатления, но, так сказать, живет всей суммой впечатлений, запасенных за время жизни, которые могут разворачиваться в бесчисленных вариациях душевных состояний, выраженных символически в соответствующих субъективных формах и существующих какое-то время, пока сила их не иссякнет.

Эти состояния души можно назвать иллюзорными в том же смысле, как можно назвать иллюзорными формы и события физической жизни, а пребывание на небесах или в аду мы вправе именовать сном, настолько же, насколько мы именуем сном пребывание на земле. Сон жизни отличается от сна после жизни лишь тем, что во время первого мы можем использовать свою волю, чтобы направлять и контролировать наше воображение и действия, при том что в течение второго такое руководство отсутствует, и мы пожинаем то, что посеяли, приятно оно или нет.

Ни одно устремление, будь оно к доброму или к дурному, не пропадает втуне. Тот, кто на земле стремился в своём воображении к высокому идеалу, найдет его на небесах; тот, кого желания тянули вниз, опустится на их уровень. Нет рая и ада кроме тех, которые человек творит для себя, но они, тем не менее, могут существовать для него реально и долго. Мы видим каждый день мужчин и женщин, живущих в адских безднах, которые они сами создали и из которых не смогут уйти до тех пор, пока сила, сотворившая эти бездны, не утратит всю свою мощь.

Если мы хотим обеспечить себе счастливое существование после смерти, надо добиться его при жизни, управляя дурными побуждениями и развивая чистое и возвышенное воображение. Надёжнейший способ стать счастливым— это подняться над точкой зрения собственного "я". Люди ищут развлечений и забвения, но, забывая о времени, они забывают своё "я" и, забыв о себе, испытывают радость.

Иллюзия на время делает человека счастливым, поскольку, наслаждаясь иллюзией, он забывает о своем собственном "я", поэтому для тех, кто не способен стать выше собственного "я" иным способом, иллюзия может быть полезна. Очарование музыки заключается в том, что она заставляет личность раствориться в гармонии звуков. Если мы смотрим спектакль и сопереживаем происходящему, мы забываем собственную жизнь и печали, растворяясь, так сказать, в личности актера. Актер, умеющий привлечь к себе внимание, привлекает и наши персональные сознания и вдохновляется нашим воодушевлением; артисту, которому аудитория отказывает в своих симпатиях, будет трудно играть хорошо.

Оратор, каждое слово которого находит отклик у слушателей, черпает вдохновение у тех, к кому обращается; это они выражают через него свои чувства: во время речи он может забыть начисто всё, что собирался сказать, передав вместо этого настроения своей аудитории. Никаких "духов" не требуется, чтобы вдохновить вдохновенного оратора, для этого, если он достаточно восприимчив, достаточно просто мыслей присутствующих.

Когда мы входим в собор или храм, чья архитектура, дышащая величием и торжественностью, пробуждает душу; когда музыка обращается на своём языке к нашему сердцу и уносит его прочь от земли; когда красота и аромат цветов даруют нам покой и забвение своего "я" — все эти иллюзии могут сделать нас на время счастливыми в той мере, в какой они сумеют лишить нас сознания собственной личности и своего "я", и как таковые они неизмеримо лучше, чем другие, обращающиеся к низшему "я" персоны.

Но если мы ищем истину во внешней форме, вместо того чтобы искать её в принципе, который эта форма представляет, это заведет нас во тьму, а не выведет к свету.

Если мы считаем, что изображения божеств представляют неких реально существующих личностей, мы осознаём и свою собственную личность по отношению к якобы личностному божеству, и в таких случаях вместо расширения сознания происходит его концентрация на нашем собственном "я". В силу этого вера в персонифицированных богов укрепляет иллюзию "я": она превращает человека в труса; она заставляет его просить о милостях, которых он не заслужил, в ущерб людям, их достойным; на ней зиждется власть священнослужителей, и благодаря ей лживый прелат восседает на троне, с которого истинный Бог был изгнан.

Такое неправильное понимание принижает достоинство мужчин и лишает чистоты женщин, и религиозные системы, основанные на подобных практиках, заставляют человека деградировать, вместо того чтобы возвышать его характер. Тот, кто поднялся к жизни превыше иллюзии формы и осознал существование истинного Бога в своём сердце, не нуждается ни в каких иллюзорных формах, привлекающих его внимание. Он носит храм вне форменного и вечного Бога в своей душе и поклоняется этому Богу не церемониями и ритуалами, а вечной любовью.

Цепляясь за иллюзии, мы открываем путь страданиям; если счастье зависит от формы, оно исчезнет, когда перестанет существовать форма. Постоянное счастье можно обрести лишь в состоянии бесформенном и безличностном. Лишь когда низшая личностная природа человека, со всеми её иллюзиями, станет для него бесполезной, бессмертный человек, освобожденный от притяжения материи, сможет подняться в царство вечной истины.

Глава VII

СОЗНАНИЕ

Я есмь.
Библия

Всё, что существует во Вселенной, есть проявление Мирового Разума. Поэтому всё само по себе есть разум и существует как таковое в Абсолюте, однако о существовании, связанном с формой, можно говорить только там, где вступают в действие ощущение, восприятие и сознание. Термин "*сознание*" означает осознание существования, относящегося к определенной вещи.

Сознание в абсолютном смысле есть бессознательное по отношению к вещам. Сознание означает знание и жизнь, отсутствие сознания — невежество и смерть. Несовершенное знание характеризует отношение к объекту познания несовершенного сознания; высочайшее возможное для сознания состояние — полное постижение истины.

Вещь не существует для нас, пока мы не осознаем её существования. Человек, который не сознаёт собственного существования, лишен сознания и покуда, для всех практических целей, имеющих касательство к нему, мертв. Нельзя постичь своего существования, не испытав и не осознав его, и оно становится действительным с того момента, как оно осознано. Если человек является законным обладателем многих миллионов, но не знает этого, он никаким образом не может распоряжаться ими или извлекать из этого выгоду.

Некто может присутствовать при произнесении самой блестящей речи, но, если он не слышит, что говорится, её для него все равно что нет.

Каждый человек наделен сознанием, но, если он никогда не прислушивается к его голосу, связь между ним и его сознанием порвется, и оно станет мертво для него в той мере, в какой он утратит способность слышать.

Символы имеют смысл для того, кто понимает их значение, но несведущий не видит и не воспринимает ничего, кроме формы, которая для него бессмысленна.

Человек может быть жив и наделен сознанием по отношению к одним вещам и мертв и лишен сознания по отношению к другим. Бывает, что одни его способности задействованы и осознаны, а другие не сознаются и до времени не работают. Человек, слушающий внимательно музыку, порой не осознаёт ничего кроме звуков; тот, кто взирает с восхищением на некую форму, сознает только то, что он видит; а тот, кто страдает от боли, случается, не осознает ничего кроме отношения, связывающего его и ощущение боли.

Погруженный в свои мысли способен почувствовать себя в полном одиночестве среди толпы и, оказавшись на грани гибели, не сознавать опасности. Кто-то может обладать силой льва, и это не даст ему ничего, пока он не осознает, чем владеет; и человеку не обрести бессмертия до тех пор, пока он не осознает вечность жизни. Чем лучше человек научится сознавать истинное свое положение в мире сущего, тем более сознательным становится его существование.

Если он не понимает своего места, он обманывается. Познав полностью себя и окружающее, он осознает свою силу, научится применять её и станет адептом. Чтобы осознать существование вещи, надо воспринять её. Воспринять— значит войти с ней в соприкосновение и ощутить наличие этого отношения.

Осознание возникает, следовательно, там, где возникают ощущения, но осознание истины следует за ощущением и восприятием формы лишь в том случае, если воспринимается и понимается принцип, существующий в этой форме.

Если нас знакомят с человеком, которого мы не знаем, мы воспринимаем его внешность и то, как он одет; мы сознаём его существование как формы жизни, но не знаем ничего о его истинном характере. Его внешность может быть располагающей, и при всём том он окажется обманщиком; новый эlegantный костюм не исключает плохого характера человека. В здоровом теле может скрываться больная душа, и отличные рекомендации и характеристики могут оказаться обманом. Если мы хотим узнать истинный характер человека, мы должны увидеть его воочию. Можно посмотреть человеку в глаза и слить свое сознание с его сознанием: тогда душа будет говорить с душой, они войдут в соприкосновение друг с другом, и тот, кто может осознать природу этого отношения, никогда не обманется.

Такое постижение истины непосредственным восприятием является одной из способностей, которая на данной стадии эволюции у человека ещё недостаточно развита. Это — шестое чувство, которое присутствует только как почка на древе жизни, в то время как другие пять уже раскрылись полностью. Седьмое чувство, которое тоже заложено в человеке, доступно только посвященным.

Поскольку всё сущее имеет троичную природу, существуют три разновидности восприятия: физическое восприятие, восприятие души и духовное восприятие; первое достигает оболочки вещей, второе — их души, третье — внутреннего центра. Видеть — значит представлять вместе с органом зрения. Мысль, направленная на внешнюю оболочку воспринимаемого объекта, узрит только оболочку; мысль, осознающая в центре, узрит центр.

Всё сущее существует в Мировом Разуме, и ничто не может существовать вне его, поскольку Мировой Разум включает в себя всё и, значит, нет никакого "вне". Восприятие — способность разума, посредством которой он учится познавать, что происходит в нем самом. Сила сознания, рассеянная везде и повсюду во Вселенной, в силах была бы охватить всё происходящее в любой точке пространства, могла бы быть связана со всем, что в нём находится.

Сила сознания, привязанная к материальной форме, может охватить лишь то, что входит в соприкосновение с этой формой. Чтобы две вещи вошли в соприкосновение, они должны воздействовать друг на друга, или, иными словами, должны возникнуть действие и противодействие.

Из воздействия Мировой силы Разума и сопротивления формы рождаются физические ощущения. Не может быть восприятия без сопротивления. Если бы наши тела были совершенно прозрачны для света, мы не воспринимали бы свет, поскольку он не может освещать сам себя. Астральный свет пронизывает наши тела, но мы (в обычных условиях) не способны видеть его, поскольку физическое тело не препятствует ему, а астральное тело, как правило, бездействует.

У большинства человечества астральные тела пока еще только становятся местом жизни и деятельности и потому не осознают полностью своего существования, но, когда физическое тело спит и жизнь переходит от внешнего к внутреннему человеку, астральный человек может осознать существование этого более высокого света и узреть его в виде прекрасных звезд или сияния, наподобие того, которое возникает, когда электрический свет проходит через хрустальный шар.

Возможно, в процессе развития элементов, образующих тело человека, была стадия, когда его оболочка представляла собой, так сказать, сплошные глаза, и вся поверхность её была чувствительна к свету. Но теперь тело защищает человека от интенсивного воздействия света, оставляя лишь маленькое отверстие в радужной оболочке глаза, сквозь которое свет может проникать внутрь, к более чувствительным нервным окончаниям. Противодействие, возникающее в форме в ответ на действие света, создало глаза. В подземных озерах нашли рыб, у которых нет глаз: там нет света и им не нужны органы, воспринимающие его или противодействующие ему. В тропических странах интенсивность света больше, и нервы человека потому нуждаются в более мощной защите, чем на севере.

В силу этого у людей, живущих в тропиках, обязательно присутствует в коже темный пигмент, предохраняющий их обнаженные тела от воздействия тропического солнца.

У некоторых полуматериальных существ (элементалов) наружный покров недостаточно тверд, чтобы защитить их от земного света. Такие создания чувствительны к его воздействию — они могут жить только в темноте и являют свою силу лишь ночью. Если астральное тело человека испытает на себе всю мощь астрального света, не научившись предварительно противодействовать ему, объединяясь с более высоким принципом, оно будет разрушено — быстрее или медленнее в зависимости от того, какова интенсивность этого света.

Мифические представления об "аде" и "чистилище" — отзвук этой разрушительной деятельности астрального света. Но подобное разрушение может и не сопровождаться никакими ощущениями — если астральное тело не обладает сознанием.

Труп кремируют, и он этого не чувствует, астральное тело может распасться на элементы и не ощутить боли. Только когда жизнь ассоциируется с формой на любом плане существования, появляется чувствительность и сознание, а вместе с ними и боль.

Если бы наши тела были достаточно тонки, чтобы проходить через тела других, не чувствуя сопротивления, мы не ощущали бы ничего присутствия. Если бы строение уха не было приспособлено к тому, чтобы воспринимать звуковые вибрации, слух был бы несовершенным. Способность к сопротивлению порождает чувствительность и боль.

Жизнь, чувствительность, восприятие и сознание могут быть изъяты из физического тела и пробуждены к действию в астральном теле человека.

Астральный человек может таким образом осознать свое собственное существование, независимое от физического тела, и развить свои способности к ощущению.

Он сможет тогда увидеть пределы, не существующие для физического зрения, слышать звуки, которые не слышит физическое ухо, осязать, обонять и чувствовать на вкус вещи, существование которых нельзя осознать с помощью физических органов чувств, и которые, соответственно, для них не существуют.

Проведенные научные исследования выявили много примеров того, как астральные чувства включаются в более или менее активную работу. Пророчицы из Прево, например, воспринимали множество вещей, которые для других не существовали; в историях святых содержится большое число примеров такого же рода, и современный "*медиумизм*" подтверждает существование таких высших чувств фактами, имеющими место чуть ли не каждый день. Если астральные чувства человека полностью пробуждены к жизни и активны, он способен воспринимать вещи, не пользуясь физическими чувствами.

Он будет ясновидящим и яснослышающим, который может видеть, слышать, осязать, обонять и чувствовать на вкус астральные свойства вещей, существующих в телесных формах или вне их. Все дома населены привидениями и духами, но не все люди в равной степени способны видеть призраков, которые преследуют их, поскольку для того, чтобы воспринимать вещи на астральном плане, у человека должны быть развиты чувства, предназначенные для такого восприятия.

Мысли — это "*призраки*", и только тот, кто способен видеть мысли, может видеть "призраков", кроме тех случаев, когда эти последние достаточно материальны, чтобы преломлять свет и быть доступными обычному зрению.

Материалистическая наука, изучая зрение, рассматривает формирование изображения на сетчатке глаза, но никак не поясняет, каким же образом эта картинка попадает в сознание данного разума. Если бы разум человека (его сознание) был заключен в его теле, человек не мог бы воспринимать ничего извне.

В таком случае он, самое большее, видел бы мелкую картинку, возникающую на сетчатке, и внешний мир представлялся бы ему таким, какими видятся предметы в перевернутом бинокле, — маленьким и почти неразличимым, и у него не было бы никакой возможности общаться с этим миром. Но отражение, возникающее в физических глазах, служит лишь для того, чтобы привлечь внимание разума к объектам его восприятия, или— другими словами— возбудить внутреннее осязание, присущее разуму, чтобы разум осознал свое соприкосновение с объектами восприятия, объектами, находящимися внутри его сферы.

Видимый человек является, так сказать, "косточкой" невидимого человека, сфера его разума окружает его со всех сторон, как незримая "мякоть", сливающаяся с Универсальным Человеком и простирающаяся далеко в пространство; и человек станет осознавать объекты, существующие внутри этой сферы, если осознает свое соприкосновение с ними.

Эта невидимая эфирная "мякоть" является столь же существенной частью человека, как мякоть персика — для персика, хотя знания материалистической науки ограничиваются только "косточкой". Однако же у каждого человека такая сфера есть, и она пересекается со сферами других людей, в результате чего возникает симпатия или антипатия, в зависимости от того, находятся ли присутствующие там элементы в согласии или в разладе. Слепой лишен возможности воспринимать внешние объекты с помощью физического зрения, поскольку его оптические нервы не способны побудить ум к осознанию своего соприкосновения с тем, что лежит вне физической формы данного человека, но при этом находится в сфере его разума. Великое множество событий может происходить в чьем-то разуме, но мы не сумеем воспринять их, пока наше внимание не будет привлечено к ним, и они не войдут в наше сознание.

Разум может воспринимать то, что происходит на физическом плане, будучи побужден физическим зрением к осознанию своей связи с физическими вещами; он может воспринимать то, что происходит в сфере души, будучи пробужденным к осознанию своего соприкосновения с этой сферой воздействиями, исходящими из него; или воспринимать духовные истины, если он побужден к осознанию своего соприкосновения с ними воздействиями, исходящими из безграничной сферы духа.

У физического тела есть органы зрения, чтобы уловить побуждения, необходимые для восприятия физических вещей; душа наделена своими астральными чувствами, чтобы улавливать подобные побуждения, необходимые для восприятия вещей, существующих в сфере души; дух обладает своими собственными возможностями восприятия, которые можно задействовать.

Физическое тело порой спит и не воспринимает внешних объектов; астральные чувства могут быть неразвиты или неспособны откликнуться на побуждение, способность к духовному восприятию у большей части человечества пока еще не пробудилась, и люди ощущают присутствие духа лишь по неясному отблеску его света, как человек в полудреме иногда видит отсветы из-под закрытых век и не понимает, что это такое. Таким отблеском является сила интуиции, которая может действовать и до пробуждения духовного сознания.

У разума нет пределов, и потому расстояние не мешает ментальному восприятию: составляя единство с целым, разум соприкасается с каждой его частью, и как только он сознаёт свое соприкосновение с неким объектом в пространстве, он сознаёт существование этого объекта. Восприятие — это пассивное воображение, поскольку если мы воспринимаем объект, связь, в которую он вступает с нами, входит в наше сознание без каких-либо активных усилий с нашей стороны.

Однако посредством активного восприятия, или воображения, мы можем войти в соприкосновение с удаленным от нас в пространстве объектом, переместив свое сознание.

Благодаря этой способности нам под силу воздействовать на удаленный объект, если только мы сумеем создать в сознании правильный его образ. Сконцентрировав свое сознание на таком объекте, мы становимся, так сказать, сознательными в том месте сферы разума, где он находится. Вместо восприятия уже существующего отношения мы устанавливаем новое отношение между объектом и нами— однако такой способностью обладает лишь тот, кто её развил, и её можно использовать во благо или во зло. Сознание есть существование, и состояния сознания столь же многочисленны, как и состояния существования.

Каждое живое существо наделено своим сознанием, которое есть продукт его ощущений, и уровень этого сознания меняется, как только меняются получаемые существом впечатления — поскольку сознание есть восприятие отношений, в которые существо вступает с другими вещами, и, если эти отношения меняются, сознание меняет свой характер.

Есть единственный вид сознания, который никогда не меняется, поскольку его отношения с вещами никогда не меняются, и которое одинаково во всех персонах, поскольку все персоны находятся в одинаковых отношениях с ним.

Это сознание существования *per se*, осознание того, что "я есмь".

Оно не может измениться, поскольку существование *per se* никогда не меняется; его изменение привело бы к несуществованию или уничтожению всего.

Это сознание есть у живущих, и оно остается единственным сознанием у умерших, чьи духовные силы не пробудились, и чья ментальная деятельность на низших уровнях истощилась в камалоке и дэвачане.

Когда Абсолютная Единая Жизнь становится относительной в форме, она начинает жить в связи с формой; но уровень сознания зависит от уровня активности жизни, выраженного в организации её формы.

У низкоорганизованной формы может быть чувствительность, но не интеллект, она не способна различать объекты, относящиеся к её познанию себя и познанию других. У устрицы есть чувствительность и сознание, но нет интеллекта и способности различать. Есть люди, которые обладают сильным интеллектом, но лишены сознания духовности, величия, справедливости, красоты и правды.

Из сознания без рассудка и интеллекта возникает инстинкт. Такое полубессознательное сознание, или инстинкт, присутствует и на низших ступенях жизни, и у более высокоорганизованных существ, поскольку низшие создания ещё не достигли того уровня, на котором определенные действия могут направляться их собственным интеллектом, а на высоких стадиях некоторые такие движения становятся привычными, и для их совершения участие интеллекта больше не требуется. Мышечная система исполняет привычные для неё действия, когда человек ходит или ест, без специального руководства интеллекта, как часы, которые, будучи один раз заведены, продолжают идти; и человек, у которого вошло в привычку поступать правильно и справедливо, будет действовать так инстинктивно, безо всяких размышлений и сомнений.

Каждому состоянию разума соответствуют свои способы восприятия, ощущение, инстинкт и сознание, и деятельность одного из них может перекрыть и подавить деятельность других. Некто, полностью отдавшийся ощущениям, вызванным неким физическим действием, не сознает в этот момент тяги духовного. Человек, находящийся под воздействием хлороформа, теряет всякую чувствительность к боли, но осознаёт всё, что творится вокруг. Вошедший в транс может бодрствовать на высших планах существования и совершенно не осознавать того, что происходит на физическом плане.

Полубессознательная мышечная система может взять верх над интеллектом, либо мозг — вместилище сознания и интеллекта — управлять мышечной системой.

Человек может забраться на головокружительную высоту — на вершину башни или горный пик — и, если перила или ступени дают ему видимость опоры, совсем не поддаются панике. Его интеллект понимает опасность, но внушает неразумному животному человеку и мышечной системе, что угрозы нет, и таким образом человек вполне может и не упасть. Но если убрать опору, картина опасности, представшая разуму, поразит неразумные животные инстинкты всепоглощающей иллюзией страха, и катастрофа окажется неизбежной. Тело осознает притяжение бездны, у воли может не хватить сил сопротивляться стремлению тела последовать этому притяжению, и человек упадет.

Лишенная интеллекта мышечная система не сознает ничего, кроме притяжения земли. Элементы земли в ней преобладают, и, если ею не руководят интеллект или воля, она пользуется любой возможностью последовать импульсам, порожденным этим притяжением.

Астральное тело *per se* тоже не обладает интеллектом и, если не впитает интеллектуальность, исходящую от высших принципов, поддается притяжениям астрального плана.

Эти притяжения создают эмоции, порожденные желаниями. Как физическое тело, если им не руководит разум, может упасть и разбиться, так и астральное тело, соблазнившись приманками любви и ненависти, может перестать слушаться интеллектуального принципа человека и устремиться к гибели.

Животное сознание в человеке — это тот грубый инстинкт, который заставляет его искать удовлетворения своих естественных потребностей.

Что представляет собой человек, когда его сознание не озаряет больше свет разума, можно увидеть на примере буйно помешанных и иногда в случаях настоящей одержимости.

В подобных ситуациях поступки человека однозначно определяются воздействующими на него импульсами, и когда рассудок вернется к нему, он не будет иметь представления о том, что натворил в безумии.

В такое состояние может впасть один человек, а могут одновременно многие или даже целые народы: оно распространяется как эпидемия по закону индукции, как это видно по опыту некоторых случаев массовой "*одержимости*", имевших место в средние века. (51)

Подобные явления часто наблюдаются при припадках истерии, во время религиозных собраний, театральных представлений, в атаке на врага и в других ситуациях, когда страсти толпы, накаленные до предела, заставляют людей совершать безумства, подвиги или другие деяния, которые они не хотели и не сумели бы совершить, руководствуясь только расчетами интеллекта.

Духовное сознание человека — это способность постигать истину непосредственным восприятием.

Развитая полностью, она дает своему обладателю возможности, непостижимые для обычного человека.

Он в состоянии объединить свое сознание с сознанием любого из людей, к которому не испытывает отвращения, связаться с любым человеком в любой части света, хотя тот не осознает его присутствия, если у него самого не развита до определенной степени способность к духовному восприятию.

Если мы сконцентрируем свои мысли на каком-либо человеке или месте, высшие мысли-энергии, исходящие от пятого принципа человека, действительно перенесутся туда, поскольку мысли не скованы законами тяжелой материи, касающимися пространства и времени, и мы можем в одно мгновение увидеть мысленным взором любое место — далекое или близкое.

Если мы были в каких-то местах прежде или в них есть что-то для нас притягательное, нам не составит труда их отыскать. Но в обычной ситуации наше сознание остаётся с телом.

Мы можем даже сознать свое присутствие там, куда устремились наши мысли, но, вернувшись в нормальное состояние, мы не сможем этого вспомнить, поскольку полу-материальные принципы нашей души, в которых заключена память, не были там и не сумели накопить впечатления и передать их физическому мозгу.

Но если астральные элементы чисты настолько, чтобы не цепляться за тело, а последовать за мыслями, тогда наше сознание может отправиться с ними, перенесенное силой воли, и чем сильнее воля, тем легче этого достичь. Мы тогда посетим избранное место сознательно, зная, что мы делаем, и наши астральные элементы смогут принести память об этом посещении и запечатлеть её в физическом мозге.

Таков секрет того, как можно перенести астральное тело на расстояние. Этой способностью можно обладать от рождения или развить её практикой. Есть люди, у которых вследствие врожденных особенностей строения или болезни происходит, по их желанию или спонтанно, подобное разделение физических и астральных элементов, в результате чего их астральная форма может странствовать, сознательно или бессознательно, в отдаленные места или к находящимся далеко людям и благодаря одическим или магнетическим излучениям тела самого человека или других людей *"материализоваться"* в видимой или даже осязаемой форме.

Кама-рупу, или *"тело желаний"*, может бессознательно подчиниться притяжению места, где оно хочет быть, пока физическое тело спит. При этом восприимчивые люди порой даже видят его, но оно не проявляет никаких признаков жизни или интеллекта; оно действует, как автомат и возвращается, когда физическое тело потребует его присутствия.

Во время смерти, когда связь между низшими и высшими принципами ослабевает, подобное перенесение на расстояние майяви-рупы имеет место достаточно часто; астральное тело при этом может быть сознательным, думающим и полным жизни и являть собой подлинного человека.

Из записанных историй нам известно великое множество случаев, когда вследствие внезапного и сильного порыва чувств, например, желания увидеть какого-нибудь человека, жизнь в астральном теле становилась необычайно активной, и оно, уносясь прочь от физического тела, возникало как сознательное и видимое где-то в другом месте.

Нечто похожее происходит и при ностальгии. Человек, разлученный с домом и друзьями, тоскует и мечтает увидеть родные места, и все его мысли и наиболее тонкие астральные силы обращены к ним. Он живет, так сказать, духовно там, в то время как его физическое тело прозябает в иных краях. Жизненные элементы по крупицам переходят всё больше и больше к этим астральным составляющим, оставляя в небрежении нужды физического тела. С человеком вроде бы не происходит ничего серьезного— небольшой жар, слабость, — а потом он умирает, то есть отправляется туда, куда влекут его желания, хотя физические органы чувств не проследят его путь.

Во время болезни или смерти происходит нечто аналогичное. Когда по какой-либо причине связь физической оболочки и астрального тела ослабевает, астральная форма может отделиться временно или навсегда от физической и последовать за более сильным влечением: тогда люди, одаренные *"вторым зрением"*, сумеют её увидеть.

Более высокий, чем обычно, уровень сознания можно наблюдать во время транса и у сомнамбул, более низкий— во время алкогольного или иного вида опьянения. Когда человек находится в состоянии транса, сознание полностью сконцентрировано на более высоких планах, и разум может даже забыть о существовании физического тела. При опьянении же человек сознает лишь свое животное существование и полностью лишен сознания своего более высокого *"Я"*. Сомнамбула во время приступа относится к своему телу как к некоему существу, отличному от её собственного *"Я"* и, в какой-то мере, порученному её заботам.

Она говорит о нем в третьем лице, иногда прописывает ему что-то, как доктор больному, и часто её вкусы, наклонности и суждения оказываются полностью противоположными тем, которые характерны для нее в нормальном состоянии. Сомнамбулы нередко дают обещания и исполняют их, когда приступ проходит, хотя, очнувшись, не помнят, что вообще, что-то обещали. Они могут безумно любить кого-то, находясь в трансе, и чувствовать к этому же человеку отвращение в нормальном состоянии. (52)

Это высшее "Я", которое, кажется, столь мало заботится о земных тревогах, гнетущих и лишаящих покоя низшие "я", и есть истинный человек, продолжающий жить и после того как тело личности, с которой он был связан во время земной жизни, перестанет существовать. Это и есть индивид, за долгую цепь воплощений находившийся в связи со множеством личностей, и из каждой он извлекал элементы, достойные того, чтобы сохранить их, и накапливал их у себя. За всю историю человечества лишь немногим удалось объединить свою личность с их же собственной божественной и безличной Атмой. Те, кто преуспел в этом, воистину достигли просветления, и им не надо более воплощаться.

Высший уровень духовного сознания достигается в состоянии самадхи. В этом состоянии тело впавшего в транс лишено всякого сознания и всех физических чувств. Его можно сжечь и закопать в могилу— это затронет истинного человека только тем, что он не сумеет вернуться в данное тело. Но пока его земная форма пребывает без сознания, его истинное "Я" живет осознанно в тех краях, куда не под силу проникнуть человеческому воображению; оно, возможно, участвует в деяниях, для нас непостижимых, в местах, откуда горько возвращаться к земным цепям.

Даже когда физическое сознание работает, сознание более высоких принципов может подняться до такого уровня, что тело практически не будет чувствовать боли.

История сохранила для нас рассказы о мужчинах и женщинах, чьи души преисполнялись радостью, в то время как земное вместилище их подвергалось пыткам на дыбе или горело на костре. Состояние самадхи не следует путать с обычным месмерическим трансом. Последний порой соответствует уровню восприятия посредством астральных чувств, и очень часто видения, возникающие при этом, создаются самим месмеристом.

Иногда гипнотизируемый точно описывает место, в котором он никогда не был, при условии, что месмерист там был, а если в таком случае он видит в этом месте некий объект, который на самом деле там не присутствует, то, значит, месмерист вообразил его там. Человек, по сути, живет двумя жизнями: одной— когда он полностью бодрствует, другой— когда глубоко спит.

Каждой свойственны свои способы восприятия, сознание и опыт; опыт того более высокого уровня, который зовется "*глубокий сон*", в состоянии "бодрствования" мы не помним. На грани сна и пробуждения впечатления того и другого состояния пересекаются и смешиваются—это царство спутанных сновидений, которые обычно запоминаются, но редко содержат в себе истину.

Есть, однако, разные типы сновидений, и неправильно было бы отрицать, что некоторые из них могут принести пользу. Высшее "*Я*" порой пользуется тем, что низшее "*я*" во время полубессознательной дремы легко доступно влиянию, чтобы запечатлеть в нем нужные образы и предупреждение об опасности и преподать уроки, которые оно не в состоянии усвоить, пока физические чувства работают в полную силу и голос интуиции тонет в шуме борьбы между соперничающими эмоциями.

Многие трудные проблемы были разрешены во сне, и в земном мире тоже можно увидеть проблески высшего света. Пока тело человека спит, разум его может войти в соприкосновение с другими разумами и получить опыт, которого он не будет помнить пробудившись.

Но и в бодрствующем состоянии человек часто не помнит того, что испытал когда-то, хотя в тот момент происходящее было для него реальным и пережитым.

Обычно сознание человека возникает из смешения различных уровней ощущения и восприятия. В него проникают по крайней мере две разновидности влечений — "земных" и "огненных" элементов. Одна разновидность тянет его вниз, к земле, и заставляет крепко цепляться за материальные интересы и наслаждения, другая возносит в области неизведанного, заставляет забыть соблазны материи и, приближая человека к царству абстрактных идей Добра, Истины и Красоты, дает ему довольство и счастье. Величайшие поэты и философы сознавали эту двойственность сознания, его биполярность.

Между двумя названными крайностями и помещаются все взлеты и падения сознания среднего человека.

Гёте выразил эту мысль в "*Фаусте*" примерно в таких словах:

**Но две души живут во мне,
И обе не в ладах друг с другом.
Одна, как страсть любви, пылка
И жадно льнет к земле всецело,
Другая вся за облака
Так и рванулась бы из тела.**

Одно влечение исходит от Духа, другое — от Материи. Силой Разума человек способен выбрать, какой дорогой он будет следовать, а сила Воли даст ему возможность исполнить то, что избрано. Он может сконцентрировать свое сознание полностью на низшем плане и, утонув в чувствительности, совершенно перестать осознавать более высокие устремления, но может и жить целиком на более высоких планах мыслей и чувств, дорасти до полного постижения красоты, реальности и истинности духа и умереть для приманок материи.

Сознание эгоистичного и ограниченного человека замыкается в маленькой сфере, сознание великого и свободного разума преодолевает любые пределы, так что в конце концов человек видит, что оно охватывает всё пространство, что его восприятие способно открыть ему все тайны Природы.

Немногим дано достичь такого состояния, и немногие поймут, что это возможно, но были люди, которые на пороге нирваны оказывались способны направить всю силу своего разума в центр, за пределы земного тяготения, и, пока их физические тела продолжали жить на нашей планете, их божественное "Я", покинув свою физическую оболочку, могло странствовать в межпланетном пространстве и видеть чудеса материального и духовного миров.

Это самая высокая ступень посвящения, возможная на Земле, и для того, кто достиг её, тайны Вселенной будут открытой книгой.

Глава VIII

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

Omne bonum a Deo, imperfectum a Diabolo.

(Все хорошее - от Бога, несовершенное - от дьявола)

Парацельс

Сознание — это знание и жизнь, отсутствие сознания — это невежество и смерть. Если мы сознаём существование какой-то вещи, мы знаем, что существует некое отношение между нами и этой вещью.

Если мы перестаем сознавать её существование, ни мы сами, ни она не перестаем существовать, но мы становимся неспособны осознать её соприкосновение с нами. Как только мы осознаем такое соприкосновение, характер объекта, воспринятый сферой нашего разума, делается частью нашей ментальной организации. После этого он уже имеется в нашем сознании, и мы можем сохранить его там силой своей Воли, а если утратим — обрести вновь благодаря памяти и способности вспоминать.

Знать объект — значит жить относительно него, забыть его — значит относительно него перестать существовать.

Отсутствие сознания, неведение и смерть поэтому — синонимы, и каждый мёртв в той мере, в какой он несведущ. Если некто не знает какого-то факта, он мертв относительно него, хотя может быть полон жизни во многих других отношениях. Мы не можем сознавать всё сразу, потому, по мере того как наши впечатления и мысли изменяются, меняются наше сознание и отношения с определенными вещами, и мы постоянно умираем для одних вещей и обретаем жизнь для других.

Не может быть абсолютной смерти, ибо смерть означает прекращение существования, а существование, если оно есть, не может перестать быть.

Абсолютное сознание не может исчезнуть, пока есть абсолютное существование, ибо Абсолют не перестает существовать относительно себя, и должен, следовательно, сознавать собственное существование. Ощущение "*я есмь*" сохраняется всегда, поскольку оно коренится в Абсолюте, но оно может существовать безотносительно к другим вещам и никоим образом не быть связанным с осознанием того, что существует что-либо еще помимо "*меня самого*".

Относительные смерти и исчезновения сознания происходят ежеминутно, но мы их не замечаем. Мы встречаем на улицах сотни "*трупов*", совершенно мертвых и бессознательных в отношении того, что мы создаем, и в отношении чего мы поэтому живы; но и мы сами можем быть мертвы для многих вещей, для которых другие живы и обладают сознанием.

Только способность одновременно охватить своим сознанием всё сущее дает абсолютную жизнь без примеси смерти, но это невозможно, пока человек связан с личностью и формой, находится во взаимоотношениях с другими личностями и обладает потому только относительным существованием и сознанием.

Каждый принцип в человеке имеет определенную сферу сознания, и соответствующее ему восприятие возможно только в границах этой сферы. Любое создание мертво для тех видов деятельности, в которых оно не задействовано. Минералы лишены сознания с точки зрения работы интеллекта, но сознательны, если речь идет о земном тяготении; дух мертв для притяжения Земли и механических воздействий, но не для любви.

Изменяя способ деятельности в принципе, мы создаем новый уровень сознания, ибо устанавливаем новые отношения другого порядка; прежняя деятельность угасает и возникает новая.

У обычного человека жизнь активнее всего в физическом теле, и он цепляется за жизнь этого тела, как будто это единственный возможный способ существования.

Он не знает ничего об иных разновидностях жизни и потому может бояться умереть.

Человек, сконцентрировавший свою жизнь и сознание в астральном теле, осознаёт другой, более высокий, уровень существования, и физическое тело имеет для него ценность лишь как инструмент, позволяющий, если необходимо, действовать на физическом плане.

При физической смерти активность жизни сохраняется в более высоких принципах. Если мы, посредством неких оккультных операций, соберем всю нашу жизнь в более высоких принципах прежде, чем перестанет существовать наше тело, мы сумеем перешагнуть через смерть и жить независимо от своей физической оболочки.

Такое перенесение жизни и сознания вполне возможно. Его совершали многие, и другие еще совершат.

Материальные элементы физического тела постоянно уничтожаются и обновляются. Если свести возникновение новых элементов к самому необходимому минимуму и одновременно переместить сознание от внешнего на внутренний план, можно постепенно заменять составляющие физического тела на более тонкие, до тех пор, пока все физические молекулы не будут замещены более тонкими элементами астрального плана, и тогда человек перестанет нуждаться в физической пище и станет невидимым для физического зрения. (53)

На такой труд, однако, уходит обычно не одно воплощение, и едва ли здесь можно добиться успеха с первой же попытки.

Никто не сочтет подобное изменение смертью, и, однако, если говорить о физическом теле, это ни что иное, как медленная смерть, в то время как для истинного человека это воскресение к более высокой форме существования.

Смерть— медленная или быстрая— есть ни что иное, как очищение, в процессе которого несовершенное уничтожается и делается бессознательным. Гибнет лишь то, что неспособно жить. Принципы не могут умереть, исчезают только их формы.

Человеческое тело— это инструмент, посредством которого проявляет себя жизнь; душа — это инструмент, с помощью которого являет себя дух. Если жизнь уходит из тела, оно начинает распадаться; если дух покидает душу, она распадается. Человек, в котором духовные принципы совершенно бездейственны, морально мертв, хотя его тело при этом может быть полно жизни, а душа разрываться от животных желаний. Такие бездушные живые трупы встречаются в светском обществе не реже, чем в толпе черни.

Человек, в котором прекратил свою активность принцип разума, интеллектуально мертв, даже если в теле его играет животная жизнь; безумцы — мертвые люди, в которых продолжают жить только низшие принципы. Если душа покидает тело, оно умирает, но сама душа, если она слита с духом, остается жива; однако если её связь с духом прерывается до или после смерти тела, она существует еще какое-то время как действующая сущность, а потом энергия её иссякает, и она распадается на элементы астрального плана.

Если физическое тело ослабело или повреждено настолько, что не способно больше служить жизненному принципу в качестве орудия его деятельности, оно перестает работать. Смерть может начаться в голове, в сердце, в легких, но жизнь сохраняется дольше всего в голове, и она может действовать там еще некоторое время после того, как тело внешне перестает проявлять всякие признаки сознания и жизнедеятельности.

Мыслительные способности порой работают ещё в течение некоего срока, хотя чувствительность нервов потеряна.

Они могут заработать даже более интенсивно, когда принципы разъединятся, и, если все мысли умирающего обращены к отсутствующему другу, они могут запечатлеться в сознании этого друга, и, возможно, тот увидит призрак умирающего.

Но в конце концов жизненное начало уходит и из мозга, и более высокие принципы отделяются, вместе с присущими им видами деятельности, жизнью и сознанием, оставляя пустую оболочку, маску и иллюзию.

При этом совершенно не обязательно теряется способность осознавать окружающее в той его части, которая касается людей и вещей; исчезает лишь сознание, связанное с индивидуальной физической чувствительностью, — способность ощущать боль, вес, тепло, холод, голод и жажду, воздействующие на физическую оболочку. Когда жизнь человека покидает мозг, сознание переходит на другой уровень, поскольку человек входит в соприкосновение с вещами иного порядка.

"Принцип, являющийся носителем памяти, выходит из мозга, и все события иссякающей жизни предстают перед разумом. В сознании человека возникают одна за другой ярчайшие картины, и за несколько минут он проживает снова свою жизнь. Те, кто тонул, но был спасен, переживали это состояние. Самое сильное впечатление затмевает все остальные — они исчезают, чтобы явиться вновь в дэвачане. Никто не умирает бессознательно, даже если внешние признаки говорят о противоположном, даже к умирающим безумцам на время возвращается интеллект. Люди, оказавшиеся свидетелями столь торжественного и серьезного мгновения, должны постараться не потревожить, во внезапном порыве горя или других чувств, душу, прозревающую события прошлого и начатки будущего существования"

(из письма посвященного).

Тот же процесс разделения периспри́та (эфирный или астральный двойник человека,) и физических останков ясновидящий описывает так:

"Сначала я увидел свет красивого бледно-голубого цвета, в котором появилось маленькое яйцо подобное существо с тремя ножками вокруг головы. Оно не стояло на месте, а болталось туда-сюда, как надувной шарик в воздухе. Постепенно оно удлинилось до размеров тела, которое было густо окутано туманом или дымом.

Я разглядел лицо, чертами напоминавшее то, которому предстояло вскоре окаменеть, только более светлое, гладкое и красивое, однако в нем чувствовалась некая незавершенность, то отсутствие выразительности, которое вы видим у новорожденных. С каждым вздохом, вырывавшимся из умирающего тела, эфирная форма обретала новые черты и становилась все совершеннее. Уже можно было различить ноги, но лежали они не рядом, как у умирающего человека, а одна на другой, и были согнуты в коленях, как бывает иногда у только что родившегося младенца. Тело, казалось, обволакивали облака густого тумана. Бесчисленное множество других призраков теснилось рядом. Когда всё было кончено, они медленно пропали из виду".

Это эфирное тело— телесная душа, или периспри, умершего человека. Она— не сам дух, но может быть еще связана с ним, как была связана в течение жизни. В ней еще сохраняются добрые и дурные наклонности, приобретенные за время жизни, если только её стремление к одному или другому полюсу не оказалось столь сильным, что высшие принципы отделились еще до или сразу же после физической смерти.

Истинный человек являет собой безличную силу и существует независимо от формы; он принимает форму только для того, чтобы действовать на низших планах. Тот, кто цепляется за низшие планы, продолжит существование в форме; того, кто не желает формы, притянет вне форменное.

Если дух человека возобладает над влечениями его низшего "я", это "я" не будет наделено сознанием и разрушится; но, если человек цепляется за свою животную природу со всем жаром желаний, центр сознания может утвердиться там, и ощущение личности может сохраняться какое-то время в четвертом принципе даже после того, как физическое тело умрет.

Душа такого человека будет сознательной или полусознательной обитательницей камалоки. Камалока — это "земля теней", аид древних греков и "чистилище" католической церкви. Её обитатели могут обладать, а могут и не обладать сознанием и интеллектом. Астральные души обычных людей сами по себе не разумны, но могут действовать разумно благодаря силе элементалов, которые напитывают их своим сознанием.

Парацельс говорит следующее:

"Каждый день умирают мужчины и женщины, чьи души ещё во время жизни подпали под влияние элементалов, которые руководили ими. Насколько же легче элементам воздействовать на звездные тела таких людей и заставлять их делать то, что они, элементалы, хотят, когда их души лишились защиты, даваемой телом! Они могут использовать эти телесные души, чтобы передвигать предметы, переносить их в дальние страны и проделывать другие штучки в том же духе, которые непосвященному могут показаться чудесами".

Следовательно, уровень сознания, связанного с четвертым принципом (животной душой), после того, как из низшей триады жизнь и сознание ушли, может быть очень разным в зависимости от того положения, которое установилось, пока существовала связь с телесной оболочкой. Душа обычного человека с умеренными желаниями в камалоке не обладает достаточными сознанием и интеллектом, чтобы понять, что физическое тело умерло, а самой ей предстоит распасться; но душа человека, чье сознание было полностью сконцентрировано на собственном "я", может оказаться сознательной и мыслящей настолько, чтобы помнить прошлую жизнь и чувствовать свою неизбежную судьбу.

Желая продлить свое существование, она может присоединиться к некоему живому существу, используя его организм в качестве прикрытия и сделав его одержимым.

Не только слабохарактерные люди, но и животные могут стать жертвой подобных действий. Для бесчувственного и бессознательного тела нет разницы, в каких условиях оно будет дальше существовать или же вообще исчезнет, поскольку оно не сознаёт своего существования; но для души, в которой от божественной искры интеллекта, возгоревшейся от шестого принципа, вспыхнули чувствительность и сознание, окружение немаловажно, ибо она может осознать его более или менее полно, в зависимости от того, насколько она сама сознательна.

И то, что будет окружать его после смерти, человек творит для себя сам в течение жизни— своими мыслями, словами и делами.

Мысли материальны и плотны для тех, кто живет на плане мыслей. Даже на физическом плане каждая существующая форма есть материализованная мысль, выращенная или созданная так, чтобы иметь определенную форму; мир душ таков, что всякая мысль сама по себе предстает материальной и плотной для того, кто существует в нем.

Человек являет собой центр, из которого постоянно возникают мысли, кристаллизующиеся в формы в мире душ.

Мысли человека вещественны, они наделены жизнью, обладают формой, осязаемы, реальны и даже более прочны и долговечны, чем формы физического плана.

Благие мысли легки и взлетают выше нас, дурные —тяжелы и опускаются в мир, лежащий под нами, в область самых грубых, болезненных и плотских мыслей, рождающихся у невежественных и злобных людей. Этот мир еще более материален и плотен для своих жителей, чем наш для нас; там обитают созданные людьми персонифицированные божества, бесы и чудовища, сотворенные человеческим воображением.

Они — лишь порождения мысли, и, тем не менее, они реальны и вещественны для тех, кто живет среди них и признаёт их существование. Мифы об аде и чистилище основаны на ошибочно истолкованных фактах. "Адские бездны" существуют, каждый человек творит их для себя сам.

Жестокий создает чудовищ, давая при жизни волю своему больному воображению, а лишившись тела, он будет притянут к своим созданиям. Немного найдется тех, кто не поддавался бы дурным мыслям; такие мысли — отражение зловещего свечения, исходящего из области зла, но они не могут обрести форму, если только мы не придадим её им, концентрируясь на них и питая их содержимым нашего ума. Любовь — это жизнь добра, злоба — жизнь зла. Дурная мысль, возникшая неосознанно, остается иллюзией, лишенной жизни, но дурная мысль, порожденная злобой, обретает жизнь и несет зло.

Если она воплотится в поступок, в мире родится новый демон.

Ужасы ада существуют только для тех, кто сознательно, добровольно и злокозненно трудился, населяя его творениями своей фантазии; красота небес откроется лишь тем, кто при жизни создал небеса в себе самом.

Мы можем осознавать существование чего-либо, только если между нами и им существуют некие отношения.

Человек, который за всю свою жизнь не создал ничего, что могло бы войти в соприкосновение с его бессмертным "Я", не найдет после смерти ничего бессмертного, с чем он мог бы соприкоснуться. Если всё его внимание концентрируется на физических потребностях, сфера его сознания при жизни будет ограничена этими потребностями. Когда он покинет свою материальную обитель, этих потребностей у него уже не будет, и он перестанет их сознать. Поскольку в душе его нет ничего, что могло бы войти в соприкосновение с духом, эта душа не потеряет того, чем не владела, и не обретет того, чего не желала, а останется чистой, с единственным сознанием "*я есмь*", которое она не может утратить, пока длится её существование.

Если мы отдаем профессору или священнику право мыслить за нас и быть блюстителем наших духовных устремлений, мы перестаем быть творцами собственных мыслей и устремлений. Удовлетворяясь чужими мнениями, мы не вырабатываем своих твердых мнений и убеждений.

Искусственное сознание, созданное иллюзорными отражениями чужих мыслей в зеркале индивидуального разума, не способно проникнуть никуда, а голые мнения без внутренней убежденности не отложатся глубоко в душе. Такие умы, вскормленные иллюзиями, останутся бесплотными, когда все иллюзии рассеются.

Каждая причина порождает следствие. Иллюзии, сотворенные разумом, имеют силу и не умрут, пока эта сила не истощится. Они продолжают действовать и на субъективном уровне, порождая другие иллюзии по закону согласия, который управляет сообществом идей. Все иллюзии найдут свой конец в той области, к которой они принадлежат. Эгоистические желания исчезнут в сфере "я"; стремления и мысли, выходящие за эти рамки, принесут своему обладателю награду, если они добрые, и наказание, если они дурные, соответственно в областях Добра или Зла, дэвачане или авичи.

Но после того, как все силы, вызванные к жизни за время земного существования, иссякнут, не останется ничего, кроме вечного сознания "*я есмь*", и внутренней устремленности к добру или злу, с которыми новому существу предстоит явиться в мир. Смерть, как и жизнь, есть постоянная трансформация и смена условий нашего существования. Наши влечения изменяются вместе с ними. До рождения мы неразрывно связаны с материнским лоном, но, родившись, мы уже не нуждаемся ни в плаценте, ни в оболочках, питавших нас и оберегавших нашу жизнь, пока мы находились в утробе.

В младенчестве нас более всего интересовала материнская грудь, но мы забыли её, когда она стала нам не нужна. От того, что полностью занимает наше сознание в юности, мы отрекаемся, став старше, а сбросив физическое тело, мы отбрасываем вместе с ним все влечения к тому, что было притягательно или жизненно необходимо для этого тела.

Но если душа опять приблизится к материальному плану и с помощью медиума снова войдет в соприкосновение с ним, прежнее сознание и желания, уже уснувшие, пробудятся, и физическая чувствительность вернется. Если медиум перестает на нее воздействовать, она опять впадает в оцепенение и бессознательное состояние, в то время как истинный дух радуется своей свободе и его не волнует, что происходит с низшими принципами, которые когда-то ему принадлежали.

То, что совершенно, не знает смерти, но несовершенное должно рано или поздно погибнуть. Так называемая смерть — это просто процесс уничтожения бесполезного. В этом смысле мы умираем постоянно, каждый день, и даже желаем этого, ибо любой разумный человек хочет избавиться от своих несовершенств, их последствий и страданий, которые они причиняют. Никто не боится потерять то, что ему нежеланно, и если кто-то цепляется за нечто бесполезное, то лишь потому, что не сознаёт и не знает полезного.

В таком случае он уже мертв для добра, и ему надо ожить и научиться сознавать, что полезно, умерев для бесполезного. Это и зовется мистической смертью, благодаря которой достигается просветление: она подразумевает бессознательность в отношении ничемных земных желаний и страстей и утверждает сознание бессмертного и истинного.

Люди порой боятся смерти, но лишь потому, что ошибочно принимают низшее за высшее и предпочитают материальные иллюзии духовным истинам. Совершенное не знает смерти, и тот, кто несовершенен, должен отбросить свои несовершенства, чтобы совершенное в нем могло сознавать и жить. Мудрые призывают к подобной мистической смерти как к лучшему средству против смерти реальной.

Гермес Трисмегист говорил:

"Счастлив тот, чьи пороки умерли прежде него",

а великий учитель **Фома Аквинский** писал:

"Научитесь умирать для мира (для приманок материи), чтобы начать жить со Христом (без личностным шестым принципом каждого человека)".

Человеку, чьи пороки умерли во время земной жизни, не придется умирать опять, когда он будет жить как душа. Его звездное тело растает, как серебряное облако, не сознавая никаких низших желаний, а дух обретет полное сознание красоты, гармонии и истины; но тот, чье сознание концентрируется в страстях, бушевавших при жизни в его душе, не постигнет ничего выше того, что было для него высшим прежде, и, пережив смерть, не осознает ничего нового.

Бессознательность не способна дать сознание, неведение не дает знания. Благодаря мистической смерти мы приходим к жизни и сознанию, пониманию и счастью, ибо пробуждение более высоких элементов жизни предполагает смерть того, что бесполезно и низко.

Существуют *esprit souffrantes*, наши страдающие души. Призраки существуют в самом деле— это астральные тела тех, кто умер преждевременно, чья физическая оболочка погибла раньше, чем дух был готов отделиться от души. Притяжение земли не отпускает их, пока не придет срок, определенный для конца их физической жизни законом их кармы. Обычно они не сознают полностью своего положения, но медиум своим воздействием может на время вернуть их к жизни.

Тогда полузабытые желания и память возвращаются к ним, причиняя им страдания.

Выводить подобных существ из оцепенения, которое не позволяет им ощутить боль, ради удовлетворения праздного любопытства— жестоко и очень опасно для таких душ, ибо в них может пробудиться жажда жизни и стремление удовлетворить свои земные желания.

Но душа человека, с трезвым расчетом совершившего самоубийство или преследовавшего злые цели, может полностью сознать и понимать, в каком положении она оказалась. Такие сущности могут скитаться по земле, цепляясь за материальную жизнь и тщетно пытаясь избежать грозящего им распада.

В каком-то смысле сумасшедшие, они следуют животным инстинктам и могут стать инкубами, суккубами и вампирами, крадущими жизнь у живых, чтобы поддержать собственное существование, и безразличными к судьбе своих жертв. Телесные души умерших могут, осознанно или неосознанно, быть привлечены медиумом и общаться с живущими.

Благодаря астральным эманациям того же медиума они порой материализуются, становятся видимыми и осязаемыми и походят на умершего человека.

Но если покойный был добродетелен и стремился к высокому идеалу, его телесная душа, по сути, вовсе не то существо, на которое она похожа, хотя и может действовать совершенно так же, как действовал бы человек, чье обличье она носит. Если мы дуем в трубу, она не издаст никакого иного звука, кроме звука трубы.

Телесная душа хорошего человека, искусственно налитанная жизнью, будет высказывать те же мысли, какие высказывались им прежде, но видеть в этом теле его самого столь же нелепо, как видеть своего друга в телефонной трубке только потому, что она говорит его голосом и с его интонациями.

Откровения, изрекаемые этими "духами", — лишь эхо их прежних мыслей или мыслей, внушенных им живыми, — как зеркало отражает лица тех, кто стоит перед ним. Их рассказы не соответствуют тому, что реально происходит с духом в мире душ, поскольку он сам этого не ведаёт.

Во времена Платона такие вернувшиеся души описывали Аид и богов, которые, как они верили, живут там. Сегодня души католиков приходят и просят отслужить мессу, чтобы они могли покинуть чистилище, а души протестантов отрицают, что католические церемонии пойдут им во благо. Души умерших индусов просят иногда совершить жертвоприношение их богам, и каждый "дух", кажется, продолжает придерживаться тех же воззрений, которым следовал при жизни. Все эти расхождения указывают, что подобные рассказы обычно — лишь плод воображения неразумной души. (54)

Если у человека есть "дух", этот дух должен быть бессмертным. Обретя сознание в человеке, он не может стать бессознательным опять, ибо он самостоятелен и не ограничен никакими рамками, кроме тех, которые он создал для себя сам. Сознание "*я есмь*" нерушимо, ибо существует в абсолютном вечном Едином. Если бы это сознание исчезло, мир исчез бы с ним, ибо в сознании "*я есмь*" рождается мир и силой его он существует.

Этим сознанием держится мир и, приди на смену ему бессознательное, мир бы рассыпался. Элементы, скрепленные сознанием "я есмь", не могут исчезнуть. Чем теснее низшие элементы связаны с принципом, в котором присутствует абсолютное сознание, тем больше они перенимают его характеристики и делаются сознательными и бессмертными. Цель человеческой жизни — осознать, что "я есмь"; не как иллюзорная индивидуальная форма, а как безличная, бессмертная реальность.

Смысл всего человеческого существования — сделать бессознательный дух сознательным и смертную душу — бессмертной; смысл смерти в том, чтобы освободить сознательное от бессознательного и вырвать бессмертное из оков неведения и материи. Древо жизни растет и приносит плод, и этот плод можно посадить вновь, чтобы из него выросло новое дерево, которое принесет новый плод, и всё это повторится снова, и снова, и снова, пока наконец духовное сознание, спящее в плоде, не пробудится к жизни без смерти.

Опять и опять закон эволюции будет вынуждать духовный принцип облекаться в плоть. Не сознающий ничего относящегося к личности, но сознающий себя, он будет притянут туда, где получит наиболее благоприятные условия для дальнейшего развития, требуемого его кармой. Он будет привлечен к тому, чтобы осеять человека, чьи моральные и интеллектуальные склонности соответствуют его собственным, независимо от того, родится ли он в мир в лачуге нищего или в королевском дворце. Ему безразличны конкретные обстоятельства жизни, ибо он не сознаёт себя личностью.

Таким образом, человек, который в прежнем воплощении был королем, может родиться нищим, если такова его природа, а великодушный нищий создает, в качестве своего будущего последователя, короля или дворянина. И у того, и у другого нет возможности выбрать по своему усмотрению время прихода на землю, они бессознательно следуют своей карме.

Но адепт, чьи духовные способности пробуждены, сам себе хозяин. Он перерос ощущение личности и достиг бессмертного сознания в земной жизни. Он отбросил низшее "я", и смерть не может отнять у него то, чем он больше не владеет и чем не дорожит.

Сознавая свое существование и те ограничения, которые на него налагаются, он сам может выбрать тело, если решит воплотиться для блага человечества или для того, чтобы самому продвинуться еще дальше. Полностью поборовший тяготение земли, он воистину свободен. Он мертв для земных искушений и не сознаёт их, но сознаёт высшее счастье, доступное человеку. Иллюзии, порождаемые органами чувств, не превращаются в темницу для его души, и перед ним лежит прямая дорога к вечному отдыху в нирване.

Умереть — в истинном значении этого слова — значит стать бессознательным в отношении определенных вещей. Если мы перестаем сознавать на низших уровнях и тем самым осознаём более высокое существование, такое изменение едва ли уместно называть смертью.

Если мы утрачиваем сознание высокого и опускаемся, это ведет к деградации, и, значит, деградация — единственно возможная смерть, ибо абсолютной смерти нет. Деградация происходит тогда, когда человек пользуется своими способностями для деяний, унижающих человеческую природу. Самая примитивная, грубо материальная деградация происходит тогда, когда органы человеческого тела задействуются в разных гнусностях, — за этим обычно следует болезнь, атрофия органа и смерть. Более высокая и ещё более пагубная и долгая деградация происходит, если человек использует свои интеллектуальные возможности в приземленных целях.

При этом интеллект, который призван стать основой для духовных устремлений, смешивается с материей и лишается духовного сознания — другими словами, сознание такого человека оказывается прикованным к личности и себе самому и перестает работать в области без личностного и жизни. Самая ужасная и самая длительная деградация ждет человека, который, достигнув уровня, когда его личность частично слилась с его без личностным "Я", оскверняет это духовное "Я" — применяет силы, которые дает такое слияние, в целях гнусных и низких. Такова практика черной магии. Человек, который по непониманию использует данный ему интеллект в своих эгоистических интересах, забывая о принципе справедливости, не обязательно злодей — скорее он просто не ведает собственной пользы.

Такие люди не могут умереть духовно, поскольку пока еще духовно не ожили. Убийца, случается, убивает, чтобы не было раскрыто иное его преступление, а не ради того, чтобы отнять у своей жертвы жизнь. Вор ворует кошелек, чтобы обогатиться, а не чтобы сделать другого нищим.

Эти поступки порождены невежеством, а невежество исправимо; люди обычно творят зло из эгоизма, а не из любви ко злу. Их действия диктуются личностными ощущениями, которые исчезают, когда личность перестает существовать, то есть иссякает активность жизни на физическом плане или в камалоке.

Более высокое, бессмертное и безличностное "Я" человека при этом ничего не приобретает и не теряет, оно остаётся таким же, каким было до того, как родилось объединение сил, представляющее данную личность.

Подлинным злодеем является тот, кто творит зло из любви ко злу, не руководствуясь личными соображениями. Человек, который преодолел ощущение личности и обрел духовную жизнь и силу, становится магом. Тех, кто использует эти силы для служения злу, называют чёрными магами, или Братьями Тьмы, в том же смысле, в каком тех, кто использует свои духовные способности, чтобы творить добро, зовут Братьями Света.

Белые маги— духовная сила добра; настоящие черные маги— живая сила зла, связанная с личностью, которая творит зло инстинктивно, из любви ко злу как таковому.

Эта сила может убить ни в чем не повинного перед ней человека или зверя, без всякой выгоды для себя; она разрушает ради разрушения, причиняет страдания просто так, грабит и выбрасывает награбленное, наслаждаясь при виде мучений и смерти. Черный маг вызывает к жизни безличную силу зла, которая есть часть его самого и продолжает существовать и тогда, когда он сам как личность уже не существует на физическом плане. Много воплощений может потребоваться на то, чтобы такая сила возникла и явила всю свою мощь, но коль скоро это случилось, на то чтобы избавиться от нее, уйдет не меньше времени и усилий. "Ангелы", как и "дьяволы", рождаются в мир, и дети со скверными наклонностями и злобными характерами встречаются не так редко, а они вполне могут быть порождениями тех сил, которые в предыдущем воплощении стремились ко злу, но не обрели бессмертия во зле, требующего развития некоего духовного сознания в сторону зла.

Подняться своим сознанием до духовного плана— значит жить, позволить ему опуститься на нижний план— значит умереть.

Естественный порядок вещей предполагает, что высокое поднимает до себя низшее, но, если заставить высокое служить низшему, оно деградирует. Повсюду в мастерской Природы высокое воздействует на низкое силой высшего. Это высшее нельзя заставить деградировать. Истину нельзя обратить в ложь, можно только отвергнуть и отрицать её. Разум нельзя ввергнуть в безумие, можно лишь отказаться повиноваться ему.

Универсальное и безличностное не может само стать личностным, оно может только войти в соприкосновение с теми индивидуальностями, которые способны приблизиться к нему.

Высшее не страдает, когда разрывается его связь с низшим, только низшее страдает и умирает.

Безличностное и истинное присутствует повсюду и проявляется в сознании человека. Сознание это мечется между полюсами добра и зла, духа и материи, и притяжение низа порой бывает столь же сильно, как зов свыше. Вездесущий свет великого Духовного Солнца дает человеку силу побороть притяжение материи и помогает ему выйти победителем в борьбе со злом. Тот не свободен до конца, кто не обладает подлинным знанием, которое означает осознание истины во всей её полноте; но каждый свободен стремиться туда, куда зовет его любовь к истине, или отвергнуть этот зов.

Духовные устремления человека могут находиться в гармонии с Природой или противоречить ей. Ему дано слиться с принципом истины, но он волен и порвать связь с ним и продать свое наследное право на бессмертие, как библейский Исав, за такую ничтожную в сравнении с ним похлебку. Будучи по природе кентавром, с животными низшими принципами и верхними, наделенными интеллектом, человек способен возобладать над своими духовными устремлениями и обратить их в бессознательную тягу, убаюкав себя музыкой иллюзий.

Тела живут иногда достаточно долго, а некоторые души в сравнении с другими кажутся патриархами, но ничего нет вечного, кроме сознания любви и сознания ненависти.

Любовь есть свет, а ненависть — тьма, и в конце концов любовь победит ненависть, поскольку тьма не в силах поглотить свет, а повсюду, где свет проникает во тьму, торжествует любовь, а тьма и ненависть исчезают.

Глава IX

ПРЕОБРАЖЕНИЯ

...Преобразуйтесь обновлением ума вашего...

Римл. 12:2

Вселенная есть проявление мысли, а мысль — это действие Разума. Чтобы мысль, рожденная Разумом, оказалась способна создать Вселенную, это должен быть Мировой Разум, объемлющий в своей всеобщности все индивидуальные разумы, когда-либо существовавшие, и содержащий зерна всего, что еще возникнет.

Разум — это вечное движение в пространстве, проявляющееся, в зависимости от обстоятельств, как свет, тепло и химические реакции; притяжение, отталкивание и жизнь; сознание, чувствительность и восприятие; размышление, любовь и воля. В высшей своей ипостаси он — астральный свет, *Sensorium* (55)

Природы, в котором берут начало все мысли и к которому все идеи возвращаются. В астральном свете черпают свои силы воображение и память Природы, и как ум человека сохраняет память о событиях человеческой жизни, так картины всего, что когда-либо случалось, содержатся в астральном свете. Идеи — это состояния разума, и состояния Мирового Разума, хранящиеся в астральном свете, могут вновь обрести видимую форму, будучи облачены в материю.

Человек может вспомнить свои мысли, то есть он может вернуть обратно свои прежние душевные состояния, которые ещё существуют в его собственном астральном свете. Все мысли запечатлены в этом свете, и вспомнить что-либо — значит прочесть его там.

В эту книгу памяти вписана каждая мысль и каждое событие, и чем больший заряд несет в себе мысль, тем глубже след, оставленный ею, и тем дольше сохранится картина. Приятные мысли запечатлеваются глубже, чем равные им по силе неприятные, поскольку они проникают глубже в центр души.

Грубые и материальные мысли остаются после смерти в астральной оболочке, духовная память следует за духом. Каждая мысль — это некая сила, которая существует, пока энергия её не иссякнет, её порождения сохраняются в астральном свете долгое время даже после того, как жизнь индивида, придавшего им форму, закончится. Люди не создают мысли; идеи, существующие в астральном свете, входят в эти умы и там преобразуются и обретают иные формы за счет смещения, сознательного или неосознанного, с другими идеями, по законам, которые управляют соотношениями, взаимодействиями и связями мыслей.

Великий разум может вобрать в себя великую идею, а ограниченный ум схватывает только мелкие мыслишки. Случается, одну и ту же идею ловят сразу несколько разумов: так, важные открытия нередко делались почти одновременно двумя или тремя людьми. (56)

Когда идеи созревают полностью в воображении Природы, отсвет от них падает на умы людей, и в зависимости от того, насколько данный разум способен их воспринять, они могут войти в сознание человека правильно или с искажениями и быть отчетливыми или туманными, как картины, отражающиеся в зеркалах, чистых или покрытых пылью. Наши живые зеркала пересоздают эти картины и могут обратить их в новые, чтобы населить потоки астрального света новыми образами и дать начало новым формам мысли.

Не только мысли человека оставляют след в астральном свете. Мировому Разуму ведомо всё сущее, и все события, происходящие на физическом плане, записаны в памяти Природы.

Каждому камню, растению, животному, так же, как и каждому человеку, отведена особая область, в которой записаны все события, произошедшие с ним за время его существования. В его астральном свете сохранена вся его история и вся история его окружения; так что любой предмет или существо— какими бы незначительными они ни были— могут поведать всю свою жизнь, день за днем, от начала своего существования в форме и доныне, тому, кто способен её услышать.

Кусочек застывшей лавы из Помпеи представит психометристу правдивую картину того, как извержение вулкана опустошило этот город и погребло его под слоем пепла почти на две тысячи лет; доска, занесенная на север течением Гольфстрима, расскажет северянам о тропических землях, а кусочек кости мастодонта даст знание о растительной и животной жизни доледникового периода. (57)

Картины, запечатленные в астральном свете, могут воздействовать на ментальные сферы отдельных разумов и вызывать в них эмоциональные всплески, даже не доходя полностью до сознания. Если некий поступок совершается при сильном напряжении мысли, картины, порожденные им в астральном свете, будут настолько живыми и яркими, что впечатлительные люди могут совершить такие же действия под их влиянием. Известен случай, когда некий заключенный повесился в тюремной камере, после чего другие узники, оказывавшиеся один за другим в этой камере, расставались с жизнью точно таким же образом без всякой видимой причины. В другом случае часовой покончил с собой на посту, и несколько солдат, дежуривших после него, совершили то же, так что пост пришлось оставить без охраны. Подобных примеров можно привести достаточно много. Определенные виды преступлений приобретают характер эпидемии в тех местах, где казнили преступника, и убийство может передаваться, как корь или скарлатина.

Локон, кусочек одежды, записка, написанная рукой человека, а также любой предмет, который он трогал, держал в руках или носил, могут поведать тому, в ком развита интуиция, о состоянии здоровья, физических, эмоциональных, интеллектуальных и моральных характеристиках и особенностях этой личности.

Портрет убийцы может отпечататься на сетчатке его жертвы и иногда воспроизводиться на фотографиях, но на самом деле он оказывается запечатлен на всех предметах там, где произошло преступление, и психометрист способен считать его оттуда и таким образом войти в контакт с убийцей; он в состоянии даже проследить течение его жизни, после того как тот покинул место происхождения, и идти по его следу, как ищейка идет по следу сбежавшего раба. (58)

На способности астрального света насыщать собою материальные тела зиждется сила амулетов и оккультные свойства памятных подарков и реликвий. Кольцо или локон друга, его письма не только воскрешают в памяти человека дорогой ему образ, но и вызывают определенное душевное состояние, выразителем которого являлся или является этот друг.

Если вы хотите забыть кого-нибудь, освободиться от неодолимой тяги к определенной личности, избавьтесь от всего, что напоминает вам об этом человеке, или сохраните только то, что вызывает неприятные воспоминания или отвратительные образы и потому отталкивает.

Если у вас окажется предмет, принадлежащий некоему индивиду, может возникнуть симпатическая связь между вами и им, нередко даже не осознаваемая вами, и этот факт порой используется в черной магии.

Поскольку каждая форма выражает определенное душевное состояние, каждый объект обладает свойствами, характерными для соответствующего состояния, и этим объясняется, почему у всего в мире есть свои симпатии и антипатии; почему магнит притягивает железо, а железо — кислород из воздуха; почему гигроскопичные вещества впитывают воду и откуда берется химическое родство; почему некоторые разновидности материи меняют свой цвет под воздействием определенных лучей, а другие нет, и т. д.

С этой точки зрения вполне понятно, как древние могли связывать добродетели с определенными драгоценными камнями и полагали, что гранат дает радость, халцедон — мужество, топаз — целомудрие, что аметист укрепляет ум, а сапфир — интуицию. Чтобы воздействие духовной силы было ощутимым, объект этого воздействия должен обладать достаточной чувствительностью, и потому во времена общего увлечения материализмом духовные влияния могут переставать ощущаться. (59)

Однако из того, что человек не способен почувствовать оккультные проявления Природы, еще не следует, что их не существует и что люди более впечатлительные не могут их воспринять.

Только невежды убеждены, что они знают всё. На самом деле наше знание — лишь песчинка на берегу океана неизвестного. Физиологи знают, что определенные растения и химические препараты обладают некими свойствами, и в какой-то мере объясняют производимый ими эффект.

Они знают, что наперстянка успокаивает сердцебиение, ослабляя сердечную деятельность; что белладонна расширяет зрачок, парализуя мышечные волокна радужного тела; что опиум в малых дозах действует как снотворное, поскольку уменьшает приток крови к голове, а в больших— вызывает кому из-за гиперемии; но почему эти препараты оказывают такое воздействие или почему одни химические соединения азота, кислорода, углерода и водорода смертельно ядовиты, а другие, взятые в стехиометрической пропорции, можно употреблять в пищу, ни химия, ни физиология до сих пор не могут ответить.

Но если мы будем рассматривать все формы как выражения определенных душевных состояний, смертоносность стрихнина покажется не более удивительной, чем то, что ненависть убивает, а от страха останавливается сердце.

Простую идею, однажды отложившуюся в уме, трудно изменить.

Если же идея сложна, то не так трудно изменить её детали, так что постепенно она превратится в нечто совершенно иное. В неорганической химии законы аналогичны. Одни сложные вещества легко превращаются в другие, в отличие от простых, с которыми это пока проделать не удастся. Тем не менее, есть определенные указания на то, что даже эти простые вещества получаются в результате соединения еще более простых элементов.

Замечено, что, если молния ударяет в позолоту, позолота темнеет, и при анализе этого потемневшего вещества было однозначно установлено присутствие серы. Если сера не содержится в молнии, значит, она содержалась в золоте и выделилась оттуда от удара молнии.

Тогда мы можем считать доказанным, что в золоте присутствуют элементы серы, а поскольку золото не исключение и исследования других металлов дали подобный же результат, (60) то мечтания алхимиков в конце концов оказываются не такими уж беспочвенными.

Но сера, как предполагают, связана с азотом, а азот, вроде бы, возникает из кислорода и углерода, и если мы пойдем дальше, то обнаружим, что даже на физическом плане все тела есть модификации одного изначального элемента, природа которого недостаточно материальна для того, чтобы его можно было выявить физическими методами.

Способность воспринимать, сохранять и преобразовывать идеи обуславливается силой Воображения.

Если идея проникает в разум, он пытается облечь её в форму, и это его свойство может проявляться и без активного участия воли. Наступив в темноте на обрезок веревки, мы немедленно воображаем, что наступили на змею. Это пассивное воображение.

Если же мы решаем придать определенную форму идее, это называется активным воображением: хотя, вообще говоря, воображение в обоих случаях активно, только в первом оно приводится в действие инстинктивно, а во втором — намеренно и обдуманно.

Воображение, следовательно, действует как активное начало и является основой художественного творчества и магии. Творчество и магия во многом близки— и то и другое придает объективную форму субъективным идеям. Художник использует силу воображения, когда переносит картину, стоящую перед его мысленным взором, на холст и фиксирует её там с помощью карандаша или кисти; ваятель творит некую форму в уме и воплощает её в мраморе.

При этом оба они прилагают механические усилия, чтобы очистить идею от всех неправильностей и заставить её "*восстать из гробницы*" в виде материализованной мысли.

Маг создает образ в своем разуме и делает его доступным для восприятия других, перенося его в их ментальные сферы. Объединяя свою ментальную сферу с другими, он делится с людьми своим более возвышенным сознанием, и они видят воочию то, что он специально вообразил и придумал.

Произведение живописи или скульптура создаются механическим трудом, и творец закончит его тем быстрее, чем больше усилий приложит. Маг создаёт своё произведение концентрацией мысли и добьется тем большего успеха, чем более его мысли сконцентрируются на том, что он желает представить. Однако, не будучи художником или ваятелем, нельзя даже при величайшем усердии создать произведение искусства, и даже сильнейшим напряжением мысли не вызовет магических эффектов человек, не обладающий духовной силой. Можно быть блестящим химиком и не смыслить ничего в алхимии; можно управлять химическими взаимодействиями, происходящими на физическом плане, и не разбираться в химии души.

Именно поэтому тайны алхимии навсегда останутся тайнами для ученых-материалистов, не владеющих духовной силой. Эта духовная сила, которой должен быть наделен алхимик, желающий добиться успеха, — сила добра.

Без неё он сумеет только выделить из сложных соединений простые вещества и создать из них новые соединения, как это делают химики, но не сможет превратить одно вещество в другие, зло в добро, а хорошее — во что-то еще лучшее. Если бы не сила духа (или жизнь), добро и зло полностью нейтрализовали бы друг друга и никакого прогресса бы не было.

Процессы, протекающие в Природе, — алхимические, а не химические, ибо без воздействия на химические вещества и соединения жизненного принципа не происходило бы никакого роста. Если бы сила притяжения равнялась всегда силе отталкивания, всё бы замерло. Если бы рост и тление шли рука об руку, ничто не могло бы вырасти, ибо клетка, начав формироваться, тут же распадалась бы.

Химик возьмет землю, воду и воздух, выделит из них составляющие их элементы, потом получит новые соединения и в результате придет к тому же, с чего начал. Но алхимия Природы берет землю, и воду, и воздух, насыщает их огнем жизни— и возникает дерево, которое цветет и приносит плоды. Природа не могла бы одарить животворной силой своих детей, если бы у неё этой силы не было; химик, не располагающий жизненным принципом или не знающий, как пользоваться им, не может совершать чудеса алхимии, а современная профаническая наука не верит в возможность того, что для неё непостижимо.

Мы мало знаем современных алхимиков, поскольку люди с развитыми духовными способностями встречаются очень редко и при том не стремятся к известности.

Но алхимия как наука существует, и автор этих строк сам убедился, что превращение металлов и другие известные ей процессы возможны, но их не в силах повторить человек, не обладающий силами, которые дает Посвящение.

Ибо, чтобы привлечь духовные сущности, надо пользоваться духовными методами, и только сознательная душа в состоянии управлять силами, заключенными в душе Вселенной.

Есть три аспекта алхимии.

Она имеет дело с физической субстанцией вещей, еще более— с их душами, а в высшем своем проявлении— с их духовными центрами. Для осуществления физических процессов требуются физические методы, и из этих исследований возникла современная химия. Развив силу своей души, алхимик обретает способность воздействовать на души материальных субстанций и, изменив их свойства, изменить природу физической формы.

А если в нём пробуждён духовный "*огонь*", он может обрести духовные силы, необходимые, чтобы воздействовать на низшие элементы.

Небольшой жар не создаст ничего великого: нужно постепенно приучать себя к огню божественной любви, возгоревшемуся в душе, прежде чем стать саламандрой и обрести возможность жить в свете, где нечистое не может существовать.

Иоанн Тритемий говорит:

*"Spiritus Mundi (61) напоминает след от дыхания на стекле, появляется он как туман, а потом конденсируется и становится похожим на воду. Получившаяся "Вода" (акаша) сперва наполняется жизненным принципом, и по велению вечного Духа в ней пробуждается Свет. Этот Дух Света, что зовется Душой мира (астральный свет), — духовная субстанция, которую можно посредством Искусства сделать видимой и осязаемой; она вещественна, но, поскольку она невидима, мы именуем её духом. Такая "душа", или *corpis*, скрывается в недрах всякой вещи, и её можно выделить, пользуясь духовным огнем человека, который есть одно с мировым духовным огнем (астральным светом), составляющим суть Природы и содержащим все образы и формы, присутствующие в Мировом Разуме.*

*Этот Свет (астральный свет) заключен в Воде (акаше) и сокрыт как Семя во всех вещах. В нем находит поддержку всё, что исходит от Духа Света, и потому этот Дух вездесущ; вся Природа погибла бы и исчезла, если удалить его из неё; он — *principium* (62) всего сущего".*

В средние века были настоящие алхимики, которые умели выделить Семя из субстанции Души мира, и сейчас есть те, кто способен это сделать; но тех, кто лишен подобной способности, не убедишь, что подобные вещи возможны.

"Неизменная истина заключается в том, что без тайного магического огня ничего нельзя достичь в нашем искусстве. Невежды не верят в него, ибо не владеют этим огнем, а без него все их труды оказываются напрасны. Без него нельзя связать духов, и уж тем более нельзя добиться этого с помощью материального пламени". (63)

Магический огонь, о котором говорит алхимик, есть божественная сила, проявляющаяся в человеке, когда развит и деятелен его шестой принцип (Логос или Христос), и способная управлять всеми низшими силами Природы, как на физическом, так и на астральном плане. Это — духовное сознание, и до сих пор оно проявилось у очень немногих, но те, в ком оно проявилось, легко поняли бы древние книги алхимиков, в которых люди, действующие на низших планах, видят лишь непостижимую тарабарщину.

Некоторые из наиболее просвещенных современных химиков не отрицают возможности того, что так называемые простые вещества окажутся состоящими из ещё более простых элементов; более того, некоторые из них даже допускают, что можно превратить один металл в другой; против алхимиков же выдвигаются вполне серьезные обвинения, что они неправильно представляли себе природу металлов и что их главной целью было создание искусственного золота.

Подобные обвинения возникают от полного непонимания алхимических терминов.

Одного того, что расположение созвездий рассматривалось как чрезвычайно важный фактор для успеха алхимических изысканий, достаточно, чтобы убедиться, что алхимики ставили опыты с душами вещей, для которых материальные формы этих вещей служат лишь внешним выражением на физическом плане.

Золото, самый чистый и не поддающийся никаким воздействиям металл, представляет Дух, Магnezия — мудрость, а Прокаленная магnezия — мудрость, обретенную через страдание. Сера, Ртуть и Соль представляют троицу всего сущего— огненные, водные и материальные элементы — и мало общего имеют с материальными веществами, зовущимися этими именами.

Они по сути — одно, но троичны в своем проявлении. Из сочетания этих трех элементов возникают семь принципов; и, согласно учению, тибетских Махатм, каждое вещество содержит в себе эти семь принципов, которые можно разделить на три основные группы.

Важнейшая работа алхимиков — сотворение Человека; она требует не только создания химических соединений различных веществ, но включает в себя и химию души, и воздействие духа: эти три задачи должны выполняться согласованно и одновременно, иначе вместо человеческого существа получится чудовище или ментальный гомункулус.

Если бы указания алхимиков были лучше поняты и исполнялись, люди забыли бы такие наследственные болезни, как золотуха, рак, сифилис, туберкулез и многие другие, и на смену нам пришло бы новое, сильное и здоровое поколение.

Разум — великая реторта, в которой очищаются и преобразуются страсти человеческие. Истинный магический огонь, без которого ничего положительного нельзя достичь— это непобедимая любовь к Источнику всего блага, пылающая в душе адепта. Человек не творит и не порождает мысли.

Субстанция Разума уже существует, человек может только уловить её и придать ей форму.

Он не рождает идеи, они существуют и до него; он может только сочетать, разрабатывать и видоизменять их выражения. Мы не вообразим то, чего совсем нет, а способны лишь сочетать по-новому уже имеющиеся элементы.

Можно вообразить змею с головой человека, ибо есть люди и змеи, но нельзя вообразить облик обитателей солнца, ибо у нас нет ни малейшего представления о том, какие формы могут существовать в условиях, о которых наш опыт не говорит нам ничего и которые поэтому невозможны для нас.

Если — как утверждают некоторые современные физиологи — мысли суть результат секреции мозга, как желчь — секрет печени, мысль исчезала бы сразу, как только мы её выскажем, и, чтобы подумать дважды об одном и том же, нам приходилось бы ждать, пока мозг накопит достаточно сил, чтобы образовать и выделить вторую такую же. Мы опасались бы выражать как-то свои мысли или делиться знанием, поскольку при этом сами утрачивали бы его. Воистину, если искать нелепости, то не в древних книгах алхимиков; они в изобилии имеются в сочинениях нынешних ученых светил.

Мысли и идеи существуют независимо от человеческого восприятия; для их бытия человек не нужен, напротив, он нуждается в них, чтобы думать. Мысли и идеи, приведенные в движение Волей, перемещаются в пространстве; мысль, распространяющаяся в астральном эфире, напоминает круги, разбегающиеся по поверхности озера; мысль, направленную в определенное место силой адепта, можно сравнить с электрическим током, рассекающим пространство со скоростью света. Мысли, устремляющиеся к некоему объекту, похожи на бурный горный поток, и, если воли нескольких людей направляют их согласованно и без всяких побочных побуждений, поток этот делается ещё полноводней и набирает мощь.

Когда на пути горной реки встретится несокрушимая скала и она не сможет пробить себе путь сквозь неё, вода хлынет на берега и накроет исток.

Если поток мысли не сумеет проникнуть в сферу разума того индивида, на которого он направлен, он вернется назад, к разуму того, от кого поступил импульс.

Человек, сконцентрировавший всю мощь своих злобных мыслей на другом, может — если его козни не удадутся — быть убит той силой, которую сам же вызвал к жизни.

Свет распространяется в воздухе со скоростью 300000 км в секунду; мысль преодолевает пространство с той же скоростью. Луч света можно увидеть в воздухе как сияние и остановить с помощью какого-то непроницаемого материала. Сияние идеи озаряет пространство, и посвященному под силу задержать её.

Звук может слышать сколько угодно людей, и одна идея способна покорить весь мир. Как от брошенного камешка разбегаются по воде круги, которые становятся всё шире и при этом всё менее отчетливыми, так и мысль может затронуть сначала одного человека и от этого центра расходиться дальше, захватывая сначала его семью, потом город, потом страну, потом весь мир.

Чтобы отдать что-то, нужен тот, кто примет. Чтобы запечатлеть некую мысль в чужом разуме, нужно, чтобы этот разум был способен воспринять впечатление. Человек достаточно чувствительный и находящийся в пассивном состоянии легко может подпасть под власть чужой воли и бессознательно повиноваться ей.

Можно заставить спящего увидеть во сне то, что другой вызовет в своем воображении, передав картину, сформировавшуюся в разуме этого другого, разуму спящего; воображение человека, введенного в месмерический транс, порой полностью замещается воображением "*месмериста*", и тогда первый будет безоговорочно подчиняться воле второго.

Импульс, данный один раз, будет действовать, пока сила его не иссякнет. Если за первым импульсом последуют другие в том же направлении, воздействие соответственно усилится, и один человек способен изменить ход мыслей другого, находящегося за тысячу миль от него, если его мысли будут постоянно устремлены туда.

Было бы невозможно переместить неодушевленный предмет на расстоянии просто силой воли, если бы между этим предметом и человеком, который пытается проделать это, не существовало некоей передаточной субстанции.

То, что такие перемещения возможны, подтверждает, что человек и предмет вступают при этом в контакт, хотя глаз наш этого не видит. Подобный контакт осуществляется через Акашу, и, обладая развитой волей, человек может посредством своей души воздействовать на душу предмета и заставить его двигаться. Таким же образом можно добиться, что столы будут говорить, или заставить звонить колокола, что медиум делает неосознанно, не ведая сам, что творит, а посвященный — сознательно и с пониманием.

Мысли и сознание человека или нескольких людей могут перенестись к любому объекту и в любое место, входящее в сферу его души, и сконцентрироваться там. Иногда они оказываются заключены в материальные предметы — если их астральные элементы входят в эти предметы и порождают соответствующие вибрации. Таким образом может быть установлена симпатическая связь между человеком и растением или драгоценным камнем — и, если человек болеет или умирает, растение вянет, а камень теряет свой блеск. В Природе, по сути, нет ничего "неодушевленного", жизненный принцип одинаков в камне и человеке, отличается только степень его активности.

Если мы способны вызвать ответные вибрации в душах, живущих на более низких уровнях, их жизнь сольется с нашей, поскольку все индивидуальные формы — лишь центры, в которых обретает облики Мировой Разум, и все они взаимодействуют друг с другом и связаны всеобщими узами Любви.

Птица падает замертво, когда убивают её друга или подругу, мать чувствует боль, причиненную её ребенку, известны случаи, когда братья-близнецы заболели одновременно одной и той же болезнью и одновременно же умерли, при том что физически находились в совершенно разных местах.

Ни одно существо не живет в Природе само по себе, всех их связывает любовь, и чем больше они осознают эту любовь, тем больше понимают, что они — одно. Разделение присутствует лишь в низших сферах материи; шестой принцип— един, поэтому те, кто объединил свой разум с этим принципом, знают, что они— одно, и расстояние не препятствует действиям их разумов.

Любовь объединяет все, а ею руководит Воля. Мысль притягивается любовью и направляется волей, но воля, чтобы обладать силой, должна быть чиста. Если мы хотим двух вещей одновременно, воля действует в двух разных направлениях, однако это разделение ослабляет ее.

Поскольку все формы есть только внешние выражения душевных состояний, имея возможность создавать те или иные душевные состояния, мы могли бы создавать формы. Но люди не создают мысли, они— их жертвы; человек обычно думает не то, что хочет думать, а то, к чему принуждают его мысли, проникающие в его разум.

Чтобы обрести магическую силу, надо для начала научиться управлять своими мыслями, контролировать своё душевное состояние и самому решать, какие идеи впустить в свой разум, а какие— нет. Каждый, кто пробует в первый раз подчинить себе свои мысли и задержаться на одной из них хотя бы пять минут, сталкивается с трудностями, и, однако, без этого первого условия никакое дальнейшее продвижение в оккультных практиках невозможно.

Чтобы изменить форму, мы меняем душевное состояние, которое эта форма воплощает.

Определенное душевное состояние выражается в определенных внешних проявлениях, и определенная манера поведения, в свою очередь, диктует определенное душевное состояние. Гордый человек ходит прямо, а трус— крадущейся походкой; если ходить всё время крадучись, станешь бояться, а прямая спина и высоко поднятая голова рождают в человеке чувство собственного достоинства.

Актеру, который может полностью отождествить себя со своим персонажем, не надо специально думать о позах и жестах — они рождаются естественно; если, будучи рассерженным, заставить себя улыбаться, гнев может поостыть, а тот, кто постоянно ходит с хмурым видом, со временем разучится радоваться. Именно для того, чтобы облегчить переход в нужное душевное состояние, при совершении религиозных церемоний или других обрядов предписывается соблюдение определенных внешних канонов.

Мысли человека беспорядочны, они приходят в его разум незванными, задерживаются, хотя никто их об этом не просит, или исчезают, при том что их приглашают остаться. Мысли Мирового Разума упорядочены; они порождены его же собственными прежними состояниями и определяются не случайными причинами, возникшими в результате внешних воздействий, а внутренним законом причин и следствий, этим Разумом сотворенным.

Поверхностному наблюдателю кажется, что в Природе властвует случайность. Солнце озаряет и дожди орошают земли добродетельных и земли нечестивцев; бури и пожары губят без разбора дома и жизни ученых и невежд, ибо всё это — необходимые результаты действия закона причин и следствий.

Благополучие целого не может быть подчинено интересам отдельных индивидов. Если благополучие человеческого тела, как нам представляется, в какой-то степени зависит от воли человека, процессы, протекающие в Природе в целом, кажутся неподвластными воле Мирового Разума.

Наш интеллект, в силу своей ограниченности, склонен оценивать деятельность Мирового Разума по своему разумению, с точки зрения микроскопического в сравнении с ним человека. Ровно так же могла бы ползающая в пыли букашка сомневаться в разумности путника, который наступил на нее, раздавив или искалечив её без повода и без сожаления; эта букашка, если бы способна была думать, не нашла бы никакого интеллекта в ноге, наступившей на нее, даже если это была нога мудреца.

Невидимые причины могут порождать видимые следствия, и одна и та же причина в одинаковых условиях всегда вызывает одно и то же действие. Если где-то накоплено какое-то количество энергии, она рано или поздно должна найти выход.

Напряжение, накопленное между отдельными компонентами взрывчатого вещества, находит своё разрешение, когда к веществу подносят зажженную спичку; электрический заряд, накопившийся в верхних слоях атмосферы, разряжается в молнии, а накопленные эмоции — во взрыве страстей; не нашедшие выхода энергии души Земли могут вызвать землетрясения, так же как дрожит пораженный внезапным горем человек. Разум человека может сдерживать разгул эмоций, но где тот персонифицированный бог, что успокоит эмоции Души мира?

Бог не в силах остановить рост бородавки или раковой опухоли, поскольку Бог — это закон, и он не может противоречить сам себе. Его благословения неотделимы от проклятий. Человек давит насекомое, поскольку его восприятие и рассудок не присутствуют в его ноге; Бог не может остановить рост камня в мочевом пузыре, поскольку высшее не может проявляться в низшем, мудрость не в состоянии действовать в лишенной сознания форме и средства должны соответствовать цели. Когда человек станет настолько совершенным, что превратится в сферу мудрости без всяких материальных элементов, тогда и Бог станет более совершенным и сознательным, ибо тем больше станет сознательной и живой материя, и вся Природа приблизится ещё на шаг к совершенной гармонии с высшим.

Музыку, которую можно сыграть на арфе, нельзя сыграть на смычке. Интеллект Мирового Разума в состоянии выразить себя только через орудия, пригодные для такого выражения.

Абсолютное сознание может проявиться как относительное только в наделенных сознанием формах.

Элементарные силы Природы слепы и повинуются закону, который управляет ими. Движение, возникшее в результате некоего воздействия, будет продолжаться до тех пор, пока энергия, принесенная этим воздействием, не будет израсходована.

У камней нет интеллекта, ибо их строение не позволяет интеллекту действовать, но, если разумная сила приводит их в движение, они подчиняются закону, который это движение направляет. По мере того, как живые существа продвигаются по лестнице эволюции, они всё в большей степени проявляют сознание. В животных абсолютное сознание выражает себя как инстинкт. Оно учит птицу летать, рыбу — плавать, муравьев — строить муравейники, а ласточек — гнезда. Посредством нервов и спинного мозга оно регулирует деятельность сердца, легких и других органов тела.

Когда из спинного мозга в процессе эволюции развивается головной мозг, абсолютное сознание обретает более совершенный инструмент для проявления в качестве относительного. Место инстинкта занимает сила интеллекта, и Мировой Разум начинает думать, пользуясь мозгом отдельного человека.

Мозг — наиболее хорошо разработанный инструмент для проявления разума. Он заведует интеллектуальной деятельностью организма: он служит центром притяжения для идей, в нем, как в мастерской, они преобразуются, и из него, как из фокуса, они воспроизводятся опять в астральном свете.

Когда человеческий мозг достигнет высшей точки своего развития, он станет совершеннейшим орудием для исследования форм. Но сущность человека — лишенная формы сила, и не в обретении совершенной физической формы состоит конечная цель эволюции.

Чтобы иметь дело с бренными оболочками, нужна оболочка, но, чтобы войти в вечное царство бесформенного, никакой формы не требуется.

Пока человека влечет форма, он не свободен, поскольку связан с нею и его жизнь кончается с жизнью формы; однако, освободившись от тяготения формы, он будет готов вступить в царство бесконечной жизни, не связанной с формой и потому вечной.

Когда человек исполняет эту задачу, ему уже не нужно физическое тело— из орудия оно превращается в лишнюю ношу, мешающую токам его разума свободно перемещаться в пространстве. Для жизни ему требуется теперь беспредельная область эфира, способная откликнуться на любое душевное состояние, в которое он захочет прийти.

Мир, в котором он живет, — это мир разума. В нем есть свои интеллектуальные центры, потоки мыслей и эмоций, свои элементарные силы; в нем содержатся идеальные прототипы всего сущего. Это — "*мозг*" Природы, мысли которого творят мир.

Эти мысли — результат предшествующих стадий эволюции, и по мере того, как мир развивается, питаемый не иссякающим источником Блага, Мировой Разум совершенствуется, пока в конце нынешнего периода вся Природа не уйдет на покой, чтобы пробудиться опять, когда "*утренние звезды воспоют в радости*" на заре нового, еще более прекрасного дня творения.

Глава X

ТВОРЕНИЕ

И сказал Бог: сотворим человека...

Библия

Важнейший вопрос, которым всегда задавались люди и которым они до сих пор задаются с тревогой, а часто и со страхом; тот самый, который тысячи лет назад предлагал египетский Сфинкс, убивавший тех, кто пытался отгадать загадку и не находил правильного ответа, — что есть человек? Века прошли с тех пор, как он прозвучал впервые, народы истребляли друг друга в жестоких религиозных войнах, тщетно стараясь навязать другим то решение этой великой проблемы, которое, как они полагали, им удалось отыскать, но среди гробниц прошлого эхом звучало всё то же: что есть человек?

А между тем ответ выглядит очень просто. Здравый смысл, освобожденный от давления научных и религиозных предрассудков, говорит нам, что человек, как любая другая форма во Вселенной, есть совокупность энергий, отдельный луч вездесущего Божественного Света— источника всего сущего, истинный сын великого Духовного Солнца.

Как лучи нашего Солнца становятся видимыми только преломляясь на мельчайших пылинках, так божественный луч поглощается и преломляется в материи. Он на время смешивается с нею и уносит к Солнцу элементы, достаточно чистые, чтобы преодолеть притяжение Земли.

Солнечные лучи играют на поверхности океана; тепло, рождающееся при соприкосновении воды и света, извлекает из нижних слоев очищенные частички, и испарения поднимаются к небу; там они странствуют, как призраки моря, в виде меняющих форму облаков, путешествуют вольно повсюду, несомые ветрами, пока не наступит момент, когда энергия, вознесшая их в высоту, иссякнет и они снова упадут на землю. Ровно так же божественный луч Духовного Солнца во время пребывания на Земле смешивается с материей, захватывая и принимая в себя те или другие элементы по собственному выбору или в соответствии со своими нуждами.

Как бабочка порхает с цветка на цветок, вдыхая аромат каждого, так и человеческая монада переходит из жизни в жизнь, с планеты на планету, набираясь опыта, мудрости и сил; но, когда день её жизни закончен, приходят ночь и сон, полный ярких сновидений. Самые грубые элементы смешиваются опять с землей, более тонкие — астральные, еще подвластные притяжению земли, — скитаются, влекомые то туда, то сюда своими склонностями, пока энергия, связывающая их в единое целое, не израсходуется и они не растворятся опять среди других элементов того плана, к которому принадлежат.

Однако высшие духовные энергии человека, скрепленные любовью, преодолевают тяготение Земли и поднимаются к своему источнику, подобно облаченному в белое духу, унося с собой за пределы материи свой опыт. Человеческая любовь и устремления не принадлежат земле.

Они порождают силы, действующие и за гробовой чертой или погребальным костром, и энергия их может не иссякнуть и за много веков, поэтому чистый луч, обладающий лишь склонностями, оставленными в нем его последней жизнью на планете, ищет вновь соединения с материей, опять строит себе дом-тюрьму из одушевленного праха и появляется на сцене жизни, словно старый актер в новой роли.

Материал для нового дома поставляют впечатления, накопившиеся за время предыдущих жизней. Богатый бездельник может в следующей жизни оказаться нищим, а нынешний рабочий обрести склонности, закладывающие фундамент будущего величия. Страдания в одной из жизней рождают терпение и твердость, которые пригодятся в другой; тяготы учат стойкости, самопожертвование укрепляет волю; вкусы, обретенные однажды, направляют наше последующее существование, и накопленные когда-то энергии могут вступить в действие, когда того потребуют обстоятельства — в данной конкретной жизни на материальном плане или в другой, в соответствии с вечным законом причин и следствий.

Тот, кто ребенком обжег пальцы, дотронувшись до пламени, став взрослым, может и не помнить всех деталей того, как это случилось, но тот факт, что огонь жжется и его нельзя трогать, остается в его уме.

Таким же образом, опыт, обретенный в одной жизни, может не помниться в подробностях в следующей, но порожденные им впечатления сохраняют свою силу. Раз за разом проходит человек круг воплощений, замещая низшие энергии более высокими, пока влечения материи не потеряют свою власть над ним, и он не станет тем, кем ему суждено быть, — богом.

Человек, как и большинство живых существ, — лишь песчинка в необъятных просторах Вселенной, и его нельзя разъять на части без того, чтобы он перестал быть человеком. Однако в отличие от других, более низкоорганизованных созданий, чье существование протекает целиком на физическом и астральном планах, в строении человека присутствует составляющая, которая отличает его от животного и делает тем, что он есть: эта составляющая — неотъемлемая и сознательная часть высшей духовной энергии Вселенной, пропитывающей всё, и, следовательно, духовное сознание человека никоим образом не связано с определенной точкой физического мира.

Кто сотворил человека? Он сам творит себя каждый день своей жизни. Он сам себе творец. Прах — материальное тело, — прилепляющийся к лучу проявленного Абсолюта, извлекается из земли; энергии, называемые душой, рождаются на астральном плане; высшие энергии, именуемые духом, принадлежат "небесам". Животный человек, как и низшие создания, есть результат действия слепого закона необходимости.

Как таковой он — сын Природы; она — непорочная дева — отдает брэнного человека его отцу, бессмертному духовному принципу, чтобы тот обратил его в бога. Физический облик ребенка и его интеллектуальные и душевные качества определяются наследственностью или предварительно заданными условиями. Как дерево может уйти корнями глубоко и далеко в почву и вобрать подходящие элементы, но не может бродить по разным местам в поисках пищи, так и физический человек ограничен в выборе путей для своего развития; он растет, не в силах сопротивляться закону необходимости и естественным своим побуждениям.

Но когда в нём вспыхивает огонёк разума, начинается процесс творения. Интеллект говорит воле: "*Сотворим человека*". Понукаемая им, воля неохотно оставляет свое излюбленное занятие — служить страстям — и начинает ваять из животного человека тот образ, который держит перед ней мудрость.

"*Сотворим человека*" означает: сотворим божественного человека из животного; соберем вокруг божественного луча внутри нас чистейшие из сущностей, изъятые из низших планов; обратим эмоции в добродетели, в которые облачится духовный луч, воссев на троне.

Сотворим человека! В нашей власти сотворить ту или иную его разновидность. Сотворить обычного человека или даже выдающегося, в привычном смысле этого слова, не так уж трудно. Веди здоровый образ жизни, соблюдай диету, заботься больше о себе и никогда ничего не отдавай задаром — вот и станешь респектабельным животным.

Такие "*преуспевающие*" — известные, независимые и богатые, — которые живут и умирают, не выходя за пределы своего "я", вызывают зависть и уважение у многих, но не у самих себя.

Однако более высокая природа человека сказывается, в частности, в том, что даже на этом плане бескорыстие часто вознаграждается материально, скупца и закоренелого эгоиста все презирают, а тот, кто оказывает людям небольшие услуги, обзаводится друзьями и может извлечь из этого некую выгоду.

Есть еще одна разновидность преуспевающих — интеллектуалы. Они являют себя миру как благодетели — философы, учителя, государственные деятели, изобретатели или люди искусства. Они обладают так называемым талантом, и, тогда как другие просто повторяют известное, им присуща некая оригинальность. Благодетельствуют они мир с выгодой для себя. Интеллектуальные достижения, никому не приносящие пользы, бессмысленны; они похожи на упражнения с гирей, развивающие мышцы, но ничего не создающие.

Научными исследованиями можно заниматься и в личных целях, но если учёный не любит то, что он исследует, он мало продвинется в своих трудах и вместо мудреца превратится в книжного червя. Истинный гений — маг, творящий мир для себя и для других, и его сила растёт по мере того, как сам он становится более совершенным.

Материал, из которого строится человек, — это семь принципов, приходящих в него из запасников мироздания, строитель — воля, управляющий — время, а главный архитектор — мудрость. На этой стройке не слышно шума и стука молотков, ибо всё необходимое уже приготовлено Природой, надо только поставить нужные элементы на свои места. Высший элемент — Дух, и он один бессмертен. Те из более низких элементов, которые могут обрести согласие с ним, сплавляются с духом и становятся нетленными.

Гармонии с чистым духом достигают лишь вибрации высших духовных элементов; таковы наиболее чистые помыслы, устремления и воспоминания, рожденные пятым принципом, в котором коренится интеллектуальное могущество человека.

Чистый интеллект— это Духовность, но на более низких планах, где он работает через мысли, духовные сокровища могут открыться ему только благодаря свету Мудрости, ибо только в нем сумеет он отличить чистый металл от материальной окалины. Даже очень умные и образованные люди могут быть несчастливы и пребывать в постоянном разладе с собой, если их помыслы устремлены ко злу и разум закрыт для света истины.

Мудрость — это осознание истины во всей её полноте, она берет свое начало в духовном принципе человека и посылает свой свет пятому принципу, благодаря чему человеческая интуиция может различить его сияние через облака материи, как его глаза видят солнце, пробивающееся сквозь туман.

Пятый принцип побуждается к действию четвертым, рациональной природой человека. Мы не можем построить дом, не имея под рукой подходящего прочного материала, и пытаться сотворить гения из человека равнодушного — всё равно что пробовать запускать паровую машину без топлива и воды. Чем сильнее чувства, тем прочнее будет духовный храм, на стены и колонны которого они пойдут.

Бесчувственный человек не может быть добродетельным, он — бессильный призрак, который не холоден и не горяч и ни на что не способен. Страстный человек, который в состоянии обратить свои страстные стремления к правильной цели, к источнику всего блага, стоит ближе к духу, чем тот, кому нечего обращать и не с чем бороться.

Чтобы построить прекрасное здание или сотворить совершенного человека, материалы должны быть взяты в нужной пропорции.

Мудрость руководит работой, а любовь дает цемент. Эмоции становятся добродетелями и пороками в зависимости от того, как их использовать. Добродетель, проявленная не к месту, превращается в порок, а порок, поставленный в четкие рамки, иногда оказывается добродетелью.

Благоразумие, если оно одно определяет все поступки человека, оборачивается трусостью, щедрость ко всем без разбора — мотовством, безоглядная смелость — безрассудством; поклоняющийся кому-то или чему-то и не уважающий при этом себя становится жертвой суеверия; рассыпающий милости плодит попрошайек, а тот, кто соблюдает справедливость сурово, непреклонно и без милосердия, рискует превратиться в несчастного, безжалостного и всеми презираемого тирана.

Неразумная душа, которая слушается только своих желаний и не внимлет голосу мудрости, напоминает пьяного, нетвердо держащегося на ногах: она болтается из стороны в сторону, падает из одной крайности в другую и не в состоянии двигаться в избранном направлении. Только равновесие всех сил рождает гармонию, красоту и совершенство. Мятущаяся душа, ставшая игрушкой эмоций, — неподходящий дом для божественного луча, который любит мир и покой.

Человек, пытающийся управлять своими эмоциями, постоянно находится в борьбе с ними, что аллегорически выражено в легенде о двенадцати подвигах Геракла, которые тот совершил по велению оракула Зевса. Любой человек, стремящийся достичь совершенства, должен стать Гераклом и исполнить повеления своего царя (своей Атмы), переданные ему оракулом собственной его интуицией. (64)

Откуда берутся эмоции?

Космология древних сообщает, под видом разных аллегорий, одну и ту же истину: "в начале" Великая Первопричина породила мощью своей Воли некие деятельные начала, из взаимодействия которых возникли элементарные силы Природы, образовавшие мир. Именно эти элементарные силы мы узнаем в восточных дэвах, библейских Элохимах, персидских Авритах, античных Титанах и эгрегорах книги Еноха. Они — движущие силы космоса, благотворные или разрушительные в зависимости от обстоятельств, в которых они действуют, и степень их разумности определяется природой тех орудий, которые они используют.

Они — сами по себе — не обладают самосознанием и разумом, но могут проявлять себя через существ сознательных и разумных; лишённые индивидуальности, они могут обрести её, найдя выражение в индивидуальных формах.

Любовь и ненависть, зависть и великодушие, вожделение и скупость сами по себе не есть какие-то личности, но в какой-то мере могут персонифицироваться, обретая обличья людей или животных. Очень злобный человек являет собой воплощение злобы, и дьявол, приходящий к нему в зримом облике, — просто отражение его собственной души в зеркале разума.

Духи присутствуют повсюду, но мы не способны воспринять их, пока они не попадают в сферу нашей души. Дух, входящий в нашу душу, обретает жизнь благодаря нам, и, если мы не изгоняем его оттуда, начинает расти и крепнуть, отбирая силы и жизнь у нас. Как ползучее растение, обвивающее дерево и питающееся его соками, он охватывает своими побегами древо нашей жизни и расцветает, в то время как собственный наш дух чахнет. Мысль, если мы её не гоним, укореняется в душе и растёт, пока не выразится в действии, после чего обретает собственное независимое существование, уступая место следующей.

Такие элементарные силы Природы есть повсюду, и они всегда наготове, чтобы войти в душу, врата которой не заперты плотно. Чтобы вызвать злого духа, не надо особо стараться, надо только выпустить его.

Призвать дьявола — значит открыть дорогу дурной мысли, а победить его — значит устоять перед искушением зла.

Элементарных начал Природы — великое множество, и всевозможные их градации и разновидности нашли отражение в греческом пантеоне богов и мифологии Востока. Высшая сила Зевс, отец богов, источник, в котором берут свое начало все другие силы. Афина, богиня мудрости, родилась из его головы и благороднее всех, но Афродита (Венера), вышедшая из океана Мировой Души, превосходит всех своей красотой.

Мироздание держится силой её тяготения, она соединяет души, связывает доброе с добрым и приковывает дурное к дурному. Она — мать меньших богов, вечно сражающихся друг с другом, поскольку любовь к себе, к вещам, к славе, к власти — это порождения одной всеобщей силы Любви.

Они дерутся между собой как дети, ибо действие всегда вызывает противодействие, любви противостоит ненависть, надежде — страх, вере — сомнения и т. д. Чтобы управлять ими, бог Силы (Марс) должен объединиться с богиней Любви — иными словами, страсти должны быть подчинены Воле.

Каждая сила существует и содержится в своей элементарной матрице или оболочке, акаше, универсальном Протее, создателе форм, который находит своё внешнее выражение в Материи, и все вместе эти силы образуют вечный круг или змею, *"голова которой будет сокрушена пятой женщины"*, то есть Мудрости, извечной девственницы, чьи *"дочери"* — вера, надежда и милосердие.

Змея не может войти в душу, охраняемую мудростью. Если же мы не отвергаем немедленно дурные мысли, проникшие в нашу душу, если мы прислушиваемся к наущениям дьявола, которого сами же впустили в сердце, мы тем самым вступаем с ним в сделку и приглашаем его остаться, после чего он, как настырный кредитор, будет повторять свои требования вновь и вновь, пока они не будут исполнены.

Низшей триаде принципов, образующих человека, требуется питание, поставляемое низшими царствами Природы. Если тело получает избыточное питание и возбуждается алкоголем, эмоциональные элементы становятся крайне деятельными, а интеллект слабеет. Слишком тяжелая еда и неумеренное питье вредят развитию на высоких планах, ибо деятельность жизни уходит при этом из более высоких принципов, сосредотачиваясь на более низких. Большие количества даже здоровой в других отношениях пищи вредны по тем же причинам.

То же жизненное начало, которое преобразует низшие энергии в более высокие, ответственно и за процесс пищеварения: если его силы растрачиваются в низших органах, от этого страдают органы более высокие.

Некоторые люди, привыкшие есть мясо, не могут обходиться без него, другие, долгое время потреблявшие алкоголь, испытывают жестокие терзания, лишившись такой возможности; но ни мясо, ни алкоголь в нормальной ситуации не нужны человеческому организму, а часто даже наносят ему ущерб.

Чистому человеку требуется чистая пища, но для нечистого то, что нечисто, становится сначала удовольствием, а потом необходимостью.

"И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя: вам сие будет в пищу". (65)

Любители животной пищи обычно говорят, что она "дает силы и нужна тем, кто занят физическим трудом". Это утверждение неправильно по своей сути, ибо растительная пища дает больше сил, чем животная; (66) просто животная пища возбуждает организм и вынуждает его использовать те силы, которые в нем запасены, в короткий срок, вместо того чтобы сохранить их на будущее.

Употребление исключительно мясной пищи ведет к обжорству, неумеренной чувственности, драчливости, жестокости, а также глупости, лени, физической и психической апатии — неизбежным последствиям перевозбуждения.

Дарвин пишет, что самый тяжелый труд, который ему доводилось видеть, выпадал на долю рабочих в копиях Чили, и эти люди употребляли только растительную пищу. Ирландские крестьяне практически не едят мяса и при этом сильны, и выносливы. Русские потребляют мясо в очень маленьких количествах и славятся отличным здоровьем. Самые отменные силачи встречаются среди селян Южной Баварии, а они готовят мясные блюда только по праздникам и каким-то особым случаям.

Кони, быки, слоны — сильнейшие из зверей — питаются только травой и плодами, а хищники, как известно, трусливы, хитры и злобны.

Медведь, содержащийся в Анатомическом музее в Гессене, отличался спокойным и кротким нравом, пока его кормили хлебом, а после того как ему несколько дней давали мясо, он не окреп, но сделался более злобным и коварным.

Пусть те, кто хочет узнать правду о необходимости мясной пищи, задают свои вопросы не голове, а сердцу, и мудрость, заключенная в его глубинах, не даст им ошибиться.

В связи с этим возникает и еще одна проблема: насколько человек вправе убивать животных, чтобы кормиться. Те, кто исповедует христианство и утверждает, что верит в Священное писание, казалось бы, не должны иметь по этому поводу никаких сомнений, ибо там ясно сказано: "*Не убий*".

И, однако эта заповедь нарушается ежедневно миллионами якобы христиан, выводящих свое иллюзорное право убивать животных из неверно понятой фразы Ветхого Завета.

Там говорится, что Бог позволил человеку владычествовать *"над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле"*, (67) но мы должны понимать, что под *"рыбами, птицами, скотом и т. д."* здесь подразумеваются элементарные силы Природы, находящие своё предметное выражение в животном царстве, и что нигде не сказано, что человеку позволено отнимать жизнь, которую он не способен дать. Право и задача человека — облегчать страдания, а не причинять их; он не должен нарушать ход эволюции, а, напротив, призван помогать ей.

Мясо возбуждает, а возбуждающая пища рождает желание еще больше подстегнуть себя питьем.

Лучший способ избавиться от пьянства — не есть мяса. Есть ли в мире страсть более пагубная и более противоречащая истинным задачам человечества и счастьем каждого отдельного человека, чем пьянство?

Мясная пища дает человеку иллюзию силы, которая скоро исчезает, сменяясь еще большей слабостью; так же и горячительные напитки тешат его призрачным счастьем, тающим как дым, но влекущим за собой долгие и реальные беды для самого пьяницы и для тех, кто его окружает. Пьянство вызывает разнообразные болезни внутренних органов, ведущие к медленной смерти, и является причиной подавляющего большинства преступлений, совершающихся в цивилизованных странах.

Тому, кто рассматривает человека как существо разумное, кажется непостижимым, почему цивилизованные народы терпят в среде своей такое зло, постоянно пополняющее тюрьмы, больницы, сумасшедшие дома и кладбища; зачем люди *"пускают врага в уста свои"* — врага, который разрушает их здоровье, рассудок и жизнь; но те, кто смотрит глубже, видят, что заря разума только занимается и духовные способности большинства людей еще спят в ледяных объятиях невежества и самообмана.

Государство похоже на человеческое тело. Нет никакого смысла препятствовать разными способами удовлетворению желания, не борясь при этом с самим желанием. Напасти, поражающие человечество, рождаются из дурных желаний, и желания эти будут так или иначе находить свое удовлетворение: если перекрыть им путь в одном месте, они вылезут в другом.

Нельзя выколоть сорняки, обрывая только стебли и оставляя корни в земле. Есть, пить и спать, чтобы жить, а не жить, чтобы есть, пить и спать, — это наставление повторяют часто, но очень мало кто ему следует. Большую часть пищи человек поглощает по привычке, и идет она на то, чтобы удовлетворить искусственно возвращенное желание. Чем более груб и материален человек, тем больше он хочет есть, и чем больше он ест, тем более грубым и материальным он становится.

Благородным и тонким натурам не требуется много пищи, а эфирные и "духовные" создания не нуждаются в ней вовсе.

Средства всегда соответствуют целям. Если цель низка и груба, низки и грубы будут и средства её достижения, в то время как цели благородной и высокой нельзя достичь иначе, чем такими же средствами. Профессиональный боксер, стремящийся накачать мускулы, и человек, желающий обрести способность видеть духовные истины, должны упражняться по-разному, и условия, необходимые для развития одного человека, могут оказаться неприемлемыми для другого.

Кому-то для движения вперед надо быть бедным, кому-то — богатым; одному внутренним толчком к психическому развитию служат покой и радости семейной жизни, а устремления другого взлетают выше, когда он освобождается от всех земных привязанностей. Каждый, кто направляет свою волю на достижение более высокой ступени развития, выступает как оккультист — в той мере, в какой ему это удастся. Любой человек развивается — в том или ином направлении; никто не стоит на месте. Кто хочет обогнать других на пути развития, должен действовать.

Воля развивается благодаря действию и укрепляется верой. Мы совершаем некие движения, например, при ходьбе, только потому, что непоколебимо уверены в своей способности совершить их. Страх и сомнение парализуют волю и порождают бессилие, но надежда и вера творят чудеса. Адвокат или врач, не верящий в свои возможности, будет допускать грубые ошибки, а если сомнения его передадутся подзащитному или пациенту, большая часть его усилий пропадет втуне, в то время как невежественный фанатик или знахарь добьются успеха.

Бульвер-Литтон писал:

"Призраки преследуют тех, кто были бы возвышенными натурами, если б могли не только бояться".

Страх и сомнение— рожденные в аду дочери невежества— влекут человека к гибели; Вера — облаченный в белое ангел— отдает ему свои крылья и наделяет его силой.

"Самшаяатма винашьяти", "сомневающийся погибает», — говорит Кришна Арджуне, своему любимому ученику. (68)

Поэтому вера, даже без знания, гораздо полезнее, чем неполное знание без веры и, соответственно, бездействия. Твердая вера, хотя бы и основанная на некоем неверном понимании вещей, может приносить плоды; она заставляет воображение стремиться ввысь и тем самым укрепляет волю, прогоняет боль, излечивает болезни, вызывает к героизму и доблести и обращает ад в рай.

Развить силу воли можно только действуя. Каждый поступок создает новый импульс, который, добавляясь к уже набранной мощи, увеличивает её.

Добрые деяния увеличивают энергию добра, дурные — энергию зла, но те, кто не совершает ни хороших, ни дурных поступков, не обретают ничего.

Человек, всегда действующий по первому побуждению, не проявляет тем самым своей воли; подчинившись низшим импульсам, он, сам того не желая, превратится в преступника или маньяка.

Самые ужасные преступления часто совершаются без видимых причин, только потому, что виновник не смог устоять перед побуждением, толкнувшим его на это. Такие люди на самом деле не злы, а просто слабы и неразумны и рабски служат порывам, захватывающим их целиком, рискуя стать покорным орудием и жертвой тех, кто знает, как их распалить; они похожи на солдат двух воюющих армий, которые ненавидят и убивают друг друга, не будучи личными врагами, а только потому, что кто-то разогрел их страсти.

Чем чаще подобный человек уступает своим влечениям, тем больше ослабевает его воля, и бессилие приводит его к катастрофе. От бездеятельного добра мало толку, если не совершение зла вообще можно назвать добром. Тот, кто не творит *ни добра, ни зла, не делает ничего*. Конечно, каждый вправе считать добрыми камень, зверя или слабоумного, потому что они не совершают зла; и от человека, прожившего сотню лет, толку порой оказывается не больше, чем от камня.

Чтобы обрести силу, воля должна быть свободной. Желая чего-то, мы не обязательно притягиваем это что-то. Случается, оно притягивает нас.

Элифас Леви сказал: "*Воля исполняет всё, чего мы не желаем*", и мы каждый день встречаем подтверждения этого парадокса.

Те, кто жаждет славы, богатства или любви, часто оказываются обманутыми; богатый скупец беднее уличного нищего, и счастье вечно витает как призрак перед искателем материальных удовольствий.

Лучший способ разбогатеть — довольствоваться тем, что есть; чтобы обрести власть, надо просто принести себя в жертву ради других, а жаждущему любви следует отдать свою любовь окружающим — и тогда их любовь прольется на него обильным дождем.

Развитие воли и есть взросление. В юности человек падок на земные утехи и жаждет утолить желания своего физического тела. Становясь старше, он забывает эти детские игрушки и устремляется к чему-то более высокому.

Тогда он может пуститься в умствования и спустя годы обнаружить, что все это время гонялся за тенью. Или к нему придет любовь, которая заставит его возомнить себя счастливейшим из смертных, но рано или поздно ему откроется, что идеал можно найти только в идеальном мире.

Возможно, убедившись, что всё, чего он искал, — лишь пустые тени, человек этот, как бабочка, вылетающая из куколки, расправит свои крылья и заглянет в область беспредельного Духа, к изумлению, своему узрев сияющее солнце там, где ожидал встретить только тьму и смерть. Кто-то обретает этот свет раньше, кто-то — позднее, и многие возвращаются назад и гибнут, привлеченные неким иллюзорным светом, как мотыльки, которые принимают свечу за солнце и опаляют крылья в её огне.

Жизнь — это непрекращающаяся битва между истиной и заблуждением, духовными устремлениями и требованиями животных инстинктов. И как два главных препятствия встанут на пути неправильное понимание сути Бога и неверное представление о том, что есть Человек.

Пока человек верит в персонифицированного бога, который благоволит одним и наказывает других по своему желанию и которого любой непосвященный может упросить, убедить или умилоствовать, он сам запирает себя в тесной темнице своего невежества и не способен обрести нужную широту мышления.

Тот, кто думает о некоем прибежище личного блаженства или о рае, не продвигается вперед. Если такой человек воздерживается от дурных поступков или плотских утех, он делает это не из изначально присущей ему любви к добру, а потому, что ожидает награды за "жертвы", или из-за того, что страх перед Богом превращает его в труса. Мы должны делать добро не из каких-то личных побуждений, а потому, что делать добро — лучше. Быть добрым значит быть мудрым; глупцы ожидают незаслуженных наград, мудрый не ждет ничего кроме справедливости. Он знает, что, благодетельствуя миру, он приносит благо и себе, а вредя другим — становится собственным своим палачом.

Знать Бога и знать Человека — это одно и то же, и кто знает себя, знает Бога.

Понимая природу божественных свойств, сокрытых в нас, мы без труда объединим свою волю с высшей Волей космоса и, вместо того чтобы подчиняться влияниям астрального плана, сами обречем власть над ними. Так Титаны будут побеждены богами, и Божественная Мудрость (София) сокрушит голову змеи; "дьявол" потерпит поражение, и те, кто был в рабстве у демонов, станут властителями и божествами.

Порой говорят, что, мол, не важно, во что верит человек, если он поступает правильно; однако не может всегда поступать правильно тот, кто не знает, что правильно, — вот и получается, что чудовищные несправедливости творятся во имя справедливости, заблуждения объявляются истиной, а форму пытаются выдать за суть. То, во что верит большинство, не обязательно истина, и голос разума часто тонет в хаосе предрассудков, порожденных ложной теологической доктриной.

Ложные представления создают преграду для развития, и тем большую, чем на большую общность они претендуют; такие представления основаны на самообмане, в то время как в основе знания лежит истина.

Возможно, полезно будет запомнить следующие правила.

- 1.** Не верьте, что на свете есть что-то выше, чем бессмертный принцип Блага, сознающий себя в человеке, и что человек есть то, что он делает— а не то, чем он стремится быть, — и ничего более. Подлинная религия есть осознание истины; идолаы— игрушки для детей.
- 2.** Знайте, что каждый человек есть составляющая и неотъемлемая часть всего человечества; затронувшее одного воздействует на всех.
- 3.** Поймите, что человек — это воплощение идеи, а его физическое тело— орудие, которое позволяет ему входить в соприкосновение с материей и управлять ею; это орудие не следует использовать с низкими целями, также не стоит ни поклоняться ему, ни презирать его.
- 4.** Да не нарушат заботы физического тела и внешние обстоятельства равновесия вашей души. Не стремитесь ни к чему материальному, будьте выше этого, но не теряйте контроль над ним.
- 5.** Не ждите ни от кого благодеяний, но будьте всегда готовы помочь другим, насколько это в ваших силах и не противоречит справедливости. Не бойтесь ничего, кроме нравственного закона, и вы забудете страдания. Не надейтесь на награду, и вы не разочаруетесь. Не просите ни у кого любви, сочувствия или благодарности, но не скупитесь дарить их другим. Такие вещи приходят, только когда их не желаешь.
- 6.** Научитесь отличать истину от лжи и следуйте во всех поступках своему высшему идеалу добродетели.

7. Научитесь ценить каждого (в том числе и себя) в соответствии с подлинными его достоинствами на всех планах. Человек, смотрящий сверху вниз на того, кто выше его, — глупец, а тот, кто поклоняется недостойному его, — душевно слеп. Недостаточно просто знать достоинства какой-то вещи, их надо осознать, иначе она останется для вас сокровищем, спрятанным в сундуке скупца.

Луи-Клод де Сан-Мартен (Неизвестный Философ) писал:

"Вот что должно остаться в человеке, который, переродившись, обретет божественные пропорции:

***Никаких желаний, только подчинение закону;
Никаких идей, кроме священной связи с Благом;
Никаких слов, кроме повелений свыше;
Никаких поступков, кроме тех, что развивают и расширяют
животворные начала мира;***

Но без этого желания наши ложны, ибо исходят от нашего "я"; Мысли наши неясны и искажены, ибо совершают прелюбодеяние; Слова наши бессильны, ибо их день за днем глушит материя, к которой мы их обращаем; Деяния наши мелки и пусты, ибо они могут быть лишь порождением наших слов".

Все подобные наставления — не новы; их давали в разных формах философы всех времен, из них составляли целые книги, и люди читали их без всякого толка, ибо не видели смысла в том, чтобы следовать этим советам.

Тому же учили древние риши и Ману, Будда и Христос, Конфуций, Заратуштра и Мухаммад, Платон, Шекспир и все деятели Реформации. Истины эти провозглашались в проповедях, в поэмах и прозе, в трудах философов, литераторов, романистов и художников.

Их слышали все, и некоторые даже поняли, но мало кто попытался воплотить в жизнь.

Выучить эти правила легко, осознать— трудно, а, чтобы применить их на практике, надо быть святым. Высшие духовные истины нельзя постичь с помощью интеллекта— полу животному разуму они недоступны; обычный человек устремляет свой мысленный взор ввысь, к тем идеалам, которые открылись ему в момент озарения, и только так, постепенно, поднимается до того состояния, когда его животное начало отступает на второй план, а интуиция развивается всё больше.

И лишь тогда ему откроется, что нравственное самосовершенствование нужно не для того, чтобы заслужить божью благодать, а для того, чтобы самому стать богом.

Чтобы добиться этого, человек должен заставить свои энергии работать на более высоких планах.

Высшие энергии скрыты в низших; они— принадлежность духовной Души, которая у большинства людей еще не вышла из младенчества, но в будущих поколениях число тех, у кого она развита, будет расти, и человечество в целом, поднявшись на новую ступень, станет смотреть на наш век как на эпоху невежества и нищеты и пользоваться плодами, которые принесет ему более высокая стадия эволюции Человека.

Глава XI

СВЕТ

Да будет Свет.
Библия

Форма, личность и чувственность несут гибель духу; распад формы, потеря личности и забвение чувственного восприятия освобождают дух и возвращают его к жизни. Элементарные силы Природы, прикованные к формам, становятся их пленниками. Будучи заточены в материю, эти силы теряют свободу действий и способны лишь повиноваться внешним импульсам; чем больше они срастаются с обликом, тем больше они сгущаются, сжимаются, тяжелеют и теряют подвижность, тем менее они свободны и самостоятельны. Солнечный свет и тепло ещё относительно независимы; они путешествуют от планеты к планете, пока не будут поглощены формами Земли.

Воссоединившись с материей, они спят в деревьях, лесах и залежах угля, пока медленное разрушение оболочек не освободит их или пока бог огня не выпустит их на волю. Волны океанов и озер радостно играют с берегами. Они весело кидают свои струи ленивым скалам. Смеющиеся воды странствующих ручьев бегут без отдыха через леса и поля, танцуя, лепеча и играя со встречными цветами.

Они бесстрашно мчатся по обрывам, каскадами скатываются по горным склонам, сливаются, расходятся и сливаются вновь, соединяясь с реками и ненадолго обретая покой в морях.

Но когда наступает зима и мороз-воевода возлагает на них свою ледяную руку, они кристаллизуются в отдельные формы, лишаются своей свободы, и обречены, словно девы и короли в заколдованном замке, спать, пока теплое дыхание юной весны не коснется их и не разрушит заклятие чародея, вернув их к жизни.

Всеобщие законы Природы не отличаются от частных, и человек не составляет исключения из общего правила. Он— центр, вокруг которого кристаллизуются в форму как разумные, так и неразумные силы.

Связанные законами кармы, создающими этот центр, они обречены жить в облике и ощущать всё то, что ощущают отдельные сущности; заключенные в личности, они испытывают страдания, порожденные стремлениями этой личности.

Их одолевают желания, жаждущие тем сильнее, чем больше их удовлетворяют, страсти, чье пламя горит тем жарче, чем больше дают ему пищи; теперь им хочется бежать за улетающими тенями, настичь надежды, манящие и тающие, едва приблизишься к ним; их мучают горести, проникающие в дом даже через закрытые двери, бесплотные страхи и призраки, которые исчезнут лишь со смертью формы. Как Прометей прикован к скале, так без личностный дух прикован к личности, пока не пробудится в нем сознание божественной силы, и он не разобьет цепи.

Материальная оболочка человека — далеко не весь человек. Большая часть элементов, составляющих его существо, пребывает вне его физического тела. Однако те из них, что вовне, тесно связаны с теми, что внутри, хотя последние этого зачастую не осознают. И тем не менее они воздействуют друг на друга.

Дух не ограничен формой, но лишь затенен ею; форма не содержит дух, она лишь его внешнее выражение, музыкальный инструмент в руках духа, который слушается его и услаждает его слух.

Древнее изречение гласит:

"У всего сущего на земле есть эфирный двойник над землей; всё, сколь бы незначительным оно ни казалось миру, имеет связь с высшим. Поэтому если низшее действует, главенствующая высшая часть откликается на это". (69)

Величайшие философы античности учили, что Ноус, постигающий нумены, всегда пребывает вне физического тела человека; его затеняет голова, но лишь невежды считают, что он — внутри них. Современные философы пришли к подобным же заключениям.

Фихте пишет так:

"Подлинный дух, явивший себя в человеческом сознании, должен рассматриваться как безличностная пневма (мировая причина), и цель всего развития человека состоит в замене индивидуального сознания мировым".

Величайший из учителей Гаутама Будда говорил:

"Преходящее никогда не смешивается с непреходящим, хотя оба едины. Когда уходят все внешние проявления, остается только жизненный принцип, не зависящий от внешних явлений. Он — пламя, горящее вечным светом, когда дрова кончились и костер погас, ибо это пламя — не костер и не дрова, и оно не внутри них, но над ними, под ними и везде".

Это подлинное, неразрушимое "Я" — надличностный принцип.

Гермес Трисмегист говорит:

"Отец его — Солнце, мать его — звезды, а тело — поколения людей".

Это *"шестой принцип"* оккультистов; он не может войти в физическое тело человека, но с ним может слиться душа. Это подлинное Эго человека, и тот, чья личность поглощена им, обретает бессмертие. Это настоящий, живой Христос истинных христиан, не умерший Иисус, а живой Спаситель, который останется с верными ему до конца мира; и каждый, кто воссоединит с ним свое "я", вне зависимости от его убеждений и вероисповедания, поистине станет настолько Христом, насколько был им Тот, кто воплотился некогда в мире.

Это Логос античности, Адам Кадмон евреев, Осирис египтян, Ишвара индусов, Путь, Свет и Истина, божественное "Я" любого человека и всеобщий Спаситель.

Тот, кто сумел слить элементы своей души с этим высшим, эфирным "Я", в собственном сердце ощутит его силу. Этот принцип окрестит его душу огнем, и принявший огненное крещение станет первосвященником и Царем. Тот, кто чувствует его влияние, — подлинный *"наместник Бога"*, ибо через него действует высшая сила мира. Принцип этот наполняет познавшего его покоем, *"что превосходит понимание"*; сердца людей тянутся к такому человеку, и блаженство приходит ко всякому, кто оказывается рядом с ним.

Этот принцип отпускает людям грехи, превращая их в тех, что не грешат, а значит, не нуждаются в отпущении; чтобы дать совет, ему не нужно выслушивать исповедь, ведь он знает сокровенные думы каждого, и его увещания слышны в сердце любого, кто научился понимать их язык. Способность воспринимать их дает человеку веру, ибо он может теперь узреть истину, в то время как раньше он полагался на чужие слова. Тот, кто учится у истины, не ошибается.

Она говорит с человеком, однако не он принимает её, а она вбирает в себя его душу. Она возвращает жизнь умирающему, ибо бессмертна; тот, кто сольется с ней, причастится её бессмертия. Брак, заключенный в истине, нерушим, поскольку в этом источнике всё человечество есть одно нерушимое целое. Попытка отпасть от нее равносильна гибели. Область, в которой обитает этот принцип, — область вечной жизни, единственная подлинная и безгрешная "церковь", которую нельзя лишить власти.

Эта церковь— воистину "католическая", вселенская, вне её не может существовать ничто, как ничто не может существовать вне жизни. У нее нет названия, она не требует за посвящение мзды, не ждет соблюдения ритуалов. Язычники и неверующие могут войти в неё, не меняя своих убеждений, ибо не существует убеждений там, где душе открывается сама истина.

Но этот подлинный принцип-Христос— не Иисус общепринятого христианства; он давно изгнан из наших храмов, а на месте его воссел призрак. Менялы и торгаши заповилили храм души, они приносят кровь бедняков в жертву деревянным идолам; отвернувшись от истины, они поклоняются мишурному блеску, расточая богатства народов ради удовлетворения собственного тщеславия. Подлинный "Сын Человеческий" осмеян теми, кто называет себя верующими в него; оклеветанный лицемерными друзьями, он распят теми, кто не признал в нем единственного источника своей жизни. Его убили люди в своих сердцах, по невежеству, по глупости, ибо не знали, что делают, не знали, что основа их жизни уходит вместе с ним.

Современная цивилизация избрала религию эгоизма и отвергла проповедь любви; она унижается, склоняясь к ногам идолов, хотя могла бы восстать в величии и чистоте, как королева всего творения. Но человечество ещё спит, оно не окончательно пробудилось к жизни.

Оно ищет Бога, которого не знает, и не может понять, что Бог — в нем самом, и нет другого. Люди требуют второго пришествия, не понимая, что для этого нужно лишь открыть двери сердца.

Этот неведомый им Бог согласен принять всех. Это принцип, готовый родиться в каждом сердце, где найдется для него место. Он всегда пробуждается к жизни в "яслях" между элементарными и животными инстинктами человека. Ему не пристало рождаться среди роскоши, потому что гордость и предрассудки враждебны этому принципу, и в сердце, полном тщеславия, он быстро задохнется.

Известие о его рождении вызывает трепет восторга во всем физическом теле, и утренние звезды поют от счастья, возвещая рассвет дня Воскресения духа. Три волхва с Востока — Любовь, Мудрость и Сила — приходят к яслям и приносят дары младенцу. Он растет, и постепенно его божественная природа начинает проявляться. В храме разума он вступает в спор с интеллектуальными силами, и они смолкают перед глубиной его познаний. Он постигает тайны, недоступные интеллекту, который исходит из чувственных восприятий.

Седовласая материалистическая наука, пожилая софистика, логика, строящаяся на неверном понимании фундаментальных законов Природы, — все они расступаются, принужденные признать мудрость юного Бога.

В пустыне материальных желаний его искушает сатана — "я". Но стремление к собственной выгоде не может сбить его с пути, ибо у без личностного нет личных интересов. "Сатана" не предложит ему ничего нового, ведь он, Всевышний, владеет всем, что ниже его.

Этот принцип, в своей целостности, — первое проявление Абсолюта, всегда сосуществующее с последующими. Он — "единородный сын" своего отца, и он стар, как его отец, ведь проявленный Абсолют лишь тогда может стать "отцом", когда рожден "сын". (70)

Это — живое Слово; любой человек — Христос, ибо в нем воплощается "сын Бога". Он — божественное "Я" каждого из нас, изначальный эфирный двойник, в котором нет пороков, ведь они присущи только форме.

Этот принцип не личность, но может стать таковой, войдя в человека и все же оставшись, по сути, без личностным — живым принципом, вездесущим, неискаженным, бессмертным. Так совершается великое таинство, недоступное интеллекту, который способен рассуждать лишь от частного к общему; но душа, в которой пробудилась способность к духовному, взирает на происходящее с изумлением и восторгом. Дух лишен формы и постигает вне форменное; интеллект же привязан к форме и может познать что-то иное только при помощи духа. Интеллект имеет дело с конечным, и лишь если его озарит тот самый принцип, в существовании, которого он в обычном состоянии сомневается, бесконечное окажется ему доступно.

Пока интеллект, колеблясь, сомневается в существовании Духа, он не сможет его осознать, поскольку в глубины, где скрывается Дух, может проникнуть лишь незамутненный разум. Простое "верование" — удел невежества, подлинная вера основана на знании. Но мы не можем увериться в существовании того, чего не понимаем и не осознаём. Знание, сознание, уверенность в существовании чего бы то ни было должны прийти изнутри. Можно искать Бога внутри себя, но нельзя создать его.

Нам нужно подготовиться к его пробуждению — очистить разум и душу от интеллектуальных предубеждений и чувственных привычек, и когда проснется божественный принцип, придет "благодать". Эта благодать — не милость, дарованная пристрастным, капризным, персонифицированным богом, а результат сильного желания, которое способно само себя удовлетворить, и, если его нет, просить о чем-то бесполезно.

Человек, чье сердце стремится к низменному, с тем же успехом станет молить о высоком, как если бы желудь, накрытый камнем, просил о превращении в дуб. Доверять безоговорочно словам бонзы или священника — слабость, учиться распознавать истину — сила, ибо только через познание можно прийти к уверенности и к подлинной вере.

Когда в человеке пробуждается божественный и безличностный принцип, он воздействует на него с пяти точек притяжения — об этом свидетельствует знак пятиконечной звезды, а в христианском символизме — крест. Тело узнает новые ощущения, сердце начинает биться быстрее, животные силы с пришествием "*Христа*" начинают бушевать в своем "*аду*", голова, ладони, ступни и другие части тела болят, и кандидат в бессмертные, будь он христианин, мусульманин, брахман, иудей или неверующий, может таким образом физически испытать то, что иносказательно описано как крестная мука Христа. (71)

Соединение бессмертного со смертным неизбежно приносит смертному боль, пока низшие элементы не станут полностью покорными и бессознательными — это происходит, когда в сердце (в душе) ещё остается кровь (земное начало) и вода (жизненное начало), но материальный огонь, что наделяет эти элементы сознанием, покидает тело. (72)

После смерти, когда покров материи, сковывавший дух, разорван, человеку уже "*не перебыют голеней*", (73) так как высшие элементы его души (74) уже не будут в муках отделяться от низших (ведь они при жизни утратили тесную связь). Только у неспелого плода косточку трудно отделить от мякоти.

Бессмертный дух не испытывает боли, но два разбойника (четвертый и пятый принципы (75), которые воскреснут вместе с ним, чувствуют притяжение трех низших земных стихий. После этого разделения Исида, богиня Природы, мать тела, вечная девственница, которую обычно зовут Марией, (76) позаботится о своем сыне. Его жизненное начало ляжет в новую гробницу, "*где не было до того человека*", и перейдет в другую форму, растительную или животную. (77) Возвратившись в колесо воплощений, оно поможет родиться зерну и взрасти винограду и вновь войдет в человеческую плоть с вином и хлебом.

Тот, кто вкусит этой пищи, соединится с жизненным началом Природы, как тот, кто сольется с духом, своим высшим "*Я*", соединится с подлинным Христом.

Вот так и оказывается, что христианское аллегорическое повествование на самом деле описывает оккультное таинство, о котором, конечно же, знали задолго до возникновения христианской церкви.

Основа этого таинства — мировой закон, а значит, история его не короче истории человечества.

Индийский йог, практикующий йогу, (78) сливает свое низшее "я" с высшим; брахман, который через медитацию и изучение священных книг достигает соединения своего атмана и мирового Парабрахмана; буддист, стремящийся уничтожить свое низшее "я", дабы его лишенная формы суть могла раствориться в нирване, — все занимаются одним и тем же; но невежды, называют ли они себя брахманами, буддистами, христианами или как-то ещё, невежды, которые видят в аллегориях естественных и сверхъестественных сил индивидуализированные образы богов, — на самом деле идолопоклонники.

Тот, кто исполняет обряды, не понимая их истинного значения, — служит иллюзии. Заставлять невежду сменить один мираж на другой — бессмысленно; и деньги, и время, потраченные на такое "*обращение*", — потеряны. Глупость, заменившая глупость, остается глупостью; переход на другую точку зрения не дает знания, и тот, кто объявил себя мудрым, совершенно не обязательно таковым является.

Если человек знает истину, не столь уж важно, как он её называет и как пытается выразить невыразимое. Буддист, который видит в статуе Будды символическое воплощение жизненного принципа в память о реально существовавшем некогда человеке, в котором этот принцип проявил себя наиболее полно, человеке, которому хотелось бы подражать, и возлагает у ног статуи цветы и плоды, столь же близок к предвечной истине, как и христианин, для которого образ Иисуса из Назарета есть выражение высшего идеала.

Множество усилий и огромное количество времени было потрачено на то, чтобы доказать или опровергнуть, что основатель христианства — человек, на самом деле живший в Палестине в начале новой эры. Может, конечно, историку и очень интересно узнать, существовал ли человек по имени Иисус, или Иешуа, и если был, то, когда, но для дела спасения человека этот вопрос не представляет особой важности.

Люди — только формы, и, как таковые, они ограничены, являясь всего лишь частью целого, а целое не может зависеть от части. Если Иисус, как его описывают в Новом Завете, действительно существовал, он, несомненно, был величайшим адептом и поистине "*Сыном Божьим*", как и всякий, в ком пробудился божественный Дух, осознавший себя Сыном Божьим (79) и воплощением Слова. Насколько мы можем судить, он был совершеннейшим воплощением духа истины среди всех, кто когда-либо жил на Земле, но истина существовала и до него, и она — не в надежде на то, что некто спасет человечество от зла; эта внешняя форма — всего лишь её выражение. Те, кто верит в дух Христа, — неважно, верят ли они при этом в его действительное существование, — истинно верующие, а те, кто не следует его заповедям, но верят в него как в личность, почитают форму без жизни — иллюзию.

Идея спасения человечества восходит отнюдь не к предполагаемому времени жизни исторического Христа. Судьба Христа имеет прообраз в судьбе Кришны. Греки поведали о спасении души в аллегорическом рассказе об Амуре и Психее. Психея (душа человека) каждую ночь наслаждается объятиями своего божественного возлюбленного Амура, (шестой принцип).

Она чувствует его священное присутствие и слышит голос интуиции в своем сердце, но ей не дано видеть источник этого голоса. Когда бог спит (когда молчит интуиция), пробуждается любопытство, и деве хочется увидеть бога.

Она зажигает светильник разума и пытается критическим взором рассмотреть источник своего счастья; но тут бог исчезает, так как тучи и призраки, порожденные низшими устремлениями её разума, скрывают от глаз высшие духовные истины. В отчаянии скитается она в нижних пределах, куда влекут её эмоции и чувства, но разум не помогает ей найти своего бога на материальном плане. Уже готовая умереть, она спасается силой любви, которая связала её с её спасителем.

Подчинившись её тяготению, она соединяется с ним, но не бездумно, как прежде, а сознательно и с пониманием.

Современное христианство не отменило олимпийских богов, ибо они— аллегорические представления истин, а истины нельзя отменить. Законы Природы в наши дни те же, что и во времена Тиберия; христианство только поменяло символику и назвало старые вещи новыми именами.

Нынешние писатели и поэты выражают эти же древние истины по-своему. Гёте, например, замечательно воплотил их в своем "*Фаусте*". Доктор Фауст, прославившийся своим умом и ученостью, достиг вершин в науке, но так и не сумел постичь истину: В том, что известно, пользы нет, Одно неведомое нужно.

Впав в отчаяние от того, что все его умствования оказались бесполезными и бессмысленными, он заключает сделку с принципом зла, который помогает ему обрести богатство и власть, добиться любви и познать все чувственные удовольствия, какие только возможны. Но в глубине души **Фауст** понимает, что, услаждая себя, нельзя стать по-настоящему счастливым.

Ни блеск императорского двора, ни красота Елены, которая возвращается из земли теней по его повелению, ни оргии в "*Блоксберг*", где обретают полную свободу все человеческие страсти, не могут утолить его желаний. Став Властелином мира, он замечает убогую хижину — последнее, что еще не принадлежит ему, — и присваивает её, не ведая жалости к её обитателям. Но всего этого ему недостаточно.

И только когда благодаря его усилиям часть суши встает из океана, и он видит, как радуются другие, пожиная плоды его трудов, к нему приходит покой. Так впервые в душе его поселяется устремление, не обращенное к собственному "я".

Оно наполняет его величайшим счастьем, и в созерцании чужой радости личность его умирает, а высшее "Я" обретает славу и бессмертие.

Истина знает, что она есть, но не может осмыслить себя, не посмотрев на себя со стороны, а при этом она перестает быть собой. Глаза не увидят сами себя без зеркала; чтобы понять добро, надо столкнуться со злом, а, чтобы стать мудрым, надо прежде обезуметь и вкусить запретный плод. Безличностной силе, облачающейся в форму, ведомо только собственное существование. Познать законы мира без формы нельзя, но, когда они познаны, форма больше не требуется.

Желание существовать в качестве личности запирает дух человека в смертной оболочке; тот, кто во время земной жизни избавляется от этого желания, получает свободу.

Божественный Будда, отдыхая под деревом бодхи — древом мудрости — и размышляя о цепи причин, сказал:

"Неведение — источник всего зла. Из него возникают самскар (устремления) порожденной естеством триады — тела, речи и мысли (во время предыдущей жизни); из самскар происходит (относительное) сознание, а от него — имя и форма, дающие начало шести сферам (шести чувствам); из них происходит желание, из желания — привязанности, из привязанностей — существование, рождение, старость, смерть, печаль, слезы, страдания, уныние и отчаяние.

Избавление от невежества разрушает самсары и их сознание, имя, форму, шесть сфер, соприкосновение, ощущение, желание, привязанности, существование и следующее за ним зло. От неведения исходит всё зло, знание кладет конец несчастьям.

Истинно просветленный разгоняет полчища иллюзий, как солнце, сияющее в небесах".

Ощущение собственной личности рассеивается силой любви, и чем явственнее человек изливает свою любовь на других, тем меньше он сознаёт себя как личность. Мы уважаем тех, кто ставит общее благо превыше собственных интересов, и восхищаемся людьми великодушными, самоотверженными и щедрыми, однако все эти достоинства окажутся нелепыми и бесполезными, если исходить из того, что высшая цель человеческого существования— стать самому счастливым в этом материальном мире, ибо здесь величайшее счастье заключается в обладании. На физическом плане отдать— значит потерять.

Но для того, кто ищет силы без личностного, отдать свое — означает обрести, ибо чем меньше он скован своими привязанностями, тем больше расширяются горизонты его индивидуальности. Однако отдавать, ожидая чего-то взамен, с этой точки зрения бесполезно, ибо тот, кто делает так, не отдает, а совершает мену, как торговец, цепляющийся за свое добро, соглашается уступить его часть, только если ему посулят за это что-то лучшее.

Ни белые, ни черные маги не преследуют личных целей. Тот, кто закоснел во зле, не действует под влиянием порыва; напротив, он полностью владеет собой, разжигает страсти в тех, кто недостаточно тверд, чтобы сопротивляться, и заставляет их служить его интересам.

Он расчетливо избирает мишень для своей ненависти, и воля его, направленная против этого человека, несет в себе зло. Слабовольные и подверженные чужому влиянию люди могут заболеть от его прикосновения, а злобный взор его действует словно яд.

Эмоции, вызываемые таким злодеем, привлекают к себе соответствующие им элементы; он сотрудничает со злыми силами астрального плана, подчиняя их себе или подкупая, либо заключая с ними союз, потворствуя их злым желаниям и требуя за это помощи. Черный маг, вместо того чтобы расширять сферу действия своих сил, собирает их как бы в одной точке. Его воля скорее агрессивна, чем могущественна, что достигается порой специальными упражнениями, скажем, попытками равнодушно переносить физическую боль, и некими обрядами, призванными разбудить воображение.

Энергии, запасенные в астральном теле такого мага, сохраняются надолго и после того, как физическое тело его умрет, но в конце концов расточатся в страданиях и гибели на астральном плане.

Черный маг противопоставляет свою личную волю космической и в результате приходит к одиночеству и смерти.

Белый маг укрепляет свою волю и расширяет сферу её действия за счёт того, что приводит её в согласие со вселенской Волей. Цель его — помогать процессу эволюции, а не противиться ему, а поскольку развитие Природы идет в сторону большего единства, первое проявление воли белого мага есть любовь ко всему человечеству, и каждое деяние, служащее выражением этой любви, придает большую силу его воле. Слить свою волю со вселенской Волей не означает предаваться праздному созерцанию духовных истин; это значит деятельно участвовать в процессе эволюции, быть подлинным соратником благодетельных сил, строителей звездной Вселенной.

Подобного единения не достигнет смиряющийся перед превратностями судьбы и принимающий равнодушно всё, что происходит; еще меньше может рассчитывать на него тот, кто покоряется чужой власти, якобы исходящей от бога, — лишь те, кто твердо решил делать всё, что в его силах, для блага человечества и неуклонно претворяет свое решение в жизнь, обретают его.

Отсутствие себялюбия и духовная мощь определяют сферу влияния конкретного человека, которая может охватывать его семью, деревню, город, страну или всю землю. Многие стремятся к власти и для того, чтобы обрести её, копят богатства или добиваются положения в обществе. Но власть, полученная таким образом, не есть личная власть. Глупец может сделаться папой, царем или миллионером, и люди будут повиноваться ему, склоняясь перед его богатством или титулом.

Они станут презирать человека и почитать то, чем он владеет и что он сам почитает раболепнее, чем последний из его слуг. Он — не властелин, властелин — его деньги, и они помыкают им и другими, будучи в данном случае реальностью, в то время как сам он — только иллюзия. Исчезни богатство — и личность его исчезнет, и те, кто прежде склонялись у его ног, не подпустят его к своему столу. Духовная власть человека не зависит от подобных артефактов, добродетель ценится повсюду, где о ней знают, а сильный дух воздействует на всё, что его окружает.

Любви противостоит ненависть, она — оборотная её сторона. Любовь и ненависть — два крайних проявления одной и той же силы, обращенной к добру или ко злу. Ненависть, как и любовь, безличностна; существо, чьё индивидуальное сознание полностью захвачено ненавистью, становится безликой силой зла и как таковое может творить зло.

Зло дает порой не меньшую власть, чем добро, но в итоге, когда противостояние между двумя лагерями достигнет критической точки, закон справедливости будет на стороне добра.

Любовь должна победить ненависть, ибо, объединившись с мудростью, она окажется сильнее. Она объединяет и собирает, и даже сама ненависть обращается в любовь силой истины.

Ненависть разделяет и разводит в разные стороны. Любовь связана с мудростью, ненависть вырастает из невежества.

Поэтому Мудрость — истинный Спаситель всего доброго и сокрушитель злого. Любовь, изливающаяся от центра к периферии, лишает человека сознания собственной индивидуальности и возвышает его душу над тяготением земли, делая его сильнее и могущественней. Нисходя от периферии к центру, она порождает форму, личность, себялюбие, бессознательность и смерть.

Пробуждаясь вновь в форме, любовь опять крепнет и расширяет свои горизонты, вбирая в себя самые тонкие и одухотворенные элементы внешних оболочек, и тем самым выводит их из склепа материи и гробниц формы к возрождению.

Человека можно сравнить с планетой, вращающейся вокруг некоего центра: выше сияет свет, ниже лежит тьма, центр же— средоточие индивидуальности. Свет внизу и тьма наверху влекут его, ибо они полны жизни и кипучей энергии; и лишь в центре— мёртвая форма, спрессованная силой эгоистических устремлений, бессознательная и неподвижная из-за своей плотности, замерзшая вдали от Духовного Солнца.

Чем больше человек удаляется от этого центра, тем ближе становятся свет или тьма, и в некий момент, когда притяжение собственного его "я" исчезнет, он либо поднимется к источнику света, либо погрузится во тьму, в зависимости от того, к чему стремился. Возвращение из тьмы к свету, от Зла к Добру возможно лишь пока человек не вышел на ту орбиту, где тяготение "я" теряет силу и остается лишь противоборство света и тьмы. Оттуда вернуться уже нельзя, ибо там совершается "*смертный грех*"; лишь освободившемуся от индивидуальности человеку дано совершить его, ибо тот, кто связан с формой и поработен любовью к собственному "я", не свободен в своих деяниях. Цепляясь за свое "я", он преследует личные цели и сам не ведает, что творит. Ошибочно принимая низшее за высшее, он связывает себя с ним и вместе с ним умирает.

Только тот, кто познал себя, обладает свободой выбора, ибо он знает, что выбирает; у слепого выбора нет.

Лишь в конце, когда все обретут знание и свободу, настанет срок возрождения человечества, свет разойдется с тьмой и окончательно восторжествует Добро. Потом придет день Страшного суда, о котором говорит Откровение, когда волна жизни завершит свой седьмой круг в цепи планет, и разверзнется бездна, и отделены будут добрые от злых. Но не будет судии и предстоящих ему, а лишь силы Добра и Зла, и силы Добра станут неотъемлемой частью и воплотят в себе власть Закона. (80)

Человек возрождается семь раз. Его жизненное начало возрождается в растениях, вырастающих на могиле, и червях, питающихся его плотью; душа — когда освобождается от оков тела, а дух — когда вырывается из-под власти элементарных сил, связанных с деятельностью души. Помимо этих, так сказать, материальных возрождений, человек может возрождаться от себялюбия к осознанию своей подлинной безличной сущности, от невежества к знанию и, наконец, к полному освобождению от тяготения зла (о чем говорится в "*Отче наш*").

Так добро и зло восстают из могилы формы — добро для блаженства, а зло для проклятия, — но невежды, не ведающие ни добра, ни зла, не узнают и возрождения, ибо не жили в духе.

Они не разорвут пут, связывающих их с формой, и будут спать, так сказать, замурованные в пространстве, и "не оживут, доколе не окончится тысяча лет (81) ", (82) а потом смогут опять взяться труды в начале мира.

Но Тот, кто есть, будет по-прежнему восседать на белом престоле, хотя бы земля и небо бежали от лица Его, (83) и силы добра, дхиян-чоханы, сыны мудрости, над которыми "*смерть вторая не имеет власти*", будут с Ним, (84) как первосвященники и цари, когда пралайя закончится и он повелит опять:

Да будет Свет.

Глава XII

ВЫВОДЫ

Тот, кто существует в жизни, как в вечности,
и в вечности, как в жизни, — свободен.

Якоб Бёме

Облечь в образы вечное и непознаваемое, описать словами невыразимое — задача невероятной трудности. Вне форменное нельзя облечь в форму, его можно только представить в аллегориях, понятных лишь тем, чье сердце открыто свету истины. Неправильное толкование аллегорического языка священных книг привело к религиозным войнам, к тому, что были замучены, сожжены, убиты тысячи невинных жертв; до сих пор в Индии существует обычай сжигать вдов вместе с телами мужей; там и по сей день можно видеть, как простой народ ложится под колесницу Джаггернаута. Именно из-за непонимания идут вечные споры между двумястами течениями христианства.

Истина дарует человечеству целостность и гармонию, незнание её порождает бесконечные разногласия и бесчисленные беды.

В Библии говорится:

"Тайное принадлежит Богу",

и в Бхагавадгите та же истина повторяется другими словами:

"Тем, чьи души влечет моя незримая природа, придется нелегко, ибо трудно найти незримый путь облаченным в тело".

Величайшие поэты мира нередко сожалели о бедности человеческого языка, так как им не хватало слов, чтобы передать речи сердца; а те, чьи разум и душа были чисты и готовы к приятию духовных истин, мудрейшие из людей, такие как Будда и Иешуа, не оставили нам никаких записей своих учений, которые не вмещались в слова; и их идеи могут постичь лишь те, кто чувствует то же, что они, и чьи сердца открыты свету божественного откровения.

Природа всего сущего триедина, и потому символы священных книг Востока и Запада заключают в себе тройной смысл: экзотерический, эзотерический и тайный. Обывателю— неважно, учен он или не учен, — доступен только внешний сюжет, который в большинстве случаев настолько нелеп, что уже одно — это должно заставить каждого здравомыслящего человека задуматься; с другой стороны, нелепость его не настолько бросается в глаза, чтобы смутить невежд, и они могут либо принимать священные тексты буквально, либо отрицать само учение из-за кажущейся противоречивости, не попытавшись проникнуть глубже, или же в раздражении выяснять истину в споре с воображаемыми оппонентами.

Тех, кто стремится узнать, можно научить, но те, кто считает, что им всё известно, отказываются учиться. Потому-то светила науки и ученые богословы, призванные хранители истины, часто последними приобщаются к подлинному знанию.

Старая французская поговорка, гласящая

"les extremes se touchent" (крайности сходятся),

справедлива в области разума так же, как и везде.

Эзотерический смысл символов внятен всем, кто доверяет собственной интуиции, и любому, кто не отвергает истины, его можно растолковать.

Однако тайное значение образов священного учения нельзя выразить словами, его может постичь лишь тот, кто уже сам вступил на путь, ведущий к совершенству.

Как нам найти дорогу? — Выхолощенная рационалистическая наука, устаревшая созерцательная философия и безжизненная умствующая теология ныне корчатся в предсмертных судорогах.

Человечество пробудилось ото сна и взмолилось к ним о хлебе мудрости, но получило лишь камень.

Люди обратились к науке, но наука в своей суетности лишь молча отвернулась от ищущих; тогда они прибегли к философии, но та ответила им на непонятном языке и только сильнее их запутала; теология же пригрозила неугомонным вопрошателям адскими муками и ничем не разрешила их недоумения.

Однако человечество более не согласно терпеть подобное. Оно не хочет мириться с тем, что истина известна лишь избранным, оно желает знания для всех.

Если мы стремимся вступить на путь, ведущий к бессмертию, первое, что нужно — Знать.

Мы должны научиться познавать истину, а для этого надо выкинуть из головы весь рациональный мусор, который туда вложила извращенная система современного образования. Чем больше ложных знаний мы усвоили, тем сложнее будет приготовить дом для истины, и могут потребоваться долгие годы на то, чтобы забыть все, чему нас научили ценой огромного труда и немалых затрат.

Библия учит:

"Будьте как дети" — лишь тогда откроется путь в царство истины.

Главное — познать себя, тогда мы поймем, что мы — цари Вселенной. Подлинный Человек — Сын Бога, он неизмеримо чище, выше и величественнее, чем та ничтожная кукла, которую изучают наши антропологи.

Человек, познавший свою истинную суть, по праву гордится своим могуществом; человек, с которым имеет дело современная наука, не может не стыдиться своего бессилия. Первый по праву ставит себя превыше богов, а второй, червь земли, забивается в угол и только молит о защите настоящего, божественного Человека. Мыслящий Человек — дитя неба, он властвует над всем, что охватывают его думы; не рассуждающий — игрушка полуживотных сил, подвластная их прихотям и капризам; он может смирять их, ибо несет в себе искру божественного огня; но чаще всего эта искра обречена бесполезно тлеть и гаснуть.

Первый бессмертен, второй проживает краткую жизнь в плену иллюзий. Первый знает, что он вовеки пребывает во Всём, второй постоянно ожидает смерти или же надеется по милости персонифицированного бога обрести собственную вечность и со всей своей грязью войти туда, куда не войдет ничто нечистое и никто, преданный мерзости и лжи. (85)

Есть три рода знания: полезное, бесполезное и вредное. Наиболее полезно знание истинной природы человека, его предназначения и его возможностей. Потому нет знания выше религии, иными словами, верного знания о том, что связано с духовной, чувственной и телесной природой человека. Тот, кто владеет им, — могущественный целитель душ и тел, он лечит силой собственного духа.

Поэтому любая попытка отделить религию от науки, этику от медицины — роковая ошибка.

Бесполезное знание — это то, что рождается из иллюзий и заблуждений. Это не подлинное знание, хотя многие его положения у цивилизованных людей считаются основой основ. Многие наши *"научные достижения"* не представляют никакой реальной ценности, поскольку базируются на ложных представлениях, и какими бы логичными ни были сами умозаключения, выведенные из ложных посылок, ложь порождает только ложь. Пока истинная природа человека не познана, его низшие интересы часто принимаются за высшие.

Научные достижения— зачастую всего лишь способ играть на невежестве тех, чей ум не настолько изощрен, способ добиться денег и материального благосостояния, причем способ весьма действенный.

Но духовное развитие они задерживают, а потому, мягко говоря, бесполезны с точки зрения истинных и неизменных интересов человека.

Вредное знание— это научные изыскания, никак не соотносимые с нравственным аспектом истины.

Это неполное знание, так как оно открывает только часть правды. Интеллектуальный рост, не сопровождаемый ростом нравственности, — проклятие человеческого рода. Знание должно освещаться Мудростью, иначе оно становится опасным. Истины, истолкованные неправильно и использованные во зло, умножают страдания. Обретя силу, человек далеко не всегда представляет, как эту силу правильно использовать.

Изобретение гремучей ртути, пороха и нитроглицерина принесло множество бед человечеству. Не то, чтобы сами эти вещества или выделяемые ими энергии были плохи, печален результат их неверного использования.

Если бы люди обладали достаточным интеллектом, чтобы понимать законы, определяющие эти процессы, и достаточной мудростью, чтобы использовать свое понимание во благо, никакого зла не произошло бы.

Однако если далее мы представим умного, но безнравственного и эгоистичного человека, который способен использовать во зло не только взрывчатку, яды или медицинские препараты, но и собственную злую волю и покидает дом-тюрьму физического тела, чтобы в астральной форме убивать или калечить людей, картина получается ещё более ужасной.

Порой таким запретным знанием овладевали и до сих пор овладевают люди по натуре преступные: подобные случаи хорошо известны на Востоке и порой всплывают в средневековых судах над ведьмами. Современные ученые могут, конечно, смеяться над подобными сообщениями, но богословы и врачи-прежних времен доверяли своим знаниям ничуть не меньше, чем их теперешние последователи— современной науке, притом, что были ничуть не глупее. Различие только в том, что прежние учёные признавали подобные факты, но давали им неверное толкование, а наши современники отрицают их и не дают им никакого объяснения.

Человек постоянно подвергается невидимым воздействиям; астральный план кишит сущностями и энергиями, которые, согласно его добрым или злым наклонностям, так или иначе влияют на него. На нынешней стадии развития у человека есть физическое тело, прекрасно приспособленное для отражения астральных влияний, которое защищает его от "*чудовищ бездны*". Здоровое тело работает как броня, и более того, сознательно упражняя волю, человек может так собрать окружающую его одическую ауру, что эта броня станет непробиваемой. Однако болезнь, чрезмерная трата жизненных сил или занятия медиумизмом приводят к тому, что человек рассеивает в пространстве свою энергию, и физическое тело перестает защищать его. Тогда он становится жертвой элементариев и элементарных сил, теряет душевное и умственное равновесие и рано или поздно, подобно символическим Адаму и Еве, узнаёт, что наг и открыт для всех внешних воздействий. Вот чего добиваются все те, кто жаждет знания без нравственного самоусовершенствования.

Дозволить глупцу или человеку слабовольному овладеть разрушительной силой— то же, что разрешить детям играть со спичками и порохом.

Только мощный и уравновешенный разум способен видеть ясно и проникнуть в смысл скрытых таинств Природы.

"Лишь чистые сердцем узрят Господа". Тому, кто достиг этой ступени, не нужен адепт, открывающий знание; его станут учить высшие существа, он притянет их, как его самого притягивает красота зверушки или цветка.

Арфа не сама производит звук, но подчиняется руке мастера, и чем совершеннее инструмент, тем прекраснее музыка. Алмаз не излучает свет, а отражает его, и чем чище алмаз, тем ярче его блеск. Человек не имеет ни собственных мыслей, ни воли, ни интеллекта. Он — зеркало, отражающее думы высшей Первопричины, инструмент, с помощью которого проявляет себя извечная Воля, жемчужина с капелькой воды из мирового океана Разума. *"Если вы вкусите от древа познания, то умрете"*.

Ваша личность исчезнет, когда будет познано, что любое разделение — только мираж, что вы и мир — одно. Но когда умрет личность, высшая истина откроется перед вами, и вы станете не просто образом Божьим, но Богом (Благом).

Тот, кто взбирается на вершину высокой горы, не станет просить о глотке свежего воздуха, ибо воздух здесь чист повсюду. Царство мудрости безгранично, и тот, чей разум готов к восприятию, не нуждается в божественном откровении, питающем его помыслы.

Много лет нужно учиться в школе оккультисту, и каждый класс — это жизнь. Каникулы иногда наступают прежде, чем пройден весь курс, да и то, что усвоено, забывается за время отдыха; но какой-то отпечаток остается, и то, что когда-то учил, легче потом вспомнить. Успех зависит от способностей человека и от его склонностей — ко благу или ко злу. Ничто не пропадает — причина неизбежно порождает следствие; здесь не дожидаться незаслуженных наград, но нет и несправедливости.

Неподкупен и неумолим праведный Закон, и каждому воздается по его достоинствам и недостаткам; однако тот, кто не ищет наград и не боится наказания, но поступает правильно, ибо не может иначе, отождествляет себя с Законом и в извечном равновесии Закона обретает Силу.

Второе требование— Желать.

Если мы не стремимся познать истину, мы не познаем её, ибо она — в Духе, а Дух подчиняется вселенскому закону тяготения: его привлекает близкая по настрою душа и отталкивает чуждая. Люди обычно считают, что любят истину, но лишь немногие по-настоящему её жаждут. Им нравится только приятная правда, неприятная обычно отвергается. Они признают суждения, которые тешат их самолюбие и не противоречат привычному; на нечто новое взирают с изумлением и чаще всего вышвыривают его с порога. Люди часто боятся того, чего не знают. У новых истин спрашивают паспорт, и, если там нет штампа общего места, на них смотрят как на незаконнорожденных и не дают им спокойно взростеть.

Как можно узнать истину? — Неразумный потребует от неё доказательств, но разумному будет достаточно её увидеть. Разницы между умозрительным и опытным знанием не существует; идеи, основанные только на умозаключениях, просто не есть знание. Истину возможно установить логическим путем лишь тогда, когда рациональные построения не отрываются от опыта. Тот, кто хочет познать истину, должен пережить её, ибо тот, кто не испытал сам, не знает; рассуждения без опыта не дают достоверного результата.

К ложному знанию можно прийти двумя путями. Первый столь же утомителен, как движение по реке против течения: он сводится к изучению следствий и разгадыванию их причин. Это индуктивный метод, им обычно и пользуется наука; он похож на странствие по окружности в попытке найти её центр. Другой метод— дедуктивный: здесь центр обнаруживается усилием мысли, и уже от него начинается путь на периферию— от причины к следствиям. Второе, конечно, легче, если знаешь центр или можешь найти его. Но глубинная суть всех вещей — дух, и смертный не может постичь его разумом и уж тем более— воспринять с помощью физических чувств.

Обрести подлинное, практическое знание духовных истин можно лишь развив способность духовного восприятия— другими словами, пробудив внутреннее сознание к постижению истины. Душа, очищенная от эгоистических желаний, стремящаяся узнать правду и ничего кроме правды, тем самым уже *"целиком и полностью готова"* войти в храм мудрости.

Адепт, отождествивший себя с центром Мирового Разума, сможет обозреть оттуда всю бесконечность Мироздания, и все таинства Природы откроются ему. Тот, чья сущность пребывает в гармонии с Мировым Разумом, может мысленно проникнуть в суть любой вещи и познать её природу. Того, кто способен узреть истину духовным взором, не собьют с толку никакие рассуждения и доказательства, потому что он знает истину и ничто не может его разубедить. Рационалисты пытаются логикой воздействовать на адептов, так как не могут понять, что такое духовное восприятие и чем оно отличается от их умственных потуг.

Чтобы достичь состояния, когда извечная истина напрямую открывается нам, нужны не умственные усилия, а духовное развитие. Мы должны стать хозяевами собственных мыслей и желаний, научиться погружаться разумом в незримый центр мира. Но все это требует усилий и упорства, и рядовой искатель вскоре решает, что легче совершенствовать приборы, нежели развивать духовные способности, и, удовлетворившись изучением внешней оболочки вещей, убеждает себя в том, что их подлинная суть непознаваема.

Люди не слишком стремятся к истине, поскольку не могут представить того, чего не знают, и не способны познать истину, так как не слишком к ней стремятся. Простое любопытство или желание развлечься на досуге познанием истины ещё не дает нам духовной силы; для этого нужно отринуть все призывы царства элементаров, населяющих наши души. Человек прикован к этому царству тысячами цепей. Жители его души предстают перед ним в своих самых соблазнительных обличьях.

Если попытаться изгнать их, они просто сменят наряды и потребуют того же, что и раньше, но другими голосами. Но эти цепи, сковывающие человека, созданы его желаниями. Без его согласия пороки к нему не пристанут. Он сам цепляется за них, и они будут отнимать у него силы, пока, возмужав, он не восстанет во всей своей силе и величии и не изгонит их.

Поэтому-то третье требование— Осмелиться.

Мы должны осмелиться действовать, отбросив прочь все свои желания, а не ждать терпеливо, пока они лишат нас сил. Мы должны осмелиться оставить свои привычки, безрассудные мысли, эгоистические устремления, всё, что мешает нам познать истину. Мы должны посметь победить себя и мир, осмелиться спокойно встретить смех невежд, поношения фанатиков, высокомерие гордецов, презрение ученых, зависть ничтожеств. Мы должны осмелиться возгласить истину там, где в ней нуждаются, и молчать в присутствии глупцов. (86)

Наконец, мы должны осмелиться принять бедность, страдание и одиночество и всегда поступать, слушаясь лишь голоса истины.

Всё это легко было бы сделать, если бы человек обладал свободой воли, если бы он был господином самому себе, если бы его не сковывали цепи души; но человек существует в мире, и потому свобода его относительна, и над собой он властвует лишь пока не попал в плен желаний. Мы можем делать одно и не делать другого, но желания определяют наш выбор, и все наши поступки подчинены страстям.

Только тот, кто поистине свободен, волен стремиться к тому, чего не хочет, и не стремиться к тому, что его влечет.

Чтобы сделать волю свободной, необходимо действовать. Каждый поступок, каждое деяние, совершенное не ради себя, укрепляет её. В единстве— мощь. Чтобы укрепить волю, её нужно объединить с волей других, и наши страсти потеряют над ней власть, если чужие желания окажутся отличны от наших. В действии — сила. Если мы противопоставим свою волю чужой, если станем поступать наперекор другим, наша воля укрепитя, но мы окажемся в одиночестве.

Есть лишь одна мировая Воля, ибо божественное целостно. Проявления её могут быть как благими, так и дурными; однако блага в ней больше, ведь она исходит из вечного источника всего Блага. Это сумма всех воль мира, сила, что движет мирами. Она, конечно, неизмеримо сильнее любой отдельной воли, поскольку целое больше части, а бесконечное больше конечного. Тот, кто отождествляет свою волю с мировой, обретает могущество; тот, кто пытается противопоставить себя миру, может обрести силу, но если первый получает бессмертие, то второй обречен на гибель, ибо неминуемо будет сметен.

Следовательно, есть три пути развития воли и освобождения её из-под власти страстей.

Первый— действовать наперекор своим желаниям, заставлять себя делать то, чего делать не хочется, что мучительно. Этот способ активно использовался на Западе в средние века и до сих пор применяется на Востоке факирами и аскетами низшей ступени. Такой путь выбирают склонные к колдовству люди, когда хотят обрести достаточную силу воли, чтобы научиться управлять некоторыми из низших элементаров и воздействовать на людей и животных на расстоянии.

Требуется только научиться терпеть боль, а о том, до каких нелепостей можно дойти в этом умении, позволяют судить рассказы путешествовавших по Востоку. Но хотя такая практика укрепляет волю, она не искореняет желания, а напротив, усиливает их, ибо действие равно противодействию. По сути, люди, избирающие этот путь, потакают главному своему желанию— обрести могущество.

Потому-то епитимьи и самоистязания в лучшем случае бесполезны на пути души к совершенству. **Второй** способ — пожертвовать собственными стремлениями во имя Добра и всегда поступать, повинуюсь Закону. Тогда, если нас и посетят противоречащие ему желания, они умрут от голода. На этом пути мы соединяемся с силой Добра и обретаем безграничное Благо.

Третий способ — пожертвовать собственными стремлениями во имя зла и творить зло ради него самого, а не из личного интереса. Тогда мы объединяемся с силой Зла и неминуемо погибнем в конце.

Мужество — качество, за которое людей всегда уважали. Индеец гордится своим безразличием к физической боли, факир, истязая себя, демонстрирует крепость воли, да и самый обычный солдат жаждет доказать свое презрение к опасности и помериться силами с врагом. Но есть поступки, которые требуют мужества более высокого порядка. Отвага на физическом плане требует мгновенного напряжения всех сил или же кратковременного усилия воли, а потом наступает удовлетворение, и можно отдохнуть, но трудящийся на душевном плане не будет знать покоя, пока зло не искоренено полностью.

Чтобы держать в узде чувства, напряжение должно быть постоянным и неослабным; и особенно тяжело его выносить потому, что наши муки всецело зависят от нас: стоит только дать волю собственным желаниям, и чувственное удовольствие не заставит себя ждать. Нужно высшее мужество, чтобы всегда повиноваться закону. Битва может быть долгой, но каждая победа укрепляет волю и каждое проявление смирения делает её сильнее; и когда наконец окончится бой, то над бранным полем, где элементалы разрушают останки убитых желаний, воспарит Орел Духа, и поднимется к Солнцу, и насладится безоблачным спокойствием эфирного царства.

Металлы очищаются огнем, дух очищается страданием. Лишь когда расплавленная масса застынет, можно судить о качестве очистки; лишь когда одержана победа над эмоциями, когда наступает долгожданный мир, — лишь тогда дух может увидеть и постичь красоту вечной истины.

Бессмысленно пытаться расслышать голос правды сквозь шум борьбы желаний и убеждений, он различим только когда после бури наступает затишье. (87)

Поэтому **четвертое** требование к искателю истины — Молчать.

Это значит, что в наших сердцах должен звучать только голос истины, а не голоса страстей; истина — ревнивая богиня, она не терпит соперниц. Тот, кто избрал мудрость в невесты своей душе, должен посвятить ухаживанию за ней все свои дни и, уж конечно, должен изгнать всех наложниц из брачных чертогов своей души. Пускай он оденет невесту чистотой своей привязанности, пусть украсит её золотом своей любви, ибо мудрость скромна, она не станет наряжаться сама, но будет ждать, пока влюбленный догадается почтить её красоту. Эту деву нельзя купить деньгами или обещаниями, но преданному ей она ответит взаимностью. Наука — лишь служанка мудрости, и того, кто предпочтет служанку, госпожа отвергнет; но тот, кто всего себя принесет в дар мудрости, обвенчается с нею.

Бхагавадгита говорит:

"Тот, кто постоянно думает обо мне, тот, чей разум не отвлекается на другое, обретет меня. Меня всегда легко отыщет верный".

Христианский мистик Якоб Бёме, вдохновенный духовидец, выражал ту же мысль в форме диалога между учителем и учеником.

Ученик спрашивает учителя:

"Как мне познать жизнь сверхчувственную, чтобы увидеть и услышать Всевышнего?"

Учитель отвечает:

"Если ты хоть на мгновение в мыслях дойдешь туда, где нет никаких созданий и форм, ты услышишь голос Всевышнего".

Ученик говорит:

"Далеко это или близко?"

Учитель отвечает:

"Это место в тебе самом, и если ты хотя бы на час заставишь умолкнуть собственные желания, то услышишь неизреченное слово Всевышнего. Если твоя воля и "я" утихнут, восприятие высшей Воли откроется тебе; Бог станет слышать, видеть и говорить через тебя; ибо желания, слух и зрение мешают слышать Всевышнего". (88)

Примерно эти же наставления даются и в раджа-йоге:

с их помощью святые Востока осуществляют слияние с тем, что лишено форм и пределов. *Все религиозные обряды предназначены для того, чтобы вознести душу в область беспредельного, и все религиозные системы должны, по сути, учить лишь тому, как этого достичь. Церковь недостойна называться церковью, духовным союзом, если она — не школа, где обучают науке слияния с вечным источником жизни.*

Но ведь как легко позволить душе вволю попировать среди бесчисленных форм и соблазнов материального плана, разрешить ей слушать песни сирен-элементалов, населяющих душу, — и как страшно войти в мрачные пещеры беспредельного, где в тишине вечной ночи не слышно ни звука, где раздастся лишь эхо вашего собственного голоса, — но именно там скрывается подлинное могущество. Намного легче позволить разуму подчиниться свободному течению мыслей, чем поймать одну из них и держать и запереть двери для всех дум, лишенных печати истины; вот почему большинство людей предпочитают иллюзорность конечной жизни вечной реальности бесконечного, вот почему они предпочитают страдания счастью, а невежество — познанию истины.

Человек и сам— мысль, порождение океана Разума. Если душа его пребывает в полной гармонии с истиной, истина сольется с его душой. Одаренному музыканту незачем исчислять звуковые модуляции, чтобы понять, не фальшива ли услышанная мелодия; человек, единый с истиной, узнаёт себя, как в зеркале, во всём, что подлинно.

Природой правит Мудрость, она — высший принцип, доступный человеку. Высшая способность человеческого интеллекта— выразить эту Мудрость словами, высшая способность человеческого тела — выразить её в деяниях.

Всё в Природе— знак, буква, слово, ибо за каждой вещью стоит идея; и сочетание этих знаков образует язык. Значит, Природа— божественный язык, на котором высказывает себя Мировой Разум. Отдельный интеллект, развитый настолько, что через него проявляет себя высший Разум, способен понять этот язык. Если интеллект человека настолько совершенен, что делает его орудием выражения величайших идей Мирового Разума, понятно, что ему окажутся доступны высочайшие тайны Природы.

Достигнув определенной стадии развития, Человек становится способен читать мысли других без посредства речи, и эта способность понимания того всемирного языка, который не воплощается звуками, есть сила интуиции— сила, которая на данном этапе эволюции у большинства людей присутствует как потаенная искорка, вместо того чтобы озарять, как солнце, горизонты разума, который, пользуясь этой силой, проникает суть вещей и постигает их подлинный смысл.

Излучение, исходящее от сущности вещей и улавливаемое в глубинах человеческого ума, и излучение, исходящее из этих глубин и проникающее в мировой океан Разума, — вот что такое этот великий язык.

Чистый Человек — образ и выражение высшего принципа— может воспроизвести высочайшую истину в её изначальной чистоте, и его свидетельства будут совершеннейшим отражением полученных впечатлений; но обычный человек, погруженный в материю, рожденный сочетанием многих принципов на низшей ступени эволюции, воспринимает чистые лучи истины уже преломленными и потому не в состоянии отразить их в первоначальном виде.

Он уходит прочь от Солнца истины, и оно кажется ему издалека просто маленькой звездочкой, которая может и вовсе исчезнуть из виду. Всё в Природе имеет имя, и тот, кто может назвать вещь её подлинным именем, произнося его, дарует ей жизнь. Но это подлинное имя— не произвольное название, данное человеком, а выражение совокупности функций вещи и её признаков, так как функции и признаки всего сущего неотделимы от своего выражения, они напрямую соотносимы с ним, будучи ограничены временем и условиями существования.

У человека есть только один настоящий внутренний язык, знаки которого естественны и понятны всем, и этот язык есть либо непосредственная передача мыслей, либо открытое выражение чувств. Этот внутренний язык— родитель внешнего, он исходит из Первопричины, которая одна для всего человечества и едина в себе; а значит, если бы подлинный свет высшего начала во всех людях являлся в своей изначальной чистоте, то все говорили бы на одном языке, ведь внешний язык есть просто несовершенное выражение внутреннего. И этот изначальный язык действительно существует, но мало кто понимает его, ибо нельзя изучить его, не пройдя сначала долгий путь внутреннего совершенствования.

Внутренний язык— дыхание духа, тогда как внешний— всего лишь последовательность звуков. Ключ к внутреннему языку сокрыт в божественном Логосе, ключ к внешнему — в умонастроениях людей.

Человек в его теперешнем состоянии слышит голос, говорящий на этом внутреннем языке, но не понимает его; он видит священные знаки, но не постигает их; его ухо приучено придавать определенным звукам определенный смысл, но подлинных вибраций он не ощущает; он понимает то, что написано людьми в книгах, но не может угадать значение иероглифов, выражающих подлинную природу вещей.

Каждое слово в этом внутреннем языке есть характер вещи, знак и символ, который люди развивают, не понимая; оно — суть любого создания, и кто познает суть, узнает слово и знак. По этим знакам можно отличить человека или группу людей; они привлекают друг к другу родственные души — потому-то один художник узнает другого, не видя его самого, но лишь взглянув на его работы. В духе едины пространство и время, и ни одна связующая нить не случайна.

Люди всегда мечтали об одном мировом языке. Но он не может быть создан никем произвольно, иначе выучить его будет труднее, чем любой другой. Настоящий язык должен выражать гармонию души человека с природой вещей, и пока существуют различия и разногласия, мирового совершенного языка не будет.

Божественный принцип выражается через три составляющие: слово вещественное, слово разума и пророческое слово. Первое говорится на языке Природы, второе — на языке рассудка, третье слово есть сила. Каждая мысль облекается в некий образ; каждое существо есть знак, живой образ внутренней сути.

Каждое тело — символ определенной невидимой силы, и Человек, заключающий в себе высочайшие из сил, — благороднейший символ в Природе, первая и прекраснейшая буква в алфавите Земли. Любую мысль можно высказать, а если мы не можем этого сделать, это не значит, что нужных знаков нет, но значит лишь, что они нам неизвестны. Слово и язык в целом есть выражение мыслей, и чтобы быть совершенными, они должны выражать их безупречно.

Когда высказывание не соответствует мысли, язык теряет свое могущество (впрочем, в настоящее время он больше скрывает, нежели открывает). Поэтому ложь постыдна, она лишает силы и ведет к деградации. Белая магия выражает идею в её первоначальной чистоте и совершенстве; колдовство же обманом и ложью воздействует на воображение, порождая лживые впечатления. Подобное колдовство применяется каждый день почти во всех сферах жизни; его использует священник на кафедре, который убеждает слушателей, что владеет ключами от рая; торговец, надувающий покупателей; старая дева, которая завлекает женихов, вставив зубы и надев парик.

Все занимаются этим втихомолку и осуждают вслух; но это ведет к исчезновению в мире веры и правды, к укреплению зла и несет гибель народам, которые не восстанут против лжи; ибо так же, как сила добра возрастает от добрых дел, сила зла возрастает от дурных.

Призвание человека — поступать хорошо, то есть так, как лучше для его развития. Добрые дела привлекут к нему высшие принципы; его материальное тело будет всё сильнее истончаться, оно просияет изнутри светом всезнающего разума, пока не приобретет все качества астрального тела и человек не превратится в дух. Верша зло, он привлекает к себе неразумные природные начала, которые суть зло; напротив, высшие начала в нем всё больше овеществляются и тяжелеют, пока не увязнут наконец в трясине материи, и тогда человек уже не может подняться к свету, душа его цепенеет, а интуиция теряет силу.

Дела человека оставляют след. Воплощая мысли в поступки, он высказывает их и вписывает в книгу жизни. Каждое дурное дело ведет к деградации принципа, на душе как бы нарастает корка. Добрые поступки могут разрушить эту корку и вернуть душу к изначальному состоянию. Раскаяние, не подтвержденное делом, бесполезно. Это как воспаление, вызванное занозой: жизненные силы, борются с ним, и это причиняет боль; но, если занозу не удалить, может начаться заражение.

Действия человека — его творения, они придают форму его мыслям. Побуждение дарует им жизнь, воля наделяет их силой. Намерение бесплодно, пока оно не стало поступком. Знак, буква, слово бессмысленны, если их значение непонятно тому, кто использует их. Образ выражает идею, но он бесполезен, пока его суть не постигнута разумом. Могущественнейшие магические символы не помогут тому, кто не понимает их значения, тогда как для того, кто сведущ в оккультных науках, одна-единственная точка, линия, любая геометрическая фигура исполнены глубочайшего смысла.

Давайте, к примеру, рассмотрим пентаграмму, или пятиконечную звезду. Суеверные и наивные люди считали когда-то, что при виде этого знака злые демоны бегут в страхе, что он защищает дом от колдуна и ведьмы. Этот символ используется всюду как торговая марка или деталь орнамента. Для большинства это обычная геометрическая фигура; но тому, кто задумался над её значением, она дарует власть.

Помимо всего прочего, звезда представляет микрокосм в человеке и его власть над силами Природы.

Четыре нижних треугольника представляют четыре элементарные силы Природы в их соотношении и взаимодействии: это опасности, грозящие человеку на астральном плане, и соблазны, которым подвергают его чувства. Но все эти треугольники сплетены с верхним, символом разума, на который воздействуют эти силы и который управляет ими посредством воли. Применив этот знак как должно, то есть усмирив низменные инстинкты, человек обретает господство над силами Природы. Нужно следить, чтобы фигура была как следует прорисована и не оставалось промежутков: значит, мы должны выставить стражу со всех сторон, так как если хотя бы один зверек-желание проберется в храм, гармония целого окажется под угрозой.

Но когда каждая составляющая нижних треугольников перейдет в элемент верхнего и подчинится ему, установится равновесие и будет обретаена власть.

Соединение треугольников должно образовать квадрат — символ совершенства, и тогда человек завершит свое восхождение. Для христианства знак креста— символ мучений и смерти, для оккультиста это символ воскресения и жизни. Это знак двух противоборствующих проявлений Природы: притяжения и отталкивания, материи и духа, мужского и женского начал; точка пересечения двух линий— средоточие мудрости, Роза Креста, Центральное Солнце мира. *In Hoc Signo Vinces* (сим победиши), если применить знак с пониманием и мудростью.

Линия, распадающаяся на две, представляет собой разделение и зло, и кривая— противоположность прямоты. Нарушение целостности порождает зло; в единстве— сила.

Один из важнейших и наиболее мощных символов — два пересекающихся треугольника, окруженные змеей, вцепившейся в свой хвост. Тот, кто до конца поймет этот знак, познает законы эволюции и инволюции, постигнет нисхождение духа к материи и восхождение материи к духу.

Он познает бесконечные круги времен с их днями и ночами творения, пути развития жизненного импульса, переходящего от планеты к планете, импульса, что зародился в царстве элементаров и в конце концов явил человека, — словом, постигший этот символ постигнет всё, что недоступно обычному человеку наших дней.

Мы видим шесть точек пересечения линий в звезде, седьмая же— в центре— остается незримой. Из этого невидимого средоточия великое Духовное Солнце испускает семь своих изначальных лучей, образуя круг, длина окружности которого бесконечна и непостижима, порождая системы планет и поглощая их.

Наш материалистический век готов отвергнуть, не изучая, символы прошлого, значения которых не может понять, потому что не может представить.

Вовлеченный в погоню за земными благами, он забывает о своих подлинных интересах, променяв духовное богатство на ничтожные пузыри. Потеряв из виду собственную судьбу, человек гонится за тенью, пока другие тратят жизнь, чтоб умиловать грозного бога и купить у него счастье в посмертном существовании, в котором сами не уверены.

Повинуясь страху, многие склоняются перед молохом суеверия и невежества, пока другие добровольно закрывают глаза на свет истины и, безумные, спешат к мертвой, холодной материалистической науке, чтобы сгинуть в её каменных объятиях. Но мудрый, чей взор проникает далеко за тесные пределы его сегодняшнего окружения, за пределы краткого срока отведенной ему земной жизни, — он знает, что его судьба в его власти. Мудрый поднимает магический жезл разума и умиряет бушующую на астральном плане бурю.

Эмоции, стремившиеся погубить его, повинуются ему и исполняют его веления, и он спокойно шествует по водам, чья ровная гладь скрывает гибельную пучину; а над головой его сияет ярчайшее созвездие Истины, Знания и Величия, и центр его — Мудрость, а начало — в духовном самосознании каждого человеческого существа.

ОПИСАНИЕ РИСУНКА

Внизу на рисунке изображен спящий Сфинкс. У него человеческие голова и грудь, которые представляют собой высшие принципы, и звериная задняя часть туловища, которая символизирует низшие начала. Сфинкс грезит, пытаясь разрешить вопрос об устройстве Вселенной и о Природе и судьбе Человека, и видения воплотились в картине, где показано взаимодействие Макрокосма и Микрокосма.

Венчает и обрамляет изображение Тот, кто не имеет начала и конца, кто заключает в себе и пронизывает собой всё, от областей, бесконечно удаленных и невообразимых до невидимого и непостижимого центра (в Человеке), и это — Парабрахман (Ади-Будда или Бог), непроявленный Абсолют, "*Отец*", высший источник всех энергий, что воплощались или когда-нибудь воплотятся как "*вещи*"; и благодаря его деятельности мир был брошен в существование, будучи замыслен или "*сотворен*" им, силою его воли и воображения.

Омега (и Альфа в центре) представляют "*Сына*", Абсолют, явленный как Мировой Логос или Христос, которого иначе именуют Параматма, Буддхи или шестой принцип, причина начала и конца всего сущего. Это Единое с Отцом (Мулапракрити), проявляясь как Пуруша и Пракрити, Троица в Единстве, являются причиной Пространства, Движения и Материи. Их высшее проявление — это Божественная Мудрость, или Тео-София, и так они являются Человеку. Этот мировой духовный принцип вскармливает "*возрожденного*" духовного человека, чья матка — физическое тело, и подобно тому как эмбрион впитывает соки из материнского чрева, душа человека создается из астральных потоков или порождается Душой мира.

Мировой Логос излучает "*невидимый Свет*" Духа, Свет Истины, Закона и Жизни, что объемлет и пронизывает Космос и озаряет человеческую душу.

Тот свет, который мы видим в Природе, — наиболее грубое, вещественное его воплощение, так же как видимое глазу Солнце лишь отражает свой божественный прообраз — невидимое средоточие энергий, или великое Духовное Солнце.

На рисунке мы видим зодиакальный круг, внутри которого изображены планеты нашей Солнечной системы. Картина символизирует Космос, наполненный планетарными влияниями, исходящими из астрального света, где взаимодействуют потоки энергий, излучаемые космическими телами и их жителями. Здесь зарождается Жизнь, здесь — Илиастр Парацельса, в котором деятелен Дух — *Mysterium Magnum*.

Энергии, текущие в космосе, представлены переплетением треугольников. Два внешних обозначают великие силы творения, сохранения и разрушения; это Брахма, Вишну и Шива, что властвуют над стихиями Огня, Воды и Земли — так сказать, над первопричинами всех газообразных, жидких и твердых веществ и предметов.

Два меньших треугольника рассказывают, скорее, о природе Человека. В, С и D обозначают Знание, Познающего и Познанное, совокупность которых образует Разум, или Сознание. Е, F и G соответственно представляют собой физического человека (стхула-шарира), эфирного, или внутреннего, человека (сукшма-шарира, звездное тело у Парацельса, астральное тело, кама-рупа и т.д.) и духовного человека (карана-шарира, божественный Археус, духовная Душа). В центре — божественная Атма, личный Христос, сущность, идентичная Мировому Логосу.

Это — Триединство в Единстве (89), оно поглощает свет, исходящий от Параматмы, и вновь излучает его, уже из центра круга. Это духовное зерно, посеянное в человеческой душе, и возраставший его обретает вечную жизнь.

Сияние же — Роза Креста, образованная Мудростью и Силой, которые связаны воедино и повелевают миром.

Но ниже всего располагается область Иллюзий, наиболее плотных и грубо материальных мыслей, что погружаются во Тьму и Смерть (Восьмая сфера, или Хаос), где разлагаются и гниют, и вновь распадаются на элементы, давшие некогда жизнь Вселенной.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. 1 Коринф. 3:16.
- Франц Гартман. Магия Стр. 110
2. Edw. Arnold, *"Light of Asia"*.
3. Bulver Lytton, *"Zanoni"*.
4. Быт. 3:21.
5. Быт. 3:22.
6. М.К., *"Свет на пути"*.
7. 1 Коринф. 3:19.
8. См. С.L. Hunt, *"Vaccination"*.
9. *"Report of the Society for Psychical Research"*, London, 1884.
10. Быт. 3:22.
11. Там же.
12. Акаша брахманов или Илиастр Парацельса, Протей мироздания.
13. Carl du Prel, *Die "Planetenbewohner"*.
14. Ментальные посмертные состояния, подобные раю и аду прим. ред.
15. Откр. 20:11.
16. Откр. 1:1.
17. В англ. вар.: *"Те, кто родились под несчастливой звездой"* (получив дурные наклонности из-за своего поведения в прошлой жизни). — Прим. ред.
18. Бхагавадгита 16.4, 6-7.
19. 2 Коринф. 12:4.
20. Шопенгауэр, *"Мир как воля и представление"*.
21. Пракрити.
22. Иллюзия.
23. Пуруша.

24. Санскритские названия для семи принципов таковы: 1. Праkritи; 2. Линга-шарира; 3. Камарупа; 4. Джива; 5. Манас; 6. Буддхи; 7. Атма (Параматма, Брахма, Парабрахман).

— См. *"Five Years of Theosophy"*, p. 153.

25. А.П. Синнетт, "Оккультный мир".

26. Эта тесная связь астральной формы и физического тела нередко обнаруживается при так называемых разоблачениях "духовных медиумов".

Если материализованную форму запачкать чернилами или сажей, окрашенную материю находят потом в соответствующих местах тела медиума, поскольку, когда астральная форма возвращается в это тело, она передает ему испачканные частицы вещества.

27. Adolphe d'Assier, *"L'humanite posthume"*.

28. Bulver Lytton, *"Zanoni"*.

29. Парацельс подробно описывает эти создания.

30. Сын Мудрости (Ангел).

31. А.П. Синнетт, *"Оккультный мир"*,

32. *Religio-Philosophical Journal*.

33. Этому вопросу полностью посвящена совместная работа Ч. Ледбитера и А. Безант *"Мыслеформы"* — прим. ред.

34. Des Mousseaux, *"Moers des daemons"*; Ennemoser, *"Magie"*.

35. Э. Сведенборг, *"Небеса и Ад"*.

36. Подробнее об этом см. в книге Ч. Ледбитера *"Внутренняя жизнь"*, раздел шестой *"Жизнь после смерти"*, гл. *"Животное одержание"* — прим. ред.

37. Бэббит, *"Принципы света и цвета"*.

38. Согласно Е.П. Блаватской, астральный свет — лишь низший аспект Мировой Души и высший принцип земной атмосферы, в то время как акаша — некий духовный проводник. — Прим. ред.
39. Debarolles, *"Mysteres de la main"*.
40. Prof. Wm. Denton, *"Soul of Things"*; J.R. Buchanan, *"Manual of Psychometry"*.
41. Adolphe d'Assier, *"L'humanite posthume"*.
42. Иоан. 1:4.
43. Там же.
44. Paracelsus, *"De Origine Morborum Invisibilium"*.
45. L.B. Hellenbach, *"Die Magie der Zahlen"*.
46. По закону Бode примерные соотношения расстояний, отделяющих планеты от Солнца, таковы: Меркурий 3 + 4; Венера 6 + 4; Земля 12 + 4; Марс 24 + 4; Юпитер 48 + 4; Сатурн 96 + 4; Уран 192 + 4; Нептун 384 + 4.
47. Фома Кемпийский.
48. Е.П. Блаватская, *"Разоблаченная Изида"*.
49. Sir John Lubbock, *"Proceedings of the British Association"*.
50. Maximilian Perty, *"Die mystischen Erscheinungen in der Natur"*.
51. *"Histoire des diables de Loudin"*.
52. H. Zschokke, *"Verklaerungen"* (Преображения).
53. *"The Theosophist"*, *"Elixir of Life"*.
54. Спириты отвечают на это, что человек ничуть не меняется после смерти и продолжает придерживаться тех же верований, тем более что при помощи мысли люди могут создавать себе иллюзорное окружение, которое только подтверждает их прежние взгляды — прим. ред.
55. Центральный орган чувств (лат.). — Прим. ред.
56. Трое ученых претендовали на открытие хлороформа, двое — на открытие Урана, двое, помимо Белла, — на изобретение телефона и т.д. (Уже после написания этой книги то же повторилось с изобретением радио и кино — ред.)

57. Prof. Wm. Denton, *"Soul of Things"*.
58. Emma Hardinge Britten, *"Ghost Land"*.
59. Justinus Kerner, *"Seeress of Prevorst"*.
60. David Low, F.R.S.E., *"Simple Bodies in Chemistry"*.
61. Мировой Дух (лат.). — Прим. ред.
62. Первоначало (лат.). — Прим. ред.
63. J. Tritheim, *"Miraculosa"*, Chap. XIV.
64. Подробнее об этом см. в книге А. Бэйли *"Двенадцать подвигов Геракла"* — прим. ред.
65. Быт. 1:29.
66. По подсчетам, произведенным профессором фон Либихом, животная пища стоимостью 100 долларов дает человеку столько же белка, сколько горох стоимостью 9 долларов или пшеница стоимостью 4 доллара.
67. Быт. 1:26.
68. Бхагавад-гита, IV.40.
69. Sohar Wajesaе.
70. Иоан.1:1.
71. Сказанное выше не относится к стигматам, они— плод разыгравшегося воображения, тогда как упомянутые мною боли — результат воздействия духа, дающего новую жизнь физической форме.
72. Иоан. 19:34.
73. Иоан. 19:33.
74. Манас.
75. Камарупа.
76. Майа (иллюзия).
77. А.П. Синнетт, *"Эзотерический буддизм"*, гл. 2.
78. От санскр. *"соединять"*.
79. Откр. 20:7.
80. Откр. 20:1.
81. Пралайя.
82. Откр. 20:5.
83. Откр. 20:11.

- 84. Откр. 20:6.
- 85. Откр. 21:27.
- 86. Притч. 26:4.
- 87. М.К., "*Свет на пути*".
- 88. Jakob Boehme, "*Theosophical Writings*", Book VI.
- 89. Из трех А только одно четко прорисовано на иллюстрации.

*Перевод с английского З. Ю. Метлицкой*__